

Опять в Первопрестольной

Здесь Р.Э. Классон появился летом 1906-го. В Москве ему была предложена должность регионального технического директора «Общества электрического освещения 1886 г.» с годовым окладом 10 000 руб. плюс тантьема (определенный процент от прибыли).

Р.Э. Классон в Москве

Из анкеты, заполненной в 1925-м:

В 1906 г. у меня [в Баку] произошло столкновение с консорциумом банков, который требовал от меня репрессивных мер по отношению к забастовщикам, и после моего отказа уволил меня со всеми моими сотрудниками – В.В. Старковым, А.Б. Красиным, А.В. Винтером и другими, посадив вместо нас иностранных инженеров. Они тотчас же подавили забастовки на станции репрессивными мерами, при содействии Бакинского градоначальства.

Без работы я был всего лишь несколько дней, так как меня тотчас же пригласили в Москву на эксплуатацию Московской станции и для постройки и расширения ее. В Москву я уехал в августе 1906 г. и с тех пор в течение 19-ти лет беспрерывно состою директором этой станции. (ф. 9508 РГАЭ)

Поясним, что Л.Б. Красин в Баку заболел малярией, поэтому он еще в конце 1905-го убыл в Центральную Россию. Первое время жизнь в Первопрестольной казалась Роберту Эдуардовичу, как потом он рассказывал сыну Ивану, весьма «пресной»: не происходило землетрясений, нефтяных пожаров, не дул ужасный норд, не обваливалась штукатурка, не было жары, солитеров, никого из знакомых не похищали ради выкупа кавказские разбойники! Однажды он проснулся ночью от явного землетрясения и вскочил на ноги. Землетрясение продолжалось, шагнув, он наткнулся на зеркало, сделав шаг в другую сторону, наткнулся на второе и, наконец, сообразил, что едет из Москвы в Петербург в вагоне первого класса.

Последние три года до этого, с осени 1903-го семья Р.Э. Классона жила, по известным нам причинам (после обнаруженных Софьей Ивановной измен мужа), не в Баку, а в Москве – на Пречистенке, в Шереметьевском переулке и на Моховой ул. А летом – снимала дачи в живописных курортных местностях России. Теперь ему, «воссоединившемуся с семьей», в том же трехэтажном доме – ул. Садовники, 11 (ныне это дом №11/2), где они в 1897-1900 гг. обитали на третьем этаже, предоставили в 1906-м служебную квартиру из восьми комнат, которая занимала весь второй этаж плюс две комнаты с ванной на третьем этаже. Отметим, кстати, что в начале XX века сию улицу жильцы называли и так, и этак. Например, Р.Э. Классон согласно адресно-справочной книге «Вся Москва» за 1912 год проживал в доме по адресу Садовники, 11, а его коллега В.Д. Кирпичников – в том же доме, но по Садовнической улице. В 1907-м был переделан в небольшую комнату – спальню Роберта Эдуардовича – выходивший во двор квадратный в плане балкон (то же самое было сделано на первом и третьем этажах). Забегая вперед, отметим, что в 1918-м его семью большевики немного «уплотнили», отобрав помещения на третьем этаже.

Сообщим также, что с 1913-го служебный кабинет Р.Э. Классона расположился в административном здании по той же улице, под нынешним №30. Последнее, миниатюрное трехэтажное здание было особняком потомственной почетной гражданки, купчихи Праксисы Афанасьевны Варыхановой. Перед тем как сдать в аренду энергетикам 2-й этаж, в нем сделали ремонт в стиле «модерн».

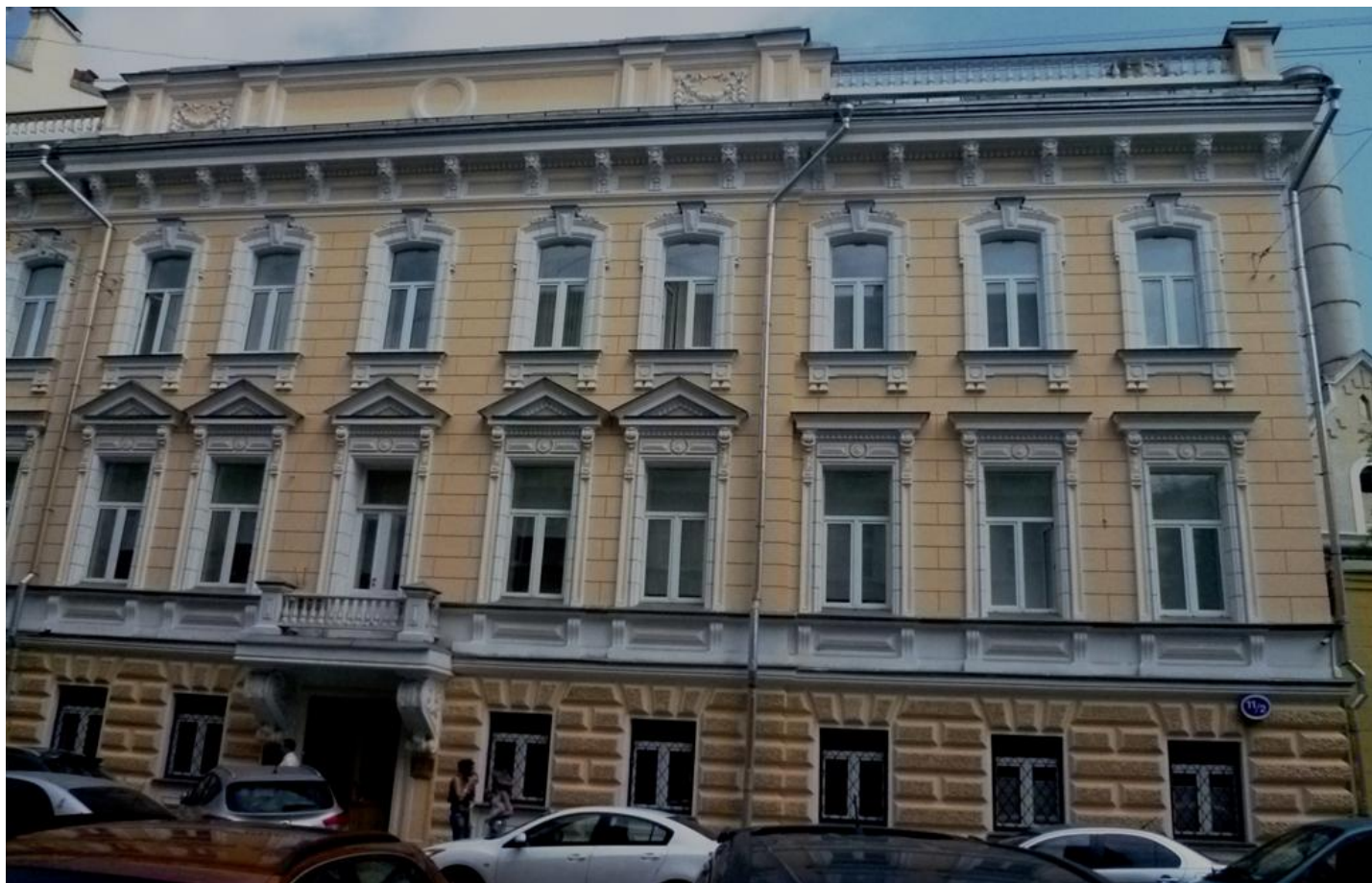
Дом 30 на Садовнической ул.

Скорее всего, это выполнила не Прасковья Афанасьевна, над которой как над душевнобольной пришлось установить опеку, а ее родственница и опекунша Вера Ивановна Варыханова. И так, с 1913 г. на втором этаже особняка располагалось дочернее общество «Электропередача», техническим директором которого стал Роберт Эдуардович.

Несколько сотрудников Р.Э. Классона, не все одновременно, но тоже вернулись из Баку на Раушскую станцию. Это, например, были Н.И. Языков и А.Б. Красин. А В.В. Старков, вернувшись в Москву, проработал до 1912-го помощником директора Трамвайной электростанции на Болотной набережной (она была введена в 1907-м и принадлежала Московской городской управе) и лишь затем перешел на Раушскую станцию. Директора Р.Э. Классона в предвоенные годы обслуживали русские секретарь Василий Александрович Бреннер и стенографистка Зинаида Павловна Шеина, а также немецкая секретарша-стенографистка Зислак.

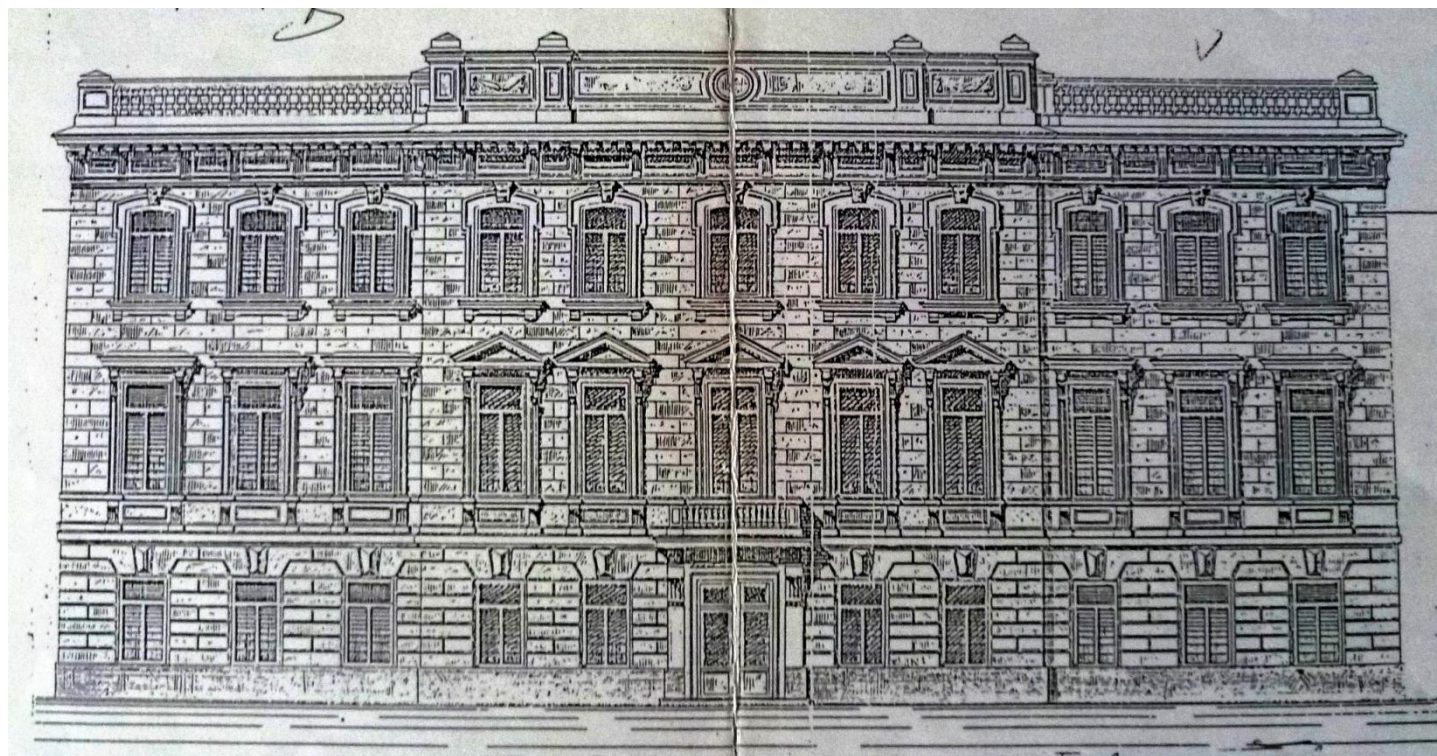
А теперь расскажем об очередном грандиозном проекте Роберта Эдуардовича – реконструкции и расширении станции на Раушской набережной, для чего предоставим слово его бывшему практиканту Виктору Дмитриевичу Кирпичникову, ставшему к этому времени заместителем Р.Э. Классона:

По первоначальному проекту 1897 года предполагено было установить в старом машинном здании 12 паровых машин тройного расширения с конденсацией общей мощностью 12 000 лошадиных сил. Для дальнейшего увеличения мощности проектирована была постройка второго машинного здания перпендикулярно к первому, для постановки в нем машин еще на 10 000 сил.

Современный вид д. 11/2 на Садовнической ул.
(мемориальная доска по Р.Э. Классону на нем отсутствует)

Чертеж 1897 года

Уже в 1903 году развитие предприятия заставило думать об увеличении мощности станции выше этого предела. К этому времени техника создала новый тип паровых двигателей, быстро завоевавших рынок, – паровую турбину. Ее компактность, дешевизна, удобство соединения с электрическими машинами, высокое число оборотов и, наконец, экономичность работы открыли ей широкую дорогу на большие электрические станции.

Взамен двух последних паровых машин по 1 200 лш. сил в 1904 и 1906 году установлены были на том же месте в старом машинном здании две турбины по 3 000 сил системы «Броун Бовери-Парсонс». Подобное изменение проекта 1897 г. дало возможность увеличить мощность старого здания до 15 500 сил.

Прежде чем приступить к дальнейшему расширению, переработан был, в связи с применением турбин, проект расширения станции. Согласно новому проекту в 1907 году увеличено было в продольном направлении (в сторону Москворецкого моста, вдоль Раушской наб.) старое машинное здание и вдоль его построена новая котельная. Еще в том же 1907 году была установлена в новом машинном здании первая турбина системы «Целли» в 3 000 сил. В течение четырех лет новое машинное здание было заполнено постановкой еще трех турбин по 4 500 сил, и станция достигла возможной максимальной мощности 32 000 сил.

В 1910 году усиленный рост предприятия еще раз поставил вопрос о необходимости дальнейшего и крупного увеличения мощности машин. Недостаток места и уже устаревшее оборудование старого машинного здания и старой котельной дали мысль заменить это оборудование новым. На месте десяти паровых машин, работавших насыщенным паром и производивших в сумме 9 600 сил, по новому проекту 1910 года решено было установить 7 паровых турбин общей мощностью 60 000 сил. Шесть из этих турбин уже установлены, седьмая, в 15 000 сил, будет установлена в 1914 году.

Мощность станции, несмотря на продажу всех паровых машин, достигнет, таким образом, 82 500 лош. сил или 55 000 KW. Дальнейшее увеличение мощности двигателей может быть получено только едва ли выгодной заменой малых турбин мощности 2 000-3 000 KW большими. Это последнее переустройство могло бы увеличить мощность станции до 80 000 KW, что и является высшим пределом мощности данной установки при современном уровне техники. Нужно оговориться, что это переустройство, вероятно, не будет иметь места. Вместо этого Об-ву 1886 года придется в ближайшем будущем строить вторую станцию*». (Развитие Московской центральной электрической станции Об-ва 1886 года // «Электричество», 1914, №3-4)

Итак, в феврале 1907-го началось строительство нового машинного здания и котельной, а в ноябре оборудование уже было пущено. В.Д. Кирпичников вспоминал в 1926-м:

Во время постройки электрических станций Роберт Эдуардович всегда непосредственно руководил работами, отдавая постройке все время с утра до поздней ночи, занимаясь одновременно и проектированием, и заказами оборудования.

Он лично вникал во все мелочи постройки и монтажа, всячески стремился механизировать строительные работы, снабдить их с самого начала электрической энергией, электрическим освещением, хорошими транспортными средствами и прочим.

Что особенно поражает во всех постройках Р.Э. – это тот быстрый темп, с которым он строил свои станции и электрические сети. Р.Э. совершенно не выносил медленного темпа, даже тогда, когда этого как будто бы требовала экономика. И в результате он был прав, так как те небольшие переплаты на ускорение работ сторицей возвращались из-за сокращения строительного периода и более раннего приступа к эксплуатации. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

Раушская станция после расширения

---

* Речь, по-видимому, шла о второй станции в Москве, а не об «Электропередаче» под Богородском.

Работы 1907-го стали началом коренной реконструкции станции, которая продолжилась в 1911-15 годах. Установка в прежней котельной, вместо старых, новых мощных вертикальных котлов потребовала построить новое здание, немного большее по ширине и длине, но вдвое более высокое. Это строительство велось без нарушения нормальной эксплуатации станции.

В 1911-м построили и перекрыли новое здание вокруг и над старым. Затем разобрали старое здание, сняли котлы левой половины котельной, на их месте установили и ввели в работу половину новых котлов. И, наконец, в правой половине котельной старые котлы тоже заменили на новые.

Забавно, что после доклада В.Д. Кирпичникова на VII Всероссийском электротехническом съезде (конец декабря 1912-го – начало января 1913-го), который стал предтечей публикации аналогичной статьи в «Электричестве», в прениях директор Екатеринбургской электростанции, инженер Лев Афанасьевич Кроль заметил элегически по поводу стремительности технического прогресса:

Здесь был доклад об историческом развитии Московской станции: обдуманную серьезно в свое время станцию фактически выбросили и заменили новой.

Иван Соловьев (пришедший на Раушскую станцию в 1901-м и работавший стенографистом у Р.Э. Классона с 1907-го по 1918-й), вспоминал:

Однажды, дожидаясь Р.Э., проф. Рамзин сказал мне: «Удивительный у вас кудесник Роберт Эдуардович, он строит кожух над старой котельной, не останавливая работу котлов». Как известно, Р.Э. старую котельную заключил в новые расширенные стены, а потом прежние стены разобрал. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

Под эту реконструкцию мастер котельной Иван Вячеславович Николаев выпросил лифт:

В 1909 году Роберт Эдуардович пришел в котельную, тогда еще старую, и сказал мне: «Ну, батенька, чертежи новой котельной все готовы. Вы еще раз просмотрите их хорошенько и, если найдете, что Вам еще нужно, то говорите сейчас, пока заказы не сданы. Если же Вы придете, когда заказы уже уйдут, то вот Вам». И показал мне свой внушительный кулак. Я ответил, что чертежи просматривал несколько раз, и, как будто бы, дополнить их нечем.

– «Но вот у меня есть одна просьба, да боюсь, что Вы мне откажете». – «Почему же вы так думаете?» – «Потому что это будет дорого стоить». – «Говорите». Я попросил его поставить в котельной подъемную машину, указывая на то, что оборудование котельной располагается на трех этажах, и по узким железным лестницам ходить будет весьма трудно. Он вынул счетную линейку, быстро прикинул и сейчас же сказал: «Машина Вам будет». Через несколько дней мне стало известно, что подъемная машина заказана. Так просто и быстро Р.Э. подчас решал сложные вопросы. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

Уточним здесь, что И.В. Николаев под счетной линейкой подразумевал логарифмическую линейку – неотъемлемую принадлежность тогдашнего инженера.

В.Д. Кирпичников в своей, уже упоминавшейся фундаментальной статье в «Электричестве» так описывал развитие кабельной сети Раушской станции, превратившейся в мощную и разветвленную Московскую энергосистему:

Принятая система канализации и выбранный тринадцать лет назад вольтаж сохранялись неизменно до 1910 года, и развитие кабельной сети за эти годы было почти всецело количественным. Следуя за потребностями населения в электрической энергии и за стремлением предприятия расширить обслуживаемый район, сеть непрерывно растет, увеличивается число трансформаторных помещений и соединительных кабелей.

Вместе с тем все больше и больше теряется ее радиальный характер, сохраняющийся только для кабелей, идущих в далекие окраины, бедное население которых не давало пока почвы для заполнения промежутков между этими длинными артериями электрической энергии. Таким образом, сеть с 1 440 соединительными пунктами и тысячами кабелей, связывающих их, становится похожей на сложнейшую паутину, проникающую во все части города Москвы.

Начиная с 1908 года рост сети производится почти всецело за счет распространения ее в фабричных окраинах г. Москвы, отстоящих от центральной станции дальше 4 клм. Для передачи больших количеств энергии для фабрик и заводов на такое далекое расстояние наличный тогда вольтаж 2 100 в. был слишком неэкономичен, и в 1910 году решено было питать отдельные районы радиусом от 4 до 10 клм. током 6 500 в. Для этого построена была во владении Общества подстанция для трансформирования рабочего напряжения сначала [мощность] 4 000, а затем 8 000 кв·а. При этом напряжении ток по подземным кабелям поступает в многочисленные трансформаторные помещения, понижающие напряжение до 120 в.

Дальнейший быстрый рост нагрузки в фабричных районах дал возможность экономично эксплуатировать самостоятельные генераторы. В настоящее время установлены 3 генератора 6 500 в. по 5 000 квт, которые приняли на себя всю нагрузку районов [питавшихся напряжением] 6 500 в.

Трансформаторная же подстанция служит лишь резервом для них. Таким образом, уничтожена дорого стоящая в эксплуатации первичная трансформация тока, и станция разделена на две несвязанные (электрически) в обычное время части.

Еще одним изменением сети, о котором необходимо упомянуть, явилось разделение ее на районы в 1909 году. В настоящее время имеется 6 районов (2 – 6 500 в. и 4 – 2 100 в.), разделенных друг от друга как высоким, так и низким напряжением и связанных только распределительным устройством станции.

Подобная система имеет большие преимущества в смысле простоты обслуживания и позволяет быстро находить и локализовать повреждения. В 1913 году это деление проведено и на станции, которая разделена на три самостоятельных единицы, находящихся в одном здании и соединяющихся между собой только в часы малой нагрузки.

Только что описанное разделение кабельной сети, отражая в прошлом рост предприятия, является залогом жизнеспособности его в будущем. Вполне развитая современная кабельная сеть, кроме выполнения своей служебной роли, становится новым благоприятным фактором для приобретения абонентов.

Таким образом, капитал, затраченный на оборудование сети, оставаясь в первое время как бы мертвым, с течением времени все больше и больше приносит процентов, а миллионы килограммов меди, заложенные в землю, являются необходимым и прочным фундаментом для роста предприятия и дальнейшего увеличения его доходности.

Отметим здесь, что «миллионы килограммов меди, заложенные в землю», вовсе не были фигурой речи. В 1912 году протяженность кабелей составляла 1 304 километра, вес меди – 2 391 тонн, а число трансформаторов – 1 624 (с суммарной активной мощностью 33 834 киловатт и полной – 42 292 киловольт-ампер).

Кабельная сеть Раушской станции в 1910 г.
(обозначена красными линиями, из альбома «Общества 1886 г.»)

А вот как о реконструкции и, вообще, о значении Раушской станции для Первопрестольной вспоминал позже сам Р.Э. Классон:

Постепенно темп развития становился все быстрее и быстрее и в последние годы перед революцией достиг чрезвычайной интенсивности, когда прирост станции превосходил прирост станций в большинстве европейских городов. К 1912 г. было устроено очень большое уличное освещение лампами накаливания. Первые трамваи тоже получали ток от Центральной станции, и только в 1907 г. была выстроена отдельная трамвайная станция.

<...> К началу нынешнего столетия станция была застроена машинами почти полностью, но, в то же время, начался процесс вытеснения паровых машин паровыми турбинами. Вообще Московская станция попала в эпоху головокружительного развития электротехники. То, что ставилось в этом году, через год, через два старело, надо было заменять более новыми машинами и механизмами. Электрические счетчики старели так быстро, что их приходилось заменять новыми зачастую даже раньше, чем все старые были установлены на места.

Этот быстрый рост и постоянная замена одних механизмов и машин другими требовали все нового и нового капитала. И характерным для Московской станции (также и для Петроградской) явилось то обстоятельство, что Общество не только затрачивало полностью весь полученный дивиденд на расширение предприятия, но вкладывало все новый и новый капитал, значительно превышающий размеры причитающегося дивиденда. Через десять лет после своего открытия станция была признана устаревшей, и решено было заменить паровые машины паровыми турбинами. К этому времени станция успела освободиться от опеки иностранной техники, персонал ее почти целиком состоял из русских инженеров.

И когда началась постройка, сначала новой чисто турбинной станции рядом с прежней, а затем и замена паровых машин большими турбинами, то вся эта большая работа была проделана почти исключительно русскими инженерами и техниками.

Когда десять лет тому назад, через пятнадцать лет после своего открытия, Московская станция стала строить подсобное себе предприятие – первую в России районную станцию «Электропередача», то не только все работы, но и все проекты были исполнены русскими инженерами и персоналом Московской станции, совершенно без всякого участия иностранцев.

В этом заключается одна из крупнейших заслуг Московской станции, она воспитала в течение двадцати пяти последних лет целые кадры русских инженеров и техников. Путем долгого подбора она сформировала образцовый станционный персонал.

<...> В истории русской электротехники Московская станция играла исключительно выдающуюся роль. Центральное положение Москвы естественно способствовало тому, что проезжавшие через Москву техники знакомились с Московской станцией, заимствовали от нее не только технические, но и общехозяйственные новинки.

Статистика Московской станции была образцовой и послужила прототипом для выработки статистики целого ряда провинциальных станций. Те технические опыты, которые могла делать богатая Московская станция, шли на пользу не только ей, но и всем остальным станциям страны, и к ее образцовой лаборатории прибегали не только московские, но и провинциальные учреждения.

Ежегодно десятки студентов высших учебных заведений поступали на летнюю практику на Московскую станцию, и те практиканты, которые попадали на платные должности, проходили суровую школу двух- или трехмесячного курса, в продолжение которого они знакомились последовательно со всеми отделами станции. Они стояли при котлах, при насосах, при машинах, они производили целый ряд обязательных работ. И тот студент, который добросовестно исполнял все программные требования, выходил после этой практики со станции другим человеком.

<...> Московская станция особое внимание уделяла подбору персонала. Сотни рабочих проходили через станцию, наиболее способные и добросовестные оставались на станции и уже сроднились с ней на десятки лет. Сейчас Московская станция, празднующая свой 25-летний юбилей, имеет очень много служащих и рабочих, которые работают на ней с самого ее основания, считают предприятие своим родным и не покидали его в худшие, тяжелые времена 1919 года, несмотря на все лишения и на возможность устроиться в других местах выгоднее.

Эта тесная связь персонала со станцией является главной причиной мощи и выносливости станции, на ней держится все производство. В том же самом здании, в котором стояли раньше слабосильные машины, теперь стоят мощные турбины, сами по себе занимающие немного места, но все вспомогательные механизмы (трубы, электрические приборы и прочее) расширились до чрезвычайности, и на станции стало тесно. Только старый опытный персонал, знающий все закоулки и каждый гвоздь на станции, мог поддерживать непрерывную работу станции в течение долгого ряда лет. («Юбилей Московской государственной электрической станции (9 XII 1897 – 9 XII 1922)», ф. 9508 РГАЭ)

Роберт Эдуардович, к сожалению, не упомянул о таком немаловажном и очень трудоемком направлении деятельности «старого и опытного персонала» как «освоение новой техники» – паровых турбин. При каждой аварии и/или ревизии этого оборудования последнему приходилось выполнять сложный ремонт – частью по вине заводоизготовителей, частью – из-за износа и старения деталей.

Оказалось, например, что чугунные детали ротора, за один-два года эксплуатации турбин, из-за высокой температуры пара вырастали в диаметре на 1-2 миллиметра, и их приходилось подрубить во время ремонта! Все эти перипетии описаны в статье «Работа и ремонты турбин 1-й Московской Государственной Электрической Станции им. т. Смидовича» (см. Приложение “Инженер-энергетик Ф.А. Рязанов о себе, Р.Э. Классоне, В.Д. Кирпичникове и о «вредительстве» в МОГЭС”).

Федор Алексеевич приводил такую диспозицию по ремонтному персоналу:

В виду того, что на станции зимой работает большее количество машин, чем летом, часть сменных машинистов и помощников машинистов летом работает в качестве слесарей при ревизиях и ремонтах турбин.

Такое использование персонала рационально как в смысле уменьшения необходимого количества персонала, так и в смысле лучшего ознакомления машинистов и помощников с конструкцией турбины, что, несомненно, имеет большое значение при обслуживании последних.

Для текущих ремонтных работ оборудования машинного зала имеется приблизительно 10 слесарей и помощников и один токарь. Зимой иногда работ бывает немного, но этот опытный персонал всегда иметь необходимо, так как в любой момент может выйти из строя та или иная турбина и потребуются произвести срочный ремонт. В свободные от текущих работ по ремонту турбин промежутки, этот персонал занимается подготовкой частей оборудования к летним ремонтам, а иногда выполняет работы, которые обычно передаются заводам.

Хотя к ремонтному персоналу летом и прибавляется часть сменного персонала, но это прибавление компенсируется целиком отпусками рабочих, и для летних ремонтных работ приходится усиливать ремонтный штат сезонными слесарями в количестве от 4 до 7 человек в зависимости от намеченных работ.

Количество рабочих дней, необходимое для того или другого ремонта турбины, весьма различно в зависимости от объема ремонта и общего состояния турбины. Можно лишь указать, что обычная ревизия турбины без каких-либо серьезных ремонтов, но с очисткой лопаток от накали и срубанием направляющих аппаратов, производится нормально в течение 6-8 дней и затрачивается на ревизию 80 рабочих человеко-дней. На капитальный ремонт турбины с перелопачиванием дисков, сменой направляющих аппаратов и пр. требуется приблизительно 35-40 рабочих дней, при работе 12 слесарей и помощников.

Свою статью, написанную в 1925-м (после империалистической войны, революций и гражданских боен) Ф.А. Рязанов заканчивал, в сугубо техническом журнале, в духе «оптимистической трагедии»:

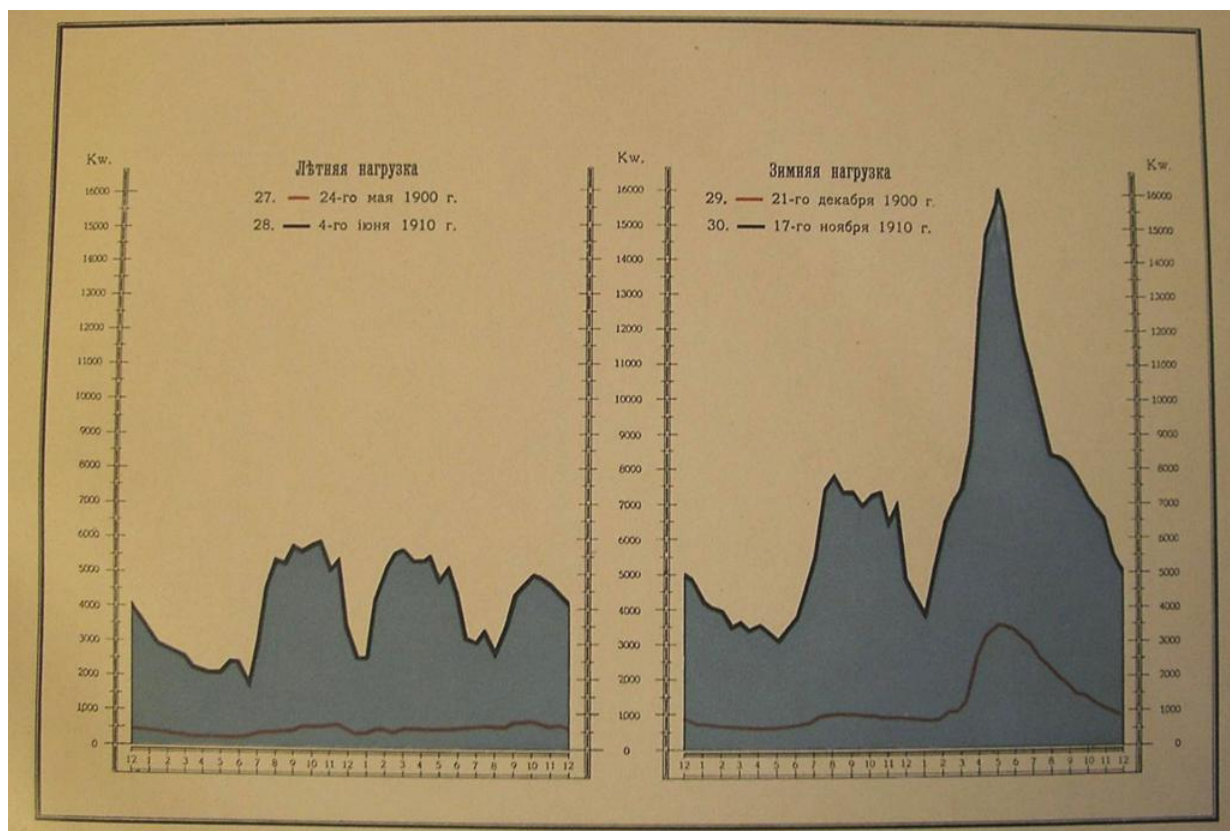
Из сопоставления всех аварий с турбинами, имевших место на станции, видно, что причиной большей части аварий являлось недоброкачество материала турбин или, вернее, несоответствие качества материала условиям работы турбины. Возможно, что часть этих аварий следует отнести к не совсем удачной конструкции отдельных частей турбины; в большинстве случаев, предотвращение таких аварий не в силах персонала станций.

Следующая причина аварий – так же несоответствие материала условиям работы в турбинах, а именно, рост остающихся деформаций у направляющих аппаратов. С этим злом можно успешно бороться посредством регулярных ревизий турбин, по крайней мере один раз в течение года, и, тем самым, не доводить дела до аварий. Но такие регулярные ревизии можно производить лишь на станциях, имеющих достаточный резерв. К сожалению, 1-ая М. Г. Э. Станция не относится к таким станциям, и здесь, из-за отсутствия резерва в турбинах, производить регулярные ежегодные ревизии до сих пор не представлялось возможным.

<...> В заключение нельзя не отметить, насколько важно иметь опытный обслуживающий персонал. Много могущих произойти на станции аварий предотвращено благодаря внимательному прослушиванию турбин при каждом пуске. Не менее важен внимательный надзор за турбинами во время работы. Как отмечено выше, аварии с турбинами №№ 17, 19, 21 предотвращены исключительно благодаря внимательному надзору и опытности машинистов.

И. Соловьев так излагал финансовую основу расширения станции в начале 1900-х:

В то время предприятие имело сравнительно небольшой основной капитал, и без привлечения новых средств расширить Московскую станцию было невозможно. Под влиянием представленных Робертом Эдуардовичем проектов расширительных работ, с указанием их целесообразности, правление предприятия возбудило ходатайство о выпуске новых акций. Р.Э. будировал общественное мнение Москвы и Петербурга, стараясь привлечь русский капитал (акции «Общества 1886 г.» котировались на московской и петербургской биржах). Но русские купцы, привыкшие к сверхприбылям, не пошли в сравнительно малодоходное предприятие, как электростанция, дававшая от трех до шести процентов дохода [годовых]. И невольно пришлось обратиться к иностранным капиталистам. За границей капиталисты не были избалованы сверхприбылями и считали достаточным прибыль в шесть процентов, и, зная опыт и талантливость Р.Э., отпустили необходимые средства на расширение Московской станции с установкой новых котлов и современных [по тем временам] турбогенераторов.

Графики нагрузки Раушской станции (из альбома «Общества 1886 г.»)

Оно пошло усиленным темпом, так как, благодаря экономичности новых турбин и котлов, себестоимость энергии позволяла сильно понизить тариф на нее и тем привлечь новый круг потребителей. Представилась возможность конкурировать с заводскими электростанциями. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

В 1907-м году, на основе Бакинского опыта, Роберт Эдуардович инициировал прокладку трубопровода от нефтяных складов акционерного общества «Ока» в Симоновой слободе на Раушскую набережную. Тем самым удалось избавиться от дорогостоящих перевозок больших объемов топлива по городу.

Естественно, что все эти работы велись под удовлетворение постоянно растущего спроса. Станция интенсивно присоединяла к себе новых потребителей. Непрерывно росла осветительная нагрузка. А постепенное проникновение разрастающейся кабельной сети на фабрично-заводские окраины Москвы вело к увеличению не только осветительной, но и двигательной нагрузки. Последнему росту способствовал введенный в 1903-м льготный тариф на электроэнергию, который учитывал значительную продолжительность работы электродвигателей в течение суток. В 1906-м он составлял уже 10 коп, а в 1912 г. – даже 5 коп. за киловатт-час (и был в несколько раз меньше тарифа за освещение).

Один из самых низких тарифов московское отделение «Общества 1886 г.» предоставило на какое-то время крупнейшему потребителю, Металлическому заводу Гужонов (при большевиках переименованному в «Серп и молот») – 2 коп., подняв его впоследствии до 3,5 коп.

А самый низкий тариф был у ресторанов «Яр», «Стрельна» и других, которые потребляли электроэнергию на спаде вечернего максимума суточного графика нагрузки и в его ночном провале. Самый же высокий был у школ, которые включали освещение как раз в вечерний максимум.

КПД Раушской станции и сети летом 1909-го составлял 8,5-9,5%, а средняя себестоимость электроэнергии – 3,15 копейки за киловатт-час. При этом среднее годовое жалование служащего в конце 1900-х находилось в диапазоне 980-1010 руб. (при суммарных расходах на него на уровне 1190-1200 руб.), а рабочего – 720-770 руб. (820-910 руб.).

В 1911-м постоянно снижавшаяся плата за присоединение абонентов, чему способствовала все большая разветвленность кабельной сети, была вовсе отменена. Что опять же привело к росту числа абонентов.

Стоит отметить, что в начале XXI века российские энергетики добились ввода этой пресловутой платы: мол, не на что развивать распределительные сети. В Москве им удалось вытребовать до 45 тыс. руб. за присоединение 1 киловатта (на низком напряжении), в С.-Петербурге – до 41 тыс. рублей!

В 1905-06 гг. около трети энергии Раушской станции потреблял трамвай, собственная, муниципальная станция которого была открыта, как мы уже упоминали, только в 1907-м на Болотной набережной. Рост выработки происходил и за счет закрытия небольших, фабрично-заводских станций. В 1897-1913 гг. к Раушской станции были в итоге присоединены потребители, питавшиеся от 286-ти мелких станций.

Вот как вспоминал Р.Э. Классон о политике снижения тарифов и присоединения новых потребителей:

По мере развития Московской станции тарифы ее с каждым годом падали, но не из благотворительных соображений, а из чисто коммерческого расчета, с целью расширения производства и более широкого оборота. Перед войной технические тарифы были настолько низки, что огромное большинство фабрик и заводов Москвы предпочитало пользоваться энергией от Центральной станции вместо того, чтобы самим производить ее на маленьких заводских станциях. Мелкие станции постепенно закрывались, а Московская станция становилась сердцем и жизненным нервом не только городского населения Москвы, но и всей ее фабричной и заводской промышленности.

Остановка такой станции была бы равносильна катастрофе, так как остановилась бы вся жизнь города с телефоном, телеграфом, газетами, заводами, уличным освещением, театрами и прочее. («Юбилей МОГЭС»)

К катастрофе для города от возможной остановки станции мы вернемся чуть позже. А вот как «тарифный сюжет», ставший яблоком раздора между энергетиками и городскими властями, был отражен в упоминавшейся ранее в очерке «В Москву, Москву, Москву...» – «Записке швейцарских акционеров» (февраль 1915-го, в разгаре война с Германией):

Первое, наиболее тяжкое обвинение заключается в том, что Московская станция Общества [якобы] оборудована неудовлетворительно в том отношении, что она не представляет гарантий правильного, безостановочного выполнения концессионного договора. <...> Второе обвинение заключается в том, что Общество отпускает абонентам ток по слишком дорогой цене. По этому поводу необходимо отметить, что Общество, во всяком случае, отдает ток по ценам гораздо более низким, чем те, которые оно вправе взимать по концессионному договору.

Так, за ток для целей освещения оно вправе брать, по договору с г. Москвой, до 50 коп. за К. В. час, а взимает не более 25 коп. За ток для технических целей оно вправе взимать до 35 коп., а на деле берет в среднем по 4,51 коп. за К. В. час. Противники Общества ссылаются отчасти на прежние цены, взимавшиеся при совершенно иной конъюнктуре, и сопоставляют их с ценами в некоторых иностранных городах, где условия производства электрической энергии существенно отличаются от московских.

Такие произвольные сопоставления, очевидно, не могут иметь серьезного значения при оценке деятельности Общества.

Наряду с дороговизной тока противники Общества выдвигают другие, более серьезные, обвинения в том, что Общество относилось неодинаково к своим абонентам и, в частности, предоставляло льготы фирмам германским или таким, в предприятия коих вложены германские капиталы. Это обвинение представляется очевидным недо-разумением. Сопоставляя, с одной стороны, фирмы, пользующиеся минимальными та-рифами, и, с другой стороны, фирмы, платящие сравнительно высокие тарифы, легко убедиться в том, что размер платежа не стоит ни в какой связи с национальным ха-рактером предприятия.

Наиболее дешевым тарифом пользовались:

Абоненты	Установлено лошад. сил	Расход энергии в 1913 г., К. В. час	Средний тариф
Бахрушина Сыновья	470	588 476	3,24
Акц. Об-во Жиро Сыновья	428	1 601 309	3,54
Адм. И.Г. Кириллова			
Шлюзовая набережная	296	387 800	3,69
Зарядье	250	303 108	3,70
Т-во Сытина, Пятницкая	568	788 518	3,56
Т-во Рябовской Мануфактуры	148	349 610	3,58
Т-во Вебер	120	367 882	3,65

Напротив, [кондитерская] фирма Эйнем, в которую вложены отчасти немецкие ка-питалы, платила при 700 присоединенных киловаттах по тарифу: 5,5 коп. за кило-ватт-час за первые 1 200 часов [годовой] работы и 4 коп. за киловатт-час за все ос-тальное количество энергии.

Равным образом, бывшее австрийское предприятие «Мандль и Райц», ныне акцио-нерное Общество «Марс», имело тариф при 210 присоединенных киловаттах по та-рифу 5 коп. за 200 000 киловатт-часов и 4 коп. за все остальное количество энергии.

Противники Общества ссылаются в подтверждение своего обвинения только на один пример – на Московский металлический завод. Но и он опровергает их утвержде-ние. Завод этот пользовался особенно низким тарифом по договору от 1-го января 1912 г., когда в этом предприятии немецкий капитал не принимал еще никакого уча-стия. Напротив, в настоящее время, когда немецкий капитал принял некоторое уча-стие в этом предприятии, тариф этому заводу повышен до 3,5 коп. за К. В. час при ра-боте от московской станции. Кроме того, надлежит иметь в виду, что Московский металлический завод является совершенно исключительным абонентом, который один потребляет около 20% всей энергии, вырабатываемой Московской станцией; при этом он работает день и ночь, т.е. дает возможность выгодно утилизировать ма-шины станции Общества.

Итак, про катастрофу для города при возможной остановке Раушской станции. Отме-тим, что она останавливалась два раза по полчаса, из-за отсутствия инвестиций и полной изношенности оборудования, только в 1920-х (о чем мы обязательно упомянем в очерке «Под большевиками»). А в апреле 1908-го на Москве-реке случилось небывалое навод-нение, которое затопило все набережные, а Раушскую станцию вывело из строя на не-сколько дней. Это событие можно было бы квалифицировать современным термином – форс мажор, т.е. чрезвычайными, объективными обстоятельствами. Хотя форс мажором для всей России оказалось и 70-летнее правление большевиков, после падения которого экономика страны (в том числе и электроэнергетика) выздоравливала как минимум пят-надцать-двадцать лет.

Наводнение на Москве-реке в апреле 1908-го

В.Д. Кирпичников рассказывал о борьбе со стихией так:

Я помню наводнение 1908 года, когда Московскую станцию мы не сумели даже вместе с Робертом Эдуардовичем отстоять. Наводнение началось в четверг. Час за часом прибывала вода. Сначала показались отдельные струйки в подвалах, потом струйки эти обратились в ручьи, потоки. Р.Э. энергично распоряжался. Срочно, в течение одного – двух часов устанавливались новые насосы с моторами, ставились новые эжекторы для откачки воды.

Боролись с водой одни сутки, вторые сутки и, наконец, на исходе вторых суток взорвался пол в аккумуляторном помещении, и хлынул такой каскад воды снизу вверх, что никакие насосы спасти станцию не могли. И вот, во время этого наводнения, когда весь персонал был разбит на дежурства, так как нужно было работать непрерывно, несколько дней подряд, Р.Э. находился на станции бесменно. Ни один из молодых инженеров не мог вынести этой работы. Я помню, как мы сидели с ним тогда около 12-й турбины на полу, и, на 13 лет моложе его, я не выдержал такой работы – заснул, а Р.Э. был бодр и энергичен. (Памяти Р.Э. Классона, МОГЭС, 1926)

И. Соловьев тоже не смог пройти мимо этого эпизода:

Небывалое в Москве наводнение в 1908 году затопило Московскую станцию. Она представляла собой остров, окруженный со всех сторон водой, и добраться до нее можно было лишь в лодке. Наводнение разразилось как раз в первые дни Пасхи и грозило разрушением Московской станции. Конечно, никто не мог предусмотреть подобного наводнения, и не было никаких приспособлений для борьбы с разбушевавшейся стихией.

Роберт Эдуардович мобилизовал все рабочие силы для откачки воды, отыскал в Москве ручные и паровые насосы. Пожарные паровые машины работали день и ночь, откачивая воду. Водой были залиты все помещения станции, вся обмотка генераторов была промочена, ее пришлось просушивать, а иногда и перематывать вновь. Работы продолжались день и ночь, и, только благодаря героическим усилиям Р.Э. [и всего персонала] Московская станция была спасена и через неделю она могла вновь работать, и работала без всяких аварий в дальнейшем. Как выяснилось впоследствии, вода сильно повредила фундамент станции, и, если бы своевременно не были приняты меры, ее разрушение было бы неизбежно. Тотчас же по окончании работ по ликвидации [последствий] наводнения Р.Э. образовал комиссию из ответственных работников для принятия необходимых мер защиты станции на случай будущих наводнений. Благодаря принятым мерам Московская станция была превращена в корабль с водонепроницаемыми перегородками. (Памяти Р.Э. Классона, МОГЭС, 1926)

Конечно, в начале XX века в России не имелось столь мощной гидрометеорологической службы как сейчас (да и научных знаний для надежного прогнозирования водности рек не хватало). Поэтому предупредить хотя бы за месяц энергетиков о грядущем небывалом наводнении на Москве-реке было попросту некому. Но раз оно случилось и вывело станцию из строя на целую неделю, необходимо было превратить ее в «корабль с водонепроницаемыми перегородками». Пусть следующее наводнение такой же силы случится лишь через сотню лет.

Приведем здесь один забавный эпизод из эксплуатационной практики, уже по воспоминаниям инженера Общества 1886 г./МОГЭС Ф.А. Рязанова:

Из дежурных инженеров весьма своеобразным был изобретатель В.А. Варганов. Однажды в его дежурство днем начали взрываться под землей на дворе станции муфты кабелей, соединяющих трансформаторную подстанцию с распределительными устройствами 6 кв и 2 кв. Взрывы происходили один за другим через несколько минут.

Классон звонит и спрашивает дежурного инженера, в чем дело. Варганов, твердо усвоивший, что дежурный инженер не должен теряться и оставаться спокойным, отвечает: «На станции все спокойно, взрывы продолжаются».

Как-то вечером в его дежурство на станцию явился репортер от какой-то газеты. Варганов ознакомил его со станцией. Неизвестно, какие он при этом давал пояснения, но на следующий день в газете появилась статья с описанием станции. Статья изобиловала образными сравнениями вроде следующих: «паровые котлы вибрировали под большим давлением» или «паровые турбины, как огромные слоники, дрожали на своих основаниях». * (ф. 9592 РГАЭ)

---

* По сему персонажу в Интернете имеется разнообразная и несколько противоречивая информация:

Василий Афанасьевич Варганов (1895-1974). Родился в д. Филатовка Козельского уезда Калужской губернии. Окончил Мариупольское механико-техническое училище. В 1914 г. вступил в члены РСДРП(б). За революционную пропаганду на металлургических заводах «Никополь» и «Русский провиданс» в 1914 г. выслан из Мариуполя, но под давлением рабочих ссылка была отменена. <...> В мирное время занимал должность заместителя особо уполномоченного Совета Труда и Оборона по восстановлению Донбасса, был одним из организаторов строительства Шатурской электростанции, работал инженером и строил метро в Москве, Киеве и Ленинграде. В.А. Варганов – один из авторов стальных «роботов» – землеройных машин, а также знаменитых эскалаторов, которые установлены на станциях метро. При строительстве метрополитена было применено более 50-ти технических изобретений Варганова. <...> Одна из улиц Мариуполя носит имя Варганова (www.kozelskycyclopedia.ru).

Варганов В.А. Способ и аппарат для очистки трансформаторного масла. Патент СССР на изобретение от 29 июня 1929 г.

Варганов Василий Афанасьевич (1890-1974). Офицер русской армии, чл. РСДРП(б) с 1917, инж.-механик, д-р техн. наук, гл. инж. Метростроя, в гражд. войну комиссар Кр. Армии // Кипнис С. Новодевичий мемориал. М., 1998.

Поясим попутно, что дежурными назначались примерно каждые три дня все рядовые инженеры Раушской станции, включая и Федора Алексеевича Рязанова. По-видимому, приведенный выше эпизод относился уже к советскому времени (когда В.А. Варганов переместился из предреволюционного Мариуполя и фронтов гражданской войны в «мирную» Москву).

Как вспоминал сын Иван (при работе над повторным изданием книги М.О. Каменецкого), в редких случаях, когда, при неполном сгорании мазута в котлах по недосмотру персонала котельных Раушской электростанции (МГЭС-1), из ее труб вдруг начинал идти черный дым, и наблюдательный отец видел это безобразие из окон конторы или своей квартиры, он немедленно мчался в котельную.*

---

* На этом сюжете – про «недосмотр персонала котельных» – стоит остановиться, хотя бы в примечании, более подробно. По-видимому, начальство Раушской станции (скорее, уже советской МГЭС-1) недостаточно требовательно относилось к подбору и обучению своего персонала, от которого зависело не только не допускать черного дыма из труб (и это происходило при сжигании более комфортного для эксплуатации, нежели уголь или дрова, нефтяного топлива!), но и добиваться наиболее экономичной работы станции.

Когда Р.Э. Классон занимался электрификацией трехфазным током Охтинских пороховых заводов, в питерском «Новом времени» был опубликован (9 февраля 1895 г.) «Ответ гг. котловладельцам», которые жаловались на то, что, с одной стороны, они по постановлению Петербургской думы были обязаны с 1895 г. избегать выпуска густого дыма из труб паровых котлов (точнее, из труб их топков), а с другой стороны, рекомендованный гласными думы некий аппарат госп. Хлебникова не только не достигал заявленного эффекта при сжигании угля и дров, но и, как было заявлено в декабре 1894 г. на заседании I отделения ИРТО, оказался вреден для паровых котлов:

В ответ на жалобу к техникам госп. котловладельца («Новое Время», №6785 [от 18 января 1895 г.]) могу сказать с своей стороны, как один из техников, что никакие дымосжигательные приборы не помогут в должной мере делу, если отопление и вообще уход за котлом будет, как это до сих пор у нас есть, поручаться людям без всякой специальной подготовки к своему делу, людям, подобранным часто из контингента наиболее неспособных в других отраслях фабрично-заводского труда рабочих; недаром «кожегар» – есть низший технический чин.

Чрезвычайно большая и к сожалению общераспространенная ошибка, что обязанности кожегара очень просты и значение его в общем производстве ничтожно – ошибка, повторяю, очень большая.

Умело «ходить» за котлом и хорошо топить его – дело вовсе не простое и не легкое и требует для успешного выполнения человека с приличной подготовкой (отчасти даже и теоретического характера) и с лучшим материальным положением, чем таковое дано нашим кожегарам. Ясно сознавая необходимость иметь хороших кожегаров-специалистов давно уже вызвала в западной Европе школы для кожегаров и систему кожегаров-инструкторов. У нас, в силу той же необходимости, было устроено два конкурса кожегаров и возбужден вопрос о кожегарной школе – вопрос остающийся пока до сего времени в форме проекта.

Эти конкурсы, а в особенности конкурс с.-петербургского политехнического Общества 1890 года (последний), чрезвычайно рельефно выясняют все значение кожегара для котла: в то время, когда один из лучших кожегаров испарил на 1 кг угля 8,42 кг воды и дал густоту дыма 1,5 (цифры пропорциональны случаям появления черного дыма), один из худших – доставил соответственно 6,56 кг воды и 7 густоты дыма. Первый тщательно охранял топку от вступления чрез дверцу холодного воздуха, дверцу открывал [для подачи топлива] только 97 раз и 144 раза изменял положение [регулирующей доступ воздуха] заслонки; второй, при меньшей аккуратности, открывал дверцу 203 раза и только 4 раза брался за рычаг заслонки. <...>

Д.Щ.

*Извержение Этны в 1892 г.
(лицевая сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном в 1908 г. сыну Ивану)*

Летний отпуск 1908-го Р.Э. Классон провел, как обычно, за границей, где он, по-видимому, не только лечился (сын Иван выписал из папиной открытки для сестры Кати: «еду в Берлин, кончу дела завтра, потом буду лечить брюхо»), но и путешествовал. Сохранилась открытка (с видом на извергавшуюся в 1892-м на Сицилии Этну), которую он послал сыну по такому адресу – Меррекюль близ станции Корф Балтийской ж.д.:

Сию у подножия дымящегося вулкана Этна, здесь очень жарко, солнце так и жжет, но я доволен и все подставляю лицо. Целую всех вас.

Твой папа

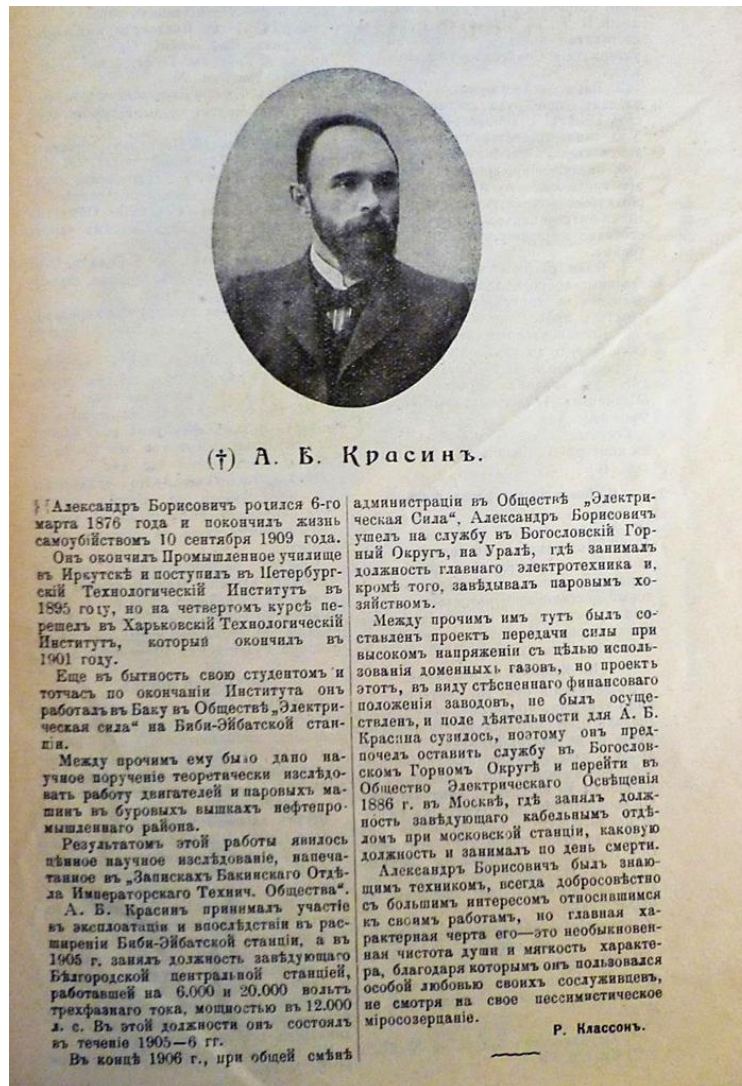
И, действительно, в 1908-м Этна проявила небывалую активность: 29 апреля извержение продолжалось 8 часов, а как бы спровоцированное им землетрясение 28 декабря разрушило около 90% зданий в Мессине и пришлось еще по 25-ти населенным пунктам. Из-за землетрясения, цунами и проливных дождей с селевыми потоками погибло от 160 до 250 тысяч человек! Ну, а Роберт Эдуардович еще летом, находясь в Мессине и, возможно, приблизившись к Этне, наблюдал в некотором роде «афтершок» извержения – курившийся вулкан.

Интересна история того, как Г.М. Кржижановский, который в 1909-м заведовал кабельной сетью Общества 1886 г. на Васильевском острове в С.-Петербурге (а начальником всей кабельной сети Северной Пальмиры был тогда Л.Б. Красин), оказался в том же году, по приглашению Р.Э. Классона, в Москве. В это время кабельной сетью станции на Раушской набережной заведовал А.Б. Красин. Но он имел меланхолический характер и, несмотря на прекрасные условия работы и заботливое отношение начальства, свел счеты с жизнью, из-за какой-то «несчастной любви», в 33 года*.

---

* Из воспоминаний брата, Германа Красина: «В 1909 году Александр покончил счеты с жизнью выстрелом в висок, «придравшись» к романтической неудаче, которая в значительнейшей мере самим же им была создана. Леонид был в то время в Берлине и горько оплакивал брата, которого мы очень любили».

Некролог Р.Э. Классона в связи с самоубийством А.Б. Красина

Роберт Эдуардович по этому случаю опубликовал в Бюллетене общества электротехников (№26 за 1909 год) весьма проникновенный некролог, который стоит привести почти полностью:

Александр Борисович родился 6 марта 1876 года и покончил жизнь самоубийством 10 сентября 1909 года. Он окончил Промышленное училище в Иркутске и поступил в Петербургский Технологический Институт в 1895 году, но на четвертом курсе перешел в Харьковский Технологический Институт, который окончил в 1901 году. Еще в бытность свою студентом и тотчас по окончании Института он работал в Баку, в Обществе «Электрическая сила» на Биби-Эйбатской станции.

<...> В конце 1906 г., при общей смене администрации в Обществе «Электрическая сила», Александр Борисович ушел на службу в Богословский Горный Округ, на Урале, где занимал должность главного электротехника и, кроме того, заведовал паровым хозяйством. <...> Он предпочел оставить службу в Богословском Горном Округе и перейти в Общество Электрического Освещения 1886 г. в Москве, где занял должность заведующего кабельным отделом при московской станции, каковую должность и занимал по день смерти.

Александр Борисович был знающим техником, всегда добросовестно, с большим интересом относившимся к своим работам. Но главная характерная черта его – это необыкновенная чистота души и мягкость характера, благодаря которым он пользовался особой любовью своих служащих, несмотря на свое пессимистическое мирозерцание.

Итак, должность заведующего кабельным отделом при Раушской станции оказалась вакантной. В музей-квартире Г.М. Кржижановского на Садовнической ул. (а теперь и в ф. 9508 РГАЭ – в ксерокопии) хранится такая подобострастная записка Р.Э. Классону:

СПб, 11 XI 09

Глубокоуважаемый Роберт Эдуардович!

Сегодня имел решительный разговор с Э.Р. [Ульманом], прося его разрешить мне переехать в Москву. Теперь все дело в Ваших руках. Э.Р. дал принципиальное согласие и обещал в этом смысле переговорить с г. Брюнигом. Он обещал даже написать Вам лично письмо с ходатайством за меня. Дорогой Роберт Эдуардович: простите мои «шатания» и поддержите! Подробности разговора узнаете от В.В. [Старкова].

Преданный вам Г. Кржижановский

Выходит, что до революции Г.М. Кржижановский был лишь служащим средней руки в «Обществе 1886 г.». Сделать до октябрьского переворота 1917-го полноценную инженерную карьеру ему мешала, по-видимому, активная противоправительственная деятельность.

После смерти Р.Э. Классона Г.М. Кржижановский (уже известный руководитель плана ГОЭЛРО, председатель Госплана) перебрался с 3-го этажа особняка на Садовнической улице, д. 30 и занял под проживание с женой и прислугой весь второй этаж, в том числе большой кабинет своего бывшего шефа.

А после смерти Г.М. Кржижановского в 1959-м на 2-м этаже вскоре разместился его музей-квартира, без каких-либо следов пребывания здесь Р.Э. Классона, зато со всевозможными идеологическими побрякушками типа посмертной маски В.И. Ульянова-Ленина. А на первом и третьем этажах был устроен музей «Мосэнерго».

Этот купеческий особняк (в один этаж) был построен в 1804-м и сохранился в пожарах 1812-го, когда Наполеону из-за них пришлось покинуть Кремль и вообще Первопрестольную. В конце 1990-х – начале 2000-х на уютный, давно уже трехэтажный, особнячок в центре Москвы обращали жадные взоры некие банкиры, чтобы прибрать его себе, но у них это по каким-то причинам не получилось.

Зато в 2009-м от музея «Мосэнерго», располагавшегося на 1-м и 3-м этажах этого особняка, газовики (они пришли годом ранее, приобретя контрольный пакет акций компании) быстро избавились как от «непрофильного актива», а уцелевшие экспонаты теперь «размещены» на сайте виртуального музея истории «Мосэнерго» и выставлены частично в «коммунальной» экспозиции самой компании и всех ее электростанций, а частично свалены в подвале здания Энергетического колледжа на Кировоградской ул.... В общем, в особняке на Садовнической уже не осталось следов ни Р.Э. Классона, ни «Мосэнерго».

Лишь мемориальная квартира-музей Г.М. Кржижановского, как филиал Государственного музея современной истории, уцелела на 2-м этаже, правда, уже несколько лет отключенная энергетиками от отопления и освещения за долги. Кстати, «Газпромэнерго» продало и офис на Раушской набережной, где в актовом зале висел портрет Р.Э. Классона, избавилось от медсанчасти на Садовнической ул., которая вела свою историю еще с начала XX века... Вот вам наглядное свидетельство цинично-делового подхода отечественного бизнеса («Газпрома», в котором контрольный пакет имеет государство!) к нашей истории!!

Еще более мелким служащим, чем Г.М. Кржижановский, был Петр Гермогенович Смидович – до большевистского переворота он время работал рядовым инженером кабельной сети Раушской станции. Зато был членом РСДРП с 1898-го.

Вот что свидетельствовал про 1907 год Илья Григорьевич Эренбург:

Недавно мне привелось встретиться после пятидесятилетнего перерыва с [бывшей курсисткой] Таней; она оказалась вдовой В.П. Ногина. Мы вспоминали далекое прошлое: как мы, начинающие пропагандисты [РСДРП], собирались на электрической станции у П.Г. Смидовича, как хорошо шутил Николай Иванович [Бухарин], какой задорной и светлой была наша ранняя молодость. <...> Мальчишкой я часто слышал в кружке П.Г. Смидовича, что путь к социализму откроет пролетариат передовых индустриализированных стран. («Люди, годы, жизнь»)

В 1913-м П.Г. Смидович, по рекомендации Г.М. Кржижановского, занял уже должность начальника 4-го отдела кабельной сети. И, под прикрытием своей должности, по-видимому, еще шире развернул активную противоправительственную деятельность. К 1917-му подпольная группа большевиков на Раушской станции насчитывала шесть человек (а сколько к ним, под разными предложениями, приходило революционеров, или же какую массу неискушенных душ завербовали эти штатные работники станции?).

Из воспоминаний Ф.А. Рязанова:

Непосредственно ответственным лицом за установку [напряжением] 6 кв [при монтаже Измайловской трансформаторной подстанции в 1914 году] являлся заведующий районом кабельной сети А.А. Сафонцев, который раза два в неделю приезжал на подстанцию и разрешал все возникающие технические вопросы.

Почти всегда его сопровождал П.Г. Смидович, который был его помощником. Меня очень удивляло то обстоятельство, что П.Г. Смидович не участвовал вместе с А.А. Сафонцевым в разрешении технических вопросов, а, как правило, устраивался неподалеку от подстанции на траве вместе с двумя-тремя монтерами кабельной сети и, покуривая, мирно с ними беседовал.

Лишь один раз, когда Сафонцев разрешал на месте вопрос, как рациональнее провести при пересечении три фазы сборных шин, в связи с тем, что на чертежах это было неясно показано, он попросил позвать для консультации Смидовича. Тот пришел и после ознакомления с вопросом предложил наиболее хороший вариант, который и был принят. Лишь в 1917 г. я узнал, что П.Г. Смидович был партийным работником и понял, что на Измайловской подстанции он беседовал на политические темы с монтерами-большевиками. (ф. 9592 РГАЭ)

Быстрый карьерный рост П.Г. Смидовича при большевиках вызвал и такой неэтичный поступок последних: при его жизни (sic!) (и еще до смерти Р.Э. Классона) они присвоили его имя Раушской станции, каковое она носит до сих пор. Почему – теперь непонятно никому. Каково это было видеть Роберту Эдуардовичу, который не выносил низкопоклонства, мы можем только предполагать.

Рискнем утверждать, что Р.Э. Классон, будь его воля, присвоил бы Раушской станции имя ее замечательного строителя Николая Васильевича Смирнова.

Но вернемся в 1900-е. Мастер котельной И.В. Николаев вспомнил в 1926-м такой трогательный эпизод:

В 1907 году один из временных рабочих похитил на станции кусок медной трубы, весом около двух пудов, и поздно вечером провозил его на извозчике. Близ Ильинских ворот его задержал постовой городской и отправил в городской [полицейский] участок. На третий день после этого случая ко мне на станцию пришла жена рабочего и стала просить меня, чтобы я провел ее к директору. Я пошел с ней к Роберту Эдуардовичу. Мы встретили его в коридоре около его кабинета.

Не успел я объяснить Р.Э. в чем дело, как эта женщина, обливаясь слезами, упала в ноги Р.Э., что ему очень не понравилось, и он сказал ей: «Вот уж, голубушка, этих глупостей не делайте». При этом он наклонился, взял ее под руку и пообещал сделать все, что от него будет зависеть. Успокоенная женщина ушла. Скоро после этого из городского участка прислали извещение о том, что похищенное принадлежит станции, и станция должна направить своего представителя. Этим представителем был назначен я. Долго мне пришлось убеждать пристава в том, что эта труба не имеет никакой ценности и что рабочий должен быть освобожден.

После этого из участка прислали бумагу, в которой нужно было удостоверить, что «Общество 1886 года» ничего не имеет против освобождения рабочего. Резолюцию на этой бумаге сделал Р.Э. Рабочего освободили.

И еще пара эпизодов:

В ночь на 1 января 1910 года, по неосторожности одного из рабочих, в подвал котельной была напущена в громадном количестве нефть. Это было весьма неприятное дело, и мне очень не хотелось доводить о нем до сведения Роберта Эдуардовича, чтобы не огорчать его, но сказать ему я был обязан. Поэтому я позвонил ему по телефону на квартиру, хотя было раннее утро.

Он сейчас же пришел, поздравил всех нас с Новым годом. Я провел его в подвал и показал на новые нефтяные источники. Увидев это, он сделал свою обычную гримасу. Я объяснил, как это произошло.

Он сказал на это: «Ну что же делать, Иван Вячеславович, кто ничего не делает, у того ничего не случается». И потом, не боясь, что испортит свой костюм, принялся вместе с нами откачивать нефть, говоря при этом: «Вот так Новый год!». Вот в такой обстановке пришлось нам провести первый день нового года. 1 января 1911 года Р.Э. вспомнил этот случай и иронически спросил меня: «Как мы будем встречать одиннадцатый год?»

Стояло морозное утро. Это было в 1912 году. Светило яркое солнце, когда я встретил Р.Э. около котельной, из которой я только что вышел. После обычного приветствия он спросил меня, отчего я так плохо выгляжу.

На мой ответ, что мне нездоровится, очевидно, от переутомления, он сказал: «Вам, батенька, нужно поехать недельки на две на Электропередачу, Вы там отдохнете и немного освежитесь. Там Вам дадут лыжи, и Вы можете побегать на них». Я пробовал протестовать, но он настоял на своем, и я уехал.

И, наконец, своеобразный, но всегда доброжелательный юмор Роберта Эдуардовича (опять же, по И.В. Николаеву):

Если при работах кто-нибудь рисковал упасть, обжечься [паром] и прочее, то Роберт Эдуардович в таких случаях говорил нам: «Зачем рисковать и вводить меня в расход на покупку Вам венка». А когда между нами, сослуживцами, в присутствии Р.Э. происходил горячий спор, и он видел, что этот спор переходил границы, то, называя нас лордами или генералами, говорил: «Не ссорьтесь, генералы».

И если эти генералы не унимались, то он подходил к самому воинственному, брал его за руку, немного выше локтя, при этом мышцы немного сжимал и говорил: «Всегда случается плохо, когда генералы дерутся – от этого бывает проиграна вся кампания». После такой шутки все генералы успокаивались и расходились со смехом.

*Р.Э. Классон среди сотрудников Раушской станции
(рядом с ним справа – В.Д. Кирпичников), ≈1908 г.*

А вот эпизод из воспоминаний И.В. Николаева, характеризующий Р.Э. Классона не столько как человека, сколько как «продвинутого» инженера:

В 1909 году мне нужно было поехать в Германию для лечения. Роберт Эдуардович дал мне несколько рекомендательных писем, чтобы я мог там осмотреть электрические станции и заводы. Причем посоветовал обязательно побывать на электростанции во Франкфурте-на-Майне, так как она была совсем новая и представляла большой интерес.

Когда я осматривал одну из станций в Берлине, то инженер, сопровождавший меня, после того, как узнал, что я с Московской электрической станции, с немецкой корректностью мне сказал: «Я охотно покажу Вам нашу станцию, но должен Вам сказать, что не Вам нужно смотреть у нас, а нам – у Вас, так как ваш директор Классон не упускает ни одной новинки и устанавливает все лучшее у себя». Таким его знали за границей.

Здесь стоит отметить, что И.В. Николаев вовсе не преувеличивал. Так, Роберт Эдуардович прочитал в одном из технических журналов приведенную в самой общей форме рекомендацию: следует стремиться к тому, чтобы водогрейные трубки парового котла максимальное количество энергии получали непосредственно тепловыми лучами, а не через горячий воздух.

Тогда заведующий Раушской станцией Николай Иванович Зауэр произвел соответствующие опыты и переделал котлы. Теперь у них были вертикальные топки с топливными форсунками, расположенными внизу и направленными вверх. КПД котла стал выше по сравнению с прежней конструкцией, когда форсунки устанавливались наверху, и горячий воздух шел (какое-то время вместе с пламенем) сначала вниз, а затем уже вверх к водогрейным трубкам. После чего к Н.И. Зауэру стали приезжать немцы посмотреть топки и договориться о приобретении лицензии под применение его топок, на которые он получил патенты.

Подводя итоги деятельности Р.Э. Классона как опытного организатора проекта по реконструкции Раушской станции, следует отметить быструю замену морально устаревавшего оборудования, высокие темпы работ, массовое присоединение новых потребителей и ликвидацию мелких станций, создание единой кабельной электросети Москвы и переход на более высокое напряжение, снижение тарифов.

А что же его друг «на всю жизнь» Я.П. Коробко, с которым они будучи в Петербурге периодически закатывались на Острова? В очерке «В Москву, в Москву, в Москву...» мы уже цитировали воспоминания С.Н. Мотовиловой о регулярных контактах Роберта Эдуардовича с Яковом Петровичем Коробко.

И такую важную деталь о последнем: «Помню, на каком-то Харьковском заводе Коробко получал 40 000 руб. в год».

Приведем теперь здесь некоторые подробности «линии жизни» сделавшего неплохую карьеру Я.П. Коробко (несмотря на то, что он почти до 1917-го был под «жандармским колпаком»): после окончания Технологического служил в Петербурге техником, мастером, заведующим чертежными мастерскими, а в 1903-м занимал уже должность директора Вагоностроительного завода. А в Харькове, куда он потом перебрался, ему в качестве большого начальника пришлось испытать примерно то же самое, что и Р.Э. Классону в Баку в 1905-06 годах.

Как говорится, за что боролись (вместе Карла Маркса и Альфонса Туна изучали? изучали!), на то и напоролись: на классовую борьбу пролетариата, возглавляемого социал-демократами и эсерами, со своими эксплуататорами и нанятыми последними «буржуазными специалистами».

Итак, в 1912-м Я.П. Коробко занимал должность директора Харьковского паровозостроительного завода. В апреле этого года его рабочие в знак протеста против расстрелов на Ленских приисках устроили однодневную стачку.

Из донесения от 10 апреля осведомителя под агентурным псевдонимом «Охотник» в Юго-Восточное охранное отделение, пересланное затем в Департамент Полиции:

<...> В сборном цехе один из рабочих арматурного отделения (не известный пока по фамилии) стал на возвышенное место и произнес речь по поводу Ленских событий, а потом предложил рабочим по этому поводу выразить протест.

Директор завода Коробко имел намерение удержать этого рабочего от произнесения речи, но был освистан рабочими; другой рабочий сборного цеха (не известный по фамилии) стал читать резолюцию, видимо заранее заготовленную, в которой было сказано, что рабочие Харьковского паровозостроительного завода протестуют против расстрела рабочих на Ленских приисках и против осуждения социал-демократов 2-й Думы <...>. (здесь и ниже – ф. 102 ГАРФ)

Кстати полиция в том же году перлюстрировала письмо одного харьковчанина, в котором были такие слова:

А Коробко – «штука». Еще до Ленских событий он говорил рабочим: «Хотите бастовать? Бастуйте! Только имейте в виду – я уеду в Петербург, и вам придется иметь дело с полицией, а не со мной!

Яков Петрович Коробко, уже «большой начальник»

12 апреля тот же «Охотник» доносил:

Среди рабочих паровозостроительного завода циркулирует слух о том, что все они, кроме удержания заработной платы за $\frac{3}{4}$ дня за день забастовки, будут еще оштрафованы как за прогул в размере $\frac{1}{2}$ дневного заработка; если это осуществится, то рабочие безусловно забастуют, так как в действительности большая часть рабочих вынуждена была уйти с завода вслед за сборным цехом, ввиду распоряжения директора – остановить машины-двигатели и распустить рабочих. Словом, распоряжение директора как бы подсказало рабочим, еще работавшим, прекратить работы, и вот рабочие, принимая во внимание, что большинство из них ушли из завода не из солидарности с забастовавшими, а с разрешения директора, считают несправедливым наложение на всех штрафа.

Что касается удержания за 10 Апреля $\frac{3}{4}$ дневного заработка, то по этому поводу никаких претензий не высказывается, но наложением штрафа возмущаются и надеются, что Губернатор, узнав о подобных действиях директора, могущих вызвать печальные последствия, заставит директора отменить штраф.

23 апреля осведомитель «Львович» привел дополнительные подробности по стачке:

На паровозостроительном заводе перед забастовкой был организован в сборном цехе митинг-летучка, на котором выступил один из рабочих (личность его пока неизвестна) и, сказав небольшую речь по поводу Ленских событий, предложил почтить память убитых однодневной забастовкой; предложение это было принято. Затем – также отслужить панихиду, и просили разрешения директора, но он в этом отказал.

Будучи студентом Технологического Я.П. Коробко, похоже, в апреле 1891-го всей душой был за то, чтобы почтить память «безвременно усопшего писателя-демократа»: «Получено известие, что по Н.В. Шелгунове были отслужены панихиды в Тифлисе (учащиеся и рабочие), Ковно и Риге; в Москве же и Казани местная администрация не разрешила отслужить панихиды и разогнала студентов». Как радикально изменились взгляды бывшего студента, ставшего большим начальником!

И еще одно свидетельство того, что Я.П. Коробко радикально переменял свои прежние революционно-демократические взгляды. Из донесения «Охотника» от 5 июня:

Сегодня в обеденное время в ремонтном цехе паровозостроительного завода было собрание рабочих, на котором обсуждался вопрос об улучшении рабочего быта; высказывались пожелания прибавки жалованья и платы за сверхурочные работы в полуторном размере данного заработка. С просьбами по этому поводу рабочие обратились к начальнику цеха; но по докладу о сем директору завода со стороны последнего последовал отказ, что вызвало среди рабочих толки в пользу более активных действий. Завтра или послезавтра с такой же просьбой рабочие думают обратиться лично к директору завода».

Однако в 1913-м «более активные действия» рабочих дошли чуть ли не до покушения на Я.П. Коробко! Из донесения осведомителя «Охотника» от 4 января:

Директор паровозостроительного завода вчера вывесил новое объявление о том, чтобы бастующие рабочие получили расчет, в противном случае им будет выдан расчет через полицию.

К сожалению, в архивах Департамента полиции не сохранилось сведений о том, как в конце 1912-го началась эта, уже более длительная, забастовка. Но апогея она достигла как раз в январе 1913-го.

7 января осведомитель «Иванов» сообщал:

Сегодня снова уполномоченные от рабочих ходили к директору паровозостроительного завода для переговоров, причем директор высказал им, что он согласен прибавить жалованье чернорабочим [на] 6 руб. в месяц, согласился установить Институт старост для решения спорных вопросов на будущее время между рабочими и дирекцией, в остальном же отказал».

А на следующий день доносил уже «Мухин»:

Забастовка на паровозостроительном заводе будет продолжаться, настроение рабочих крайне повышенное, возможно, что директора завода могут убить приезжие из Брянска анархисты, так как по слухам уже сношение на это счет завязано с анархистами. Кроме того Коробко получил несколько угрожающих писем, одно из которых он никому не показывает, оно, по-видимому, не из Харькова.

В связи с этим Я.П. Коробко 21 января «был предупрежден, по прибытии из Петербурга в Харьков, в Харьковском Губернском Жандармском Управлении о возможном на него покушении».

В тот же день «Охотник» сообщил:

С 17 Января все рабочие паровозостроительного завода приступили к работам, забастовка окончательно ликвидирована. Рабочие приступили к работам с условием, что уступки, сделанные до 9 Января директором завода в некоторых пунктах, будут проведены теперь же. Уступки следующие: 1) выбор Института старост; 2) вежливое обращение; 3) за забастовку никто не будет уволен и другой ряд мелких требований.

Директор завода не допустил к работам лишь человек до тридцати, считая их неблагоденными. Вопрос о принятии этих рабочих вновь на завод решится самим директором Коробко.

А 22 января доносил «Мухин»:

Забастовка на паровозостроительном заводе прекратилась, рабочие стали на работы пока на прежних условиях. <...> Среди рабочих идет брожение и высказывается намерение вновь забастовать, если директор завода Коробко не примет на работу уволенных им 25 человек и пять человек арестованных. Коробко в отношении последних заявил, что это «дело рук полиции» и удовлетворить желание рабочих он не может, в отношении же уволенных 25-ти лиц он сказал, что прием их зависит от цеховой администрации, несколько человек из них уже принято. Директор Коробко, по-видимому, боится нападения рабочих, и сегодня при посещении завода его провожали начальники цехов. Озлобление рабочих в отношении его большое.

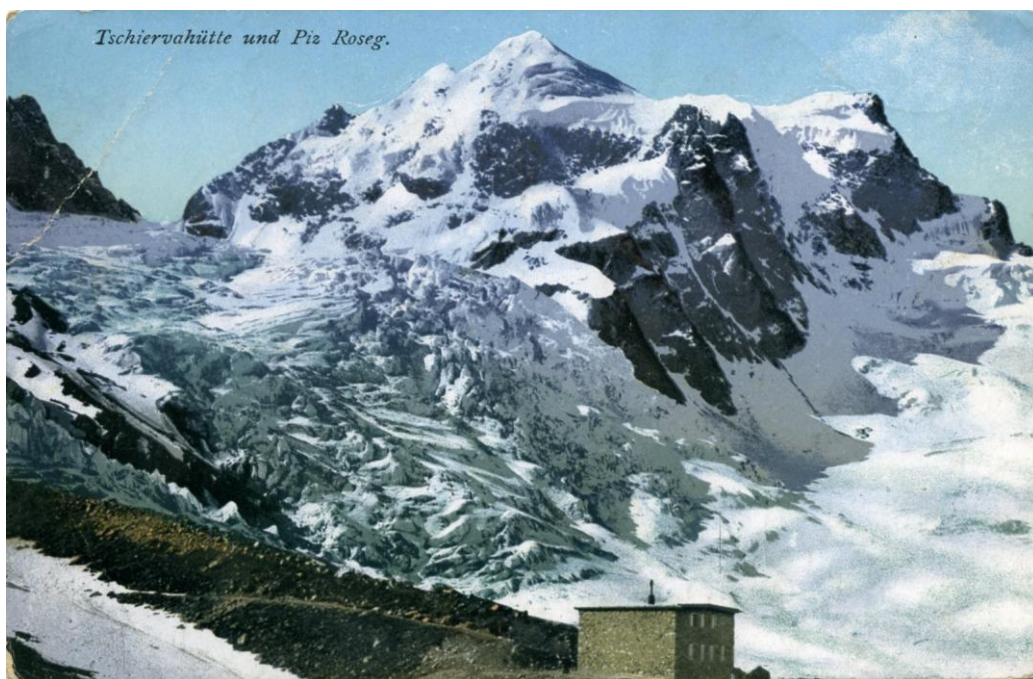
Но, слава Богу, анархисты из Брянска не приехали, а «злые рабочие» на избиение начальства не решились, и Я.П. Коробко продолжал «благоденствовать» до 1922 года, пока он в чине главного инженера Мариупольских металлургических заводов не съездил в Москву в командировку, по возвращении из которой умер от сыпного тифа. Во время этого «благоденствия» его с дочерью Натальей покинула жена Вера Викторовна, которая пожелала жить за границей, пусть и одиноко, а не под большевиками и вместе с родными.

Вернемся к Р.Э. Классону. В конце апреля 1909-го Роберт Эдуардович отправил в Москву сыну Ивану такую открытку:

Еду через Австрию в Венецию, откуда напишу всем детям. В Цюрихе был проливной дождь все время, что я там был, так что я скорее удрал. Целую тебя и всех детей. Твой папа

По-видимому, в том же году он провел лето, свой полуторамесячный отпуск (начавшийся весной?, см. выше), в Швейцарских Альпах и Германии и вот как отчитывался перед сыном в одной из открыток:

Милый Ваня. Еду альпийской почтой по головокружительным высотам. Кругом ледники, так близко к дороге, что можно подойти и тронуть рукой лед. Солнце греет сильно, со льда текут ручьи. Утром был у подножия глетчера, из которого берет начало Рона, холодом веет от ледника, так что я замерз, а кругом трава и цветы. Напиши в Москву [из Выборга], как вы все поживаете. Целую всех. Твой папа

Гора (пик) Roseg
(лицевая сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном сыну Ивану)

А побывав у знаменитой горы Roseg (3 921 м) с одноименным ледником, сообщил:

Дорогой Ванек. Я был у подножия этой горы и даже входил в ледник внутрь. Очень красиво, все синее. Теперь я уже в Мюнхене и еду назад. Напиши в Москву [из Выборга], чтобы я получил письмо, как только приеду. Целую тебя. Твой папа

В апреле 1910-го Роберт Эдуардович написал сыну Ивану в Москву из финской Иматры на открытке с видом порожиистой реки Вуоксы, у водопада Wallinkoski (или Малая Иматра):

Целую всех младенцев. Сижу в гостинице Иматра, сейчас [по]еду по всем водопадам. Приеду в понедельник утром (пришлю телеграмму). Ужасно много камней здесь. До свиданья

Лицевая сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном сыну Ивану

Летом 1910-го, любящий отец, опять отлученный от семьи и детей за супружескую неверность (с 1909-го он жил не с законной женой Софьей Ивановной, а в «гражданском браке» с Евгенией Николаевной Сомчевской-Виноградовой), писал из Италии:

В твоём конверте, Ванек, лежали марки, верно, приготовленные для наклейки [в классер], и я их только случайно нашел. Посылаю их обратно. Интересно, как пойдут Ваши грядки [на даче в Лиханьеме] и будете ли есть собственные овощи. Я очень загорел с тех пор, как уехал из Москвы, все синее небо и жара, даже устал от жары.

Целую тебя

Милый Ваня. Часа через два я выезжаю из Ливорно в Египет. Ливорно – недалеко от Генуи (вниз [по карте]) и отсюда идет самый удобный для меня пароход. Целую тебя.

Твой папа

А вот Роберт Эдуардович вернулся из-за границы в Москву:

Милый Ванек. Если ты мне не будешь писать, скверный мальчишка, то я разобью твоё страусовое яйцо, которое я таки довез в целости! Я видел, что вы не взяли с собой капота, он здесь лежит. Мне скучно по вечерам без вас, поросят! Если у вас есть аппарат фотографический, то сними Котика, мне интересно, какой у него вид с обстриженной головой. Целую Вас всех и жду от всех писем. Твой папа

Берлин
(лицевая сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном сыну Ивану)

В марте 1912-го Р.Э. Классон очень тепло поздравил любимого старшего сына, но заочно – открыткой с цветным видом Берлина, поскольку последний еще учился в Выборге:

Поздравляю тебя Ваня с рождением, сколько же тебе лет, неужели 13? На той неделе я поеду в Берлин и хочу тебе привезти какой-нибудь «топорок» [подарок? – МК] на рождение. Придумай что ты хочешь и напиши. Может быть ты хочешь марок? Целую всех будьте здоровы и веселы. Твой Папа

В мае того же 1912-го Роберта Эдуардовича постигло горе, по крайней мере, формальное: в частной лечебнице в Петербурге «от разбитого сердца» умерла Софья Ивановна, было ей всего сорок восемь лет. Мы уже упоминали о несчастливом браке Классонов, об изменах мужа в Баку, и еще вернемся к этой драме в очерке «Классонята», через ее восприятие глазами детей. В том же году ему пришлось надолго «раздвоиться»: оставаясь директором Московского отделения Общества 1886 года, заняться вплотную строительством в Московской губернии районной станции на местном топливе, торфе. Поэтому и наше повествование здесь соответственно раздваивается. В апреле 1913-го губернский проект был оформлен как дочернее акционерное общество «Электропередача», это название затем закрепилось и за собственно станцией.

В том же апреле 1913-го на Раушской станции произошел смертельный несчастный случай (правда, ни Р.Э. Классон, ни его инженеры в этом виноваты не были):

Около 11-ти час. утра 26-го апреля на станции Общества электрического освещения 1886 года в зале «фидерного щита» произошел несчастный случай, жертвой которого стал рабочий-штукатур А.С. Казаков. Обстоятельства катастрофы, по словам очевидцев, таковы. Казаков, ранее работавший на станции, явился 26-го апреля проведать одного из своих товарищей, тоже штукатура из артели подрядчика Митрофанова. Тот в это время вмазывал изоляторы в особом помещении для устраиваемого теперь «фидерного щита».

Щит этот служит для присоединения к станции главных кабелей городской сети. В том же самом зале в особом, отделенном 6-аршинной деревянной стеной, помещении находятся полосы высокого напряжения. Казаков, побывав у товарища на железном воздушном каркасе, быстро ушел.

Прошло несколько мгновений, и вдруг в помещении раздался страшный взрыв. Как оказалось, Казаков незаметно для остальных присутствовавших в зале перебросил доску с верха «фидерного щита» через деревянный забор камеры токов высокого напряжения, в 6 500 вольт, и неизвестно зачем полез туда. Коснувшись «рабочих», функционирующих полос, он вызвал короткое замыкание токов, от чего и произошел взрыв.

Силой удара Казаков был сброшен с верхней переборки работающей части и, зацепившись за изолятор, повис головою вниз. От пламени, вызванного коротким замыканием, на нем загорелась одежда. Несчастного сняли с перегородки и тотчас же отправили в Яузскую больницу, где он не приходя в сознание через 5 часов скончался.

«Русское Слово», 28 апреля 1913 г.

Р.Э. Классон, несмотря на раздвоение по двум видам деятельности, все же не упускал возможности подлечиться и отдохнуть за границей. Сохранилась открытка, которую он отправил из австрийского курортного городка Portorose (ныне Словения, Portorož – Порт роз), с видом на Palace [Kur] Hotel, где по-видимому остановился (правда, адресат оной открытки в преклонном возрасте уже не смог точно датировать сей сюжет и приписал, с сомнением, – «1913?»):

Здравствуй Ванек. Сижу на берегу Адриатического моря, но к сожалению перед гостиницей не открытое море, а бухта. Здесь жарко, лето хорошо. Купаться я еще не начал. Я с [инженером] Ленером встретился и был с ним два дня в горах недалеко от Вены. Напиши мне, сынок, обо всем, что у Вас делается. Целую тебя, твой Папа. Как ты стреляешь?

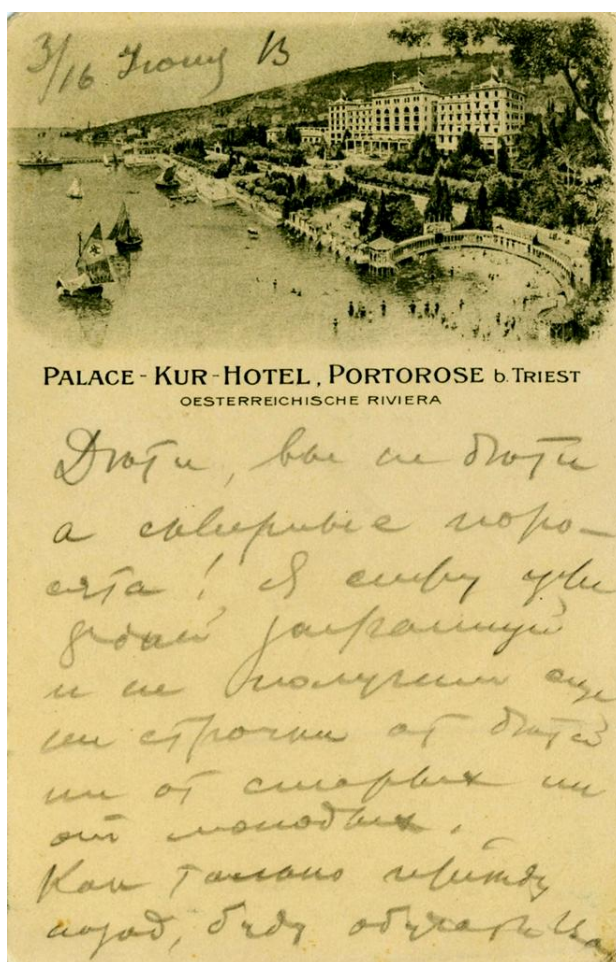

Австрийский курортный городок Portorose
(лицевая сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном сыну Ивану)

Однако любящий отец, похоже, не дождался писем из Москвы. 3/16 июня 1913-го (эта дата проставлена) он отправил раздраженную открытку (с видом Palace-Kur-Hotel):

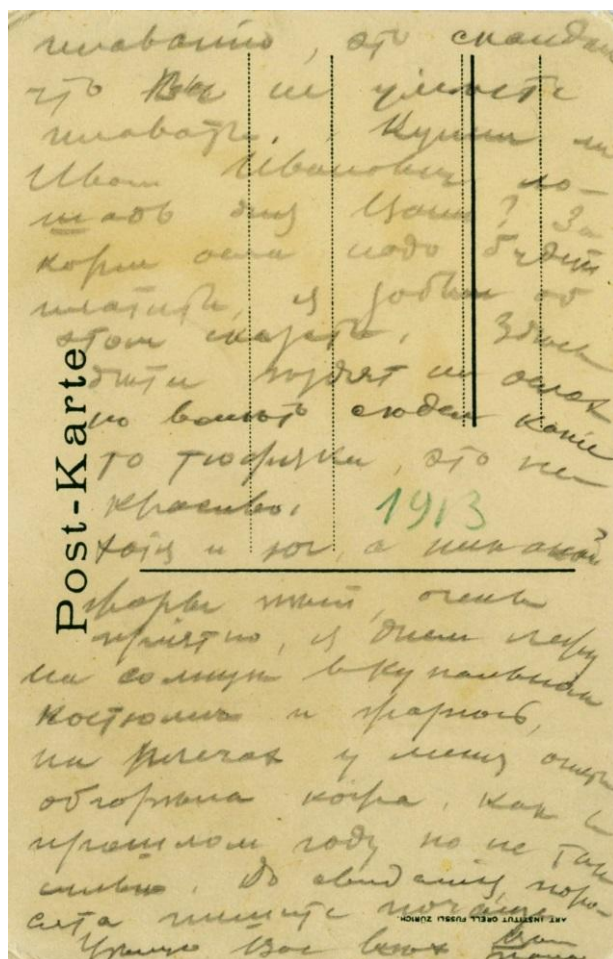
Дети, вы не дети, а скверные поросята! Я живу уже 8 дней за границей и не получил еще ни строчки от детей, ни от старых, ни от молодых. Как только приеду назад, буду обучать Ваню плавать, это скандал, что Вы не умеете плавать. Купил ли Иван Иванович [Радченко] лошадь для Вани? За корм для [Павлушиного] осла надо будет платить, я забыл об этом сказать. Здесь дети ездят на ослах, но вместо седел – какие-то тюфяки, это некрасиво.

Хотя и юг, а никакой жары нет, очень приятно, я днем лежу на солнце в купальном костюме и жарюсь, на плечах у меня обгорела кожа, как в прошлом году, но не так сильно. До свидания поросята, пишите почаще. Целую Вас всех, Ваш папа

Лицевая сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном детям – «скверным поросятам»

Обратная сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном
детям – «скверным поросятам»

В другой открытке (тоже датированной адресатом с сомнением – «1913?») отец пишет сыну уже из австрийского курорта Бриони (ныне в Хорватии):

Записываешь ли ты уровень озера по воскресеньям, Ваня? В августе мы выкачаем почти до дна озеро Гозбуж, чтобы легче сделать водоснабжение [\[электростанции\]](#) и, кстати, его вычистить.

Мне уже хочется возвращаться, чтобы приняться за работу, но надо еще ремонтировать. До свидания, мой сыночек, напиши в Венецию, откуда выеду 21 или 22 [\[июня\]](#) утром, ты не успеешь написать [\[сюда\]](#)!

Забавен (и грустен одновременно) сугубо инженерный подход Р.Э. Классона к необходимости «ремонтировать» свой изношенный организм.

А вот открытка за июль, тоже без обозначения года (хотя и с зимним видом на московский Кремль), но из текста понятно, что ее автор находился на «Электропередаче», а адресат – в Москве или в каком-нибудь другом месте России, но уже не в Выборге (сюжет с разорванной в котле водонагревательной трубкой мог возникнуть только начиная с 1913-го):

Милый Ванек. Сегодня утром я баловался утиной охотой, но уток было всего 3 штуки, из которых я двух убил, но они упали в такой густой камыш, что невозможно было их найти. Все эти дни я был очень занят на станции, в одном котле разорвало трубу, но к счастью никого [\[паром\]](#) не сварило. Очень неприятно было! Пиши, мой хороший сыночек, я очень люблю от Вас всех получать письма. Твой папа

Лицевая сторона открытки, посланной Р.Э. Классоном сыну Ивану

«Электропередача» осенью 1913-го уже работала на местную промышленную нагрузку, а также на электрификацию торфяных промыслов. А вот с поставками электроэнергии в Первопрестольную дело приняло неожиданный оборот. Естественной трассой для линии напряжением 70 киловольт и соединения «Электропередачи» с Раушской станцией была обочина Владимирского (Нижегородского) шоссе, начиная от 71-й его версты и до Москвы. Прокладка ЛЭП и ее обслуживание при этом было бы достаточно простым делом.

Некоторые перипетии противодействия Губернской земской управы «дочке» «Общества 1886 года» приводились в докладе Р.Э. Классона «Правовое положение областных электрических станций» на совещании по подмосковному углю и торфу в ноябре 1915-го:

У многих на памяти еще острая полемика в газетах по поводу первой областной станции в России – станции Общества «Электропередача». Теперь острота прошла, предприятие так или иначе преодолело поставленные ему препятствия, успешно работает, и вопрос, в большей своей части, отошел в область истории.

Но, к сожалению, пример Общества «Электропередача» едва ли вызовет подражание. Слишком труден и долог оказался путь, по которому ему пришлось идти. Если совещанию угодно, то я в кратких чертах укажу, на практическом примере, на те трудности, с которыми пришлось встретиться первой областной станции. И я надеюсь доказать, что, если условия осуществления будущих станций не будут улучшены путем соответственных законодательных положений, то над широкой утилизацией торфяных болот и малоценного угля надо на долгое время поставить крест.

Обычно у нас считают, что предприятия, имеющие характер общественного пользования, всячески поддерживаются организациями общественного самоуправления, но встречают противодействия в бюрократических кругах. История Общества «Электропередача» представляет разительное опровержение этого ходячего взгляда. Обществу «Электропередача» пришлось стать в известные подчиненные отношения к губернским и центральным властям, а с другой стороны ему пришлось иметь много дел с земствами и городами.

Административные органы проявили по отношению к новому предприятию спокойное и беспристрастное отношение: от предприятия были затребованы точные проекты и планы, действия его строго контролировались, все сооружения подвергались тщательному осмотру для определения, насколько таковые согласованы с интересами других ведомств и с требованиями общественной безопасности. Но все требования, при всей своей строгости, были исполнимы и гарантировали, что техническая сторона предприятия будет поставлена на возможную степень совершенства. Правда, администрация не предоставила Обществу «Электропередача» никаких льгот и прав, но она, может быть, и не могла этого сделать, в виду неполноты существующего законодательства.

Во всех тех случаях, когда интересы нового Общества соприкасались с интересами земств, городов, крестьянских обществ и частных лиц, Администрация беспристрастно уклонялась от вмешательства и предоставляла решение вопросов частному соглашению. Но насколько объективно было отношение административных органов, настолько, к сожалению, пристрастно и субъективно было отношение общественных организаций. Казалось бы, что такое простое и ясное обстоятельство, что население получит возможность пользоваться или не пользоваться, по желанию, дешевой электрической энергией от вновь устраиваемой районной станции, не должно бы вызвать ничего, кроме сочувственного внимания.

На деле, однако, оказалось совершенно обратное. Перед тем, как Общество «Электропередача» было финансировано, учредители его обратились к председателям Губернской и Земской Управ и встретили самое благожелательное принципиальное отношение. В скором времени, однако, главным образом под влиянием газетной агитации, это благожелательное отношение сменилось прямо противоположным. Постройка областной станции представлялась в печати как явление, угрожающее общественной безопасности. Были пущены в оборот излюбленные слова, как-то: монополия, кабала, засилье и пр. Губернское Земство и города стали чинить бесконечные препятствия новому предприятию.

Нельзя сказать, чтобы все эти действия были вполне бескорыстны. Напротив, в основе всех этих действий лежало совершенно определенное, нескрываемое желание как можно больше получить от нового предприятия в свою пользу.

Так Губернское Земство соглашалось на предоставление обочин Нижегородского шоссе под воздушные линии нового предприятия, но постепенно и непрерывно повышало свои требования и, наконец, дошло до совершенно фантастических арендных сумм, выражающихся уже не в десятках, а в сотнях тысяч рублей ежегодного платежа.

Города, с которыми пришлось иметь дело, предъявили совершенно не осуществимые и явно невозможные требования. Интересы общие, интересы населения были совершенно упущены из виду в этой погоне за отчислениями и компенсациями. А вслед за общественными организациями на этот же путь встали крестьянские общества и частные лица.

Отсутствие каких-либо законодательных положений, устанавливающих права для электрических станций общественного пользования утилизировать для своих надобностей, за известную, определенную плату, дороги, привело к тому, что для проведения воздушных линий пришлось входить в частные соглашения со многими десятками крестьянских обществ, частных лиц и общественных организаций.

Крестьянские общества в своих переговорах открыто говорили: «мы знаем, что вам некуда деваться, так как вас теснит земство – поэтому платите нам столько, сколько мы просим». Слишком долго и утомительно было бы перечислять те невероятные трудности, с которыми сопряжено было заключение договоров с десятками крестьянских обществ.

Все старания Общества заключить какой-либо договор с Московским Губернским Земством оказались безуспешными. Переговоры продолжались два года и три месяца и не привели ни к чему, так как в течение этого времени Земство непрерывно повышало свои требования, и когда Общество соглашалось на известный ряд требований, то Земство не останавливалось на этом, а выдвигало ряд новых требований.

Может быть, земства и города и правы, желая обложить известным налогом в свою пользу областные станции. Но совершенно необходимо, чтобы размер этого обложения был точно известен и заранее определен и чтобы в этой области не было произвола. Раз все эти платы и отчисления будут нормированы, всякий предприниматель будет идти с открытыми глазами, зная, сколько и кому надо платить.

При нынешнем хаотическом и бесправном положении никакие расчеты, а, следовательно, никакое финансирование предприятий невозможно. Пример Общества «Электропередача» подтверждает это очень ярко. Все сооружения Общества уже были возведены, капитал был затрачен, а между тем из-за бесконечных переговоров с Губернским Земством нельзя было начать отпуска энергии.

Если сосчитать проценты, потерянные в течение этого времени на капитал Общества в 10-11 млн рублей, то накладные расходы на предприятие, отягощающие его активы, выразятся в сумме близкой к миллиону рублей, представляющие совершенно бесполезные и никому не нужные затраты. (Труды совещаний по подмосковному углю и торфу, созданных в Москве на 20-22 ноября 1915 года Московским Уполномоченным Председателя Особого совещания по топливу. 1915)

Здесь стоит отметить, что Р.Э. Классон характеризовал свою деятельность как реализацию весьма актуального проекта «общественного пользования», в то время в основе действий общественных самоуправлений, по его мнению, «лежало совершенно определенное, нескрываемое желание как можно больше получить от нового предприятия в свою пользу».

Последние же, как мы увидим ниже, эту деятельность афишировали и пропагандировали как стремление Общества 1886 г. расширить и усилить свой давний «монополизм».

Через семь лет, в рукописи “Десятилетие станции «Электропередача» (1912-1922)” Роберт Эдуардович уже мог позволить себе развернутое и даже художественно-философское осмысление этого сюжета. Для начала приведем настрой различных слоев общества в отношении новостройки и ввода ее энергии в город:

Как же отнеслись московские общественные круги к сооружению первой районной станции именно в московском районе? В общем, можно сказать, что отношение было сплошь недоброжелательное. Единственно, чисто технические круги интересовались вопросом, приезжали смотреть постройку и вообще проявляли интерес к делу. Напротив, всякие общественные круги, городские, земские и проч., проявляли резко отрицательное отношение.

Возвыситься до понимания того, что электрификация Московской губернии, которая имела в виду постройку ряда районных станций, может только оживить губернию и содействовать ее росту, по-видимому, было совершенно недоступно общественным деятелям. Или, вернее, это сознание затуманивалось другими соображениями, очень характерными для русского общества, к сожалению, не только десять лет тому назад, но в значительной степени даже и для современного общества, несмотря на резко изменившиеся условия.

Это была боязнь, что кто-то заработает на этом деньги, притом большие. Боязнь, что кто-то может заработать на таком деле, которого сами лица, боящиеся этого, никогда не предпринимали, чрезвычайно распространена.

Целый ряд заседаний был посвящен вопросу о том, что Общество 1886 года, благодаря постройке районной станции, будет иметь большие выгоды, так как воспользуется дешевым [торфяным] топливом взамен дорогого нефтяного. Элементарное правило всякой промышленной деятельности – самим жить и давать жить другим – совершенно недоступно пониманию русских общественных кругов. Самим жить еще можно, но давать жить другим никак не следует.

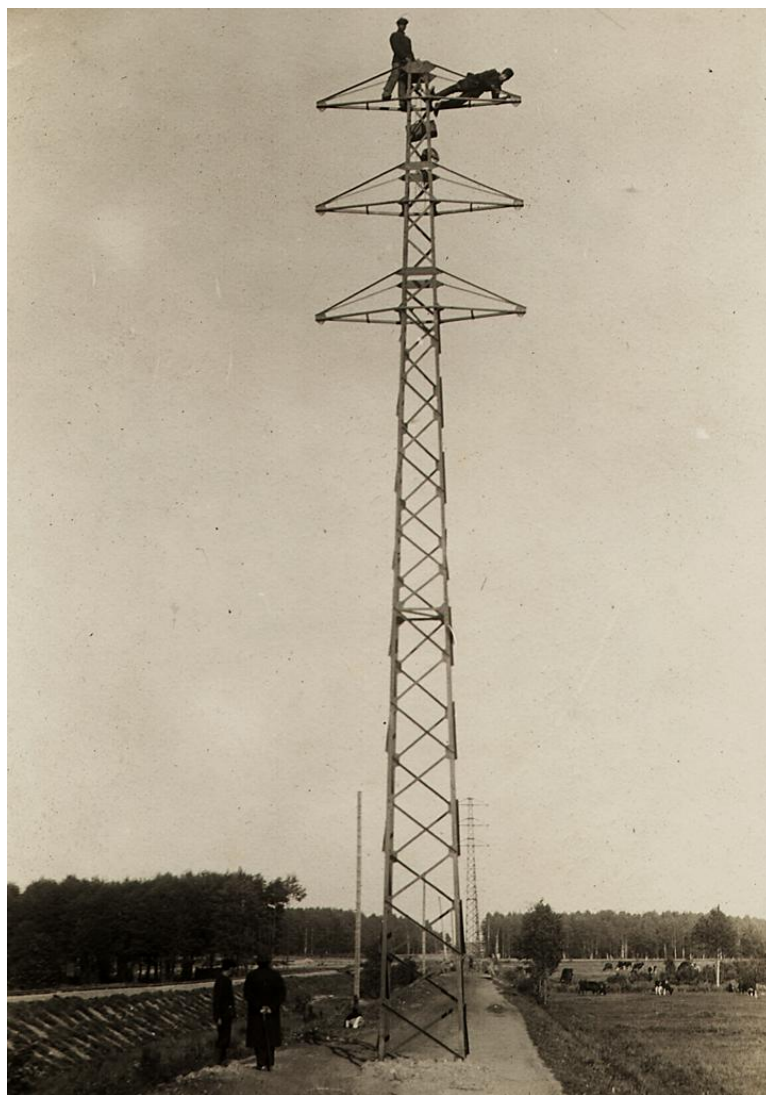
Казалось бы, если постройка районной станции является предметом чрезвычайно выгодным, то, как только это выяснится, вслед за первой станцией страна должна покрыться целой сетью районных станций, и это должно бы оказать самое благотворное влияние на ее развитие. Последнее даже было бы желательным, но нельзя было допустить, чтобы на этом кто-то заработал.

И потому отношение всех общественных кругов было крайне враждебно. Может быть, это объясняется недостаточной деловитостью, недостаточным промышленным пониманием московских кругов. Потому что за несколько лет перед этим мне пришлось строить две электрические станции в Баку в ультра деловой нефтяной обстановке. И там никакой вражды, никакого предубеждения не было, хотя электрификация промыслов являлась тоже совершенно новым делом.

Когда за границей финансировалась Электропередача, банкиры меня несколько раз с опасением спрашивали, уверен ли я в том, что нам удастся без затруднений обойти многочисленные частные владения и беспрепятственно провести линию до Москвы. Опыт [прокладки] заграничных линий, встречавших в лице частных собственников зачастую непреодолимые препятствия, заставлял их опасаться того же и в России.

Я их разуверил, сказав, что нам придется иметь дело при проведении линии не с царскими чиновниками, а исключительно с земством и отчасти с городом, т.е. с либеральной частью страны, которая, несомненно, поймет большое экономическое значение как утилизации торфяных болот, так и передачи электрической энергии по Московской губернии и, в частности, в Москву.

Я уверил их, что все наши начинания будут встречены не только сочувственно, но даже с распростертыми объятиями. Увы, действительность заставила меня совершенно разочароваться в финансово-экономической прозорливости земства. И те трудности, которые встали на нашем пути, как строителей первой районной станции, были так велики, что заслуживают быть занесенными в историю. Пока мы строили станцию, пока мы осушали болото и пока мы прокладывали железные дороги через болото, стоя по колено в воде и срубая деревья для того, чтобы продвинуться вперед с рельсовыми путями, мы не видели ни земства, ни города. Когда мы боролись с опустошительным пожаром в 1912 году, мы земства [тоже] не видели. (ф. 9508 РГАЭ)

Монтаж опор ЛЭП напряжением 70 киловольт, 1914 г.

Но вот весьма привлекательный для снятия дивидендов объект приобрел реальные очертания, и губернские и городские самоуправления решили, по версии Р.Э. Классона, прибрать «Электропередачу» – каждое к своим рукам:

Когда в 1913 году мы оборудовали болото тридцатью [торфяными] машинами, когда к этому времени была пущена в ход станция, появилось земство и заявило, что станция, собственно говоря, принадлежит ему на том основании, что оно, земство – хозяин губернии. При незыблемости в то время института частной собственности такое требование было чрезвычайно оригинально.

Но оно нашло в скором времени подражателей, так как через некоторое время Московское Городское Самоуправление заявило, что если мы будем пускать ток в Москву, то станция должна перейти в собственность города. Таким образом, явился второй претендент.

Мы, конечно, не имели ни малейшего желания отдавать станцию ни тому, ни другому, но проведение воздушной линии в Москву встретило чрезвычайные препятствия. Прежде всего, город заявил принципиальный протест и только при условии отдачи ему станции в собственность соглашался впустить дешевый торфяной ток в Москву. То обстоятельство, что от дешевизны электрической энергии выигрывала бы московская промышленность и московские обыватели, по-видимому, никак не могло уместиться в мозгах городских деятелей.

Земство соглашалось дать разрешение провести воздушную линию вдоль [Нижегородского] шоссе, но условия аренды, которые оно при этом поставило, были настолько фантастически велики, что не представлялось никакой возможности исполнить их пожелания. Громадная арендная плата, которую требовало земство за узкую полосу отчуждения под линию, была так высока, что, капитализируя эту сумму, можно было купить все земли между Москвой и «Электропередачей», а не только узкую полосу отчуждения.

Кроме Губернского земства, выступило со своими требованиями еще и уездное земство. И все наперерыв старались выставить свою заботу об общественном благе, предъявляя все большие и большие требования к новому Электрическому Обществу, фигурировавшему тогда в прессе под именем «Синдиката».

Поскольку «Синдикат» на удовлетворение этих, чрезмерных требований не пошел, против него развернулась злобная пропагандистская кампания:

Как «Общество 1886 года», так и Общество «Электропередача» подверглись ожесточенной травле в прессе. Особенно злобствовало «Русское Слово», которое почти ежедневно преподносило своим читателям самые свежие фантастические сведения о том, что «Синдикат» скупает, и уже скупил, все торфяные болота, что это представляет огромную опасность для русской промышленности и с этой опасностью надо бороться всеми силами. Ежедневно оплакивалась потеря торфяных богатств, перешедших в руки зловерного синдиката. Указывалось даже точно, какие именно болота уже скуплены.

И все это представляло собой плод чистой фантазии: Общество Электрического Освещения купило только одно болото в Тверской губернии с целью построить там вторую районную станцию после Электропередачи. Все разговоры о скупке синдикатом торфяных болот представляли чистый вымысел, тем более что никакого синдиката не существовало.

Но агитация «Русского Слова» имела курьезные и неожиданные последствия: по мере увеличения травли и оплакивания продолжающейся скупки действительно стали являться в Общество чуть ли не ежедневно собственники торфяных болот, которые предлагали и навязывали свои болота.

Мы всем им отказывали, но благодаря непрерывно сыпавшимся со всех сторон предложениям у нас составила довольно полная картина тех торфяных угодий, которые имеются вблизи Москвы. Эти данные были значительно полнее имевшихся официальных карт, и с этой стороны представляли значительный интерес.

Как мы можем увидеть, злобствовало не только «Русское слово», но, например, и «Московские ведомости», страницы которой за 1914-15 годы автор этих строк не поленился проштудировать (см. Приложение ««Конкурентная борьба» при строительстве электростанций в России»).

Далее Р.Э. Классон описывал в 1922-м свои мучительные контакты с «народными избранниками, радеющими об общественном благе», и неожиданный финал:

Переговоры с земством велись в течение многих месяцев. Тогдашний председатель губернского земства Грузинов был единственным толковым человеком, понимавшим все значение электрификации для губернии и имевшим мужество поддерживать наши ходатайства и желавший придти к определенному реальному соглашению. Для этого надо было иметь, действительно, огромное гражданское мужество, так как на него посыпались нападки «Русского Слова». Оно открыто обвиняло его в продажности, и целый ряд либеральных борзописцев старался выставить себя и свои заслуги по предъявлению неисполнимых требований к Электрическому Обществу за счет Грузинова.

После долгих предварительных переговоров, наконец, было решено выработать договор между земством и Электрическим Обществом. От земства, кроме председателя Грузинова, должны были выступить 13 уездных председателей, не считая экспертов. Среди экспертов особой «злобностью» выделялся Ржевский. Ржевский в свое время вместе с Михайловским стояли во главе Электрического Общества «Унион». Но так как Михайловский был раньше содержателем кофейной, и этот «электрический стаж» оказался недостаточным для технического директора, а Ржевский оказался плохим финансистом, несмотря на, кажется, математическое образование, то они в короткое время разорили Общество «Унион».*

Но с тех пор Ржевский и сам стал считать себя авторитетом по электрическим вопросам, и был признан таким авторитетом со стороны земства, консультантом которого он был приглашен. Ржевский был, несомненно, злым гением земства в этом деле, и ему, главным образом, обязано население Московской губернии тем, что ее, предположенная электрификация не осуществилась до войны.**

Когда, наконец, было назначено первое заседание по обсуждению представленного нами проекта договора между земством и Обществом, то я и коммерческий директор Общества [Эрнест Густавович] Буссе явились к назначенному часу, т.е. к 8 час вечера. Никого не было. В половине девятого явился председатель Грузинов и к половине десятого собрались три члена комиссии – три уездных председателя. Решили обсуждать договор. К 12-ти часам ночи успели обсудить четыре параграфа, и следующее заседание было назначено через три недели.

Через три недели в 8 час вечера мы являемся – никого. В половине девятого явился председатель, в половине десятого собрались четыре уездных председателя, но, увы, совершенно другие, чем на первом заседании. Начали обсуждать договор с первого параграфа. К 12-ти часам обсудили четыре или пять параграфов. Следующее заседание было назначено через месяц. Повторилась та же самая история. Каждый раз являлись новые лица, которые требовали пересмотра уже рассмотренных параграфов.

Вся эта история продолжалась девять месяцев и напоминала солдатские спектакли, в которых на репетиции приходят одни и те же солдаты, а на окончательный спектакль случайно откомандировываются новые, совершенно ничего не знающие солдаты. Я потерял всякое терпение и отказался от дальнейшего ведения переговоров. Меня заменил в переговорах мой товарищ по «Обществу 1886 года» Э.Р. Ульман.

---

* Из публикации в «Русских ведомостях» от 6 декабря 1898 г.:

В виду развивающегося спроса на применение электрической энергии в Москве и других городах вчера, 5 декабря, на углу Мясницкой улицы и Фуркасовского переулка, в доме Кеппен, открылось московское отделение Русского электрического Общества «Унион», имеющее целью главным образом эксплуатировать электричество как двигательную силу, в приложении в особенности к городским трамваям.

Обществом, между прочим, подано заявление в городскую Думу о предоставлении ему права устройства электрических железных дорог в г. Москве. Состоя в соглашении с берлинским электрическим Обществом «Унион» и с американской General Electric, Русское электрическое Общество применяет систему Томсон-Гаугтон, по которой построено около 70% всех вагонов-двигателей в мире. Управление московским отделением поручено Г.Е. Вильде, В.А. Ржевскому и А.И. Михайловскому.

** Ржевский Владимир Алексеевич (1865 – после 1917-го). Из дворян, окончил Московский университет со степенью кандидата математических наук. Пять лет работал ассистентом при Московской обсерватории, затем был рабочим на заводе фирмы «Сименс и Гальске» в Берлине и Москве. Учредил контору для рассмотрения электротехнических проектов. С 1906 г. гласный Московского уездного земского собрания, с 1911-го председатель Московской уездной земской управы. Депутат IV Думы от Московской губ., прогрессист; с 1913-го старший товарищ секретаря Думы. В августе 1915-го избран Думой членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. 27 февраля 1917 г. был избран членом Временного комитета Государственной думы. С конца марта – комиссар Временного комитета в Москве. 15 июня 1917 г. сложил полномочия члена Временного комитета. – Из Интернета

Он повел дело совершенно другим способом, вступив на путь бесконечных уступок земству и соглашаясь на все его требования. Ульман исходил из того положения, что совершенно абсурдные требования будут впоследствии откинuty самой жизнью, как нереальные. Но и этот способ ведения переговоров ни к чему не привел, так как всякий раз, после того как Ульман соглашался на все требования земства, последнее выдвигало новые, гораздо большие требования. А когда и на них следовало согласие, то земство выдвигало третьи, уже совершенно безграничные требования.

Переговоры опять уперлись в тупик, время шло, станция была закончена, но не могла подавать энергию в Москву и работала в убыток, так как местная промышленность брала пока ничтожное количество энергии. Тогда мы решили обойти совершенно земство и провести линию через крестьянские земли, через леса и болота. Сначала надобно было пройти верст 20-25 через земли Богородско-Глуховской Мануфактуры. С ее собственниками, как с деловыми людьми, мы столковались довольно быстро. Хотя, конечно, наше безвыходное положение, имея в виду готовую станцию и отсутствие рынка, было в достаточной степени учтено нашим противником при соглашении.

Затем немалую трудность представляло проведение линии через двадцать, приблизительно, крестьянских обществ. Чтобы иметь конкуренцию, мы вели переговоры одновременно с крестьянскими обществами, лежащими к северу от шоссе и к югу от шоссе. Но впоследствии оказалось, что земство не позволяет нам даже пересекать шоссе. И потому южный вариант, требовавший пересечения шоссе, был отброшен.

Переговоры с двадцатью крестьянскими обществами представляли чрезвычайную трудность, так как у крестьян не было никакого масштаба на то, что можно просить и чего нельзя. Мы поручили это дело особому специалисту, который употребил следующий «научный прием»: как только он приходил к соглашению с какой-нибудь деревней об установке столбов на их земле за известную плату, то увозил уполномоченных в Москву и там поселял их в гостинице, пока вел переговоры с соседними деревнями. И когда, наконец, все двадцать селений выслали своих уполномоченных, то сразу в один день договоры были со всеми с ними подписаны. Таким образом, возможность провести линию в Москву помимо земства была достигнута.

Перед тем как окончательно заключить договоры с крестьянами, я отправился к председателю губернского земства Шлиппе, который заменил Грузинова, павшего в значительной мере жертвой поднятой против него травли за проявленное им гражданское мужество в нашем деле. И заявил ему, что мы считаем земство хозяином губернии и что мы готовы платить ему столько, сколько мы заплатим Богородско-Глуховской Мануфактуре и всем крестьянским обществам вместе при условии, что оно согласится предоставить нам возможность провести линию вдоль шоссе. В противном случае мы его обойдем, и земство не получит ничего.

При этом разговоре присутствовал Ржевский, который уверил председателя, что все это провокация со стороны Электрического Общества, что оно пойдет на все уступки и что ни на что соглашаться не следует. Тогда я на другой день заключил договоры с крестьянами, уплатил все причитающиеся деньги и написал земству письмо, в котором сообщил, что Общество отказывается от своего проекта электрифицировать Московскую губернию, так как, очевидно, условия для нее еще не созрели.

Ведь переговоры с земством продолжались два года и четыре месяца и ни к чему не привели. На другой день в «Русском Слове» была громовая статья, в которой Общество упрекалось в провокации (?), но ни единым словом не осуждалась ни близорукая политика земства, ни вредная роль Ржевского во всем этом деле.*

Почему поступок Общества являлся «провокацией», для меня до сих пор остается неясным. Вообще это слово постоянно применялось ко всем действиям Общества, и никто не давал себе труда объяснить, в чем, собственно, состоит провокация. Ржевский же и после продолжал считаться незыблемым авторитетом в земстве.

Планы Общества Электрического Освещения в то время были очень широки. Кроме Электропередачи, оно предполагало построить районную станцию на великолепном Тверском болоте и так же передавать энергию в Москву. Кроме того, предполагался целый ряд линий высокого напряжения по направлению к промышленным центрам Московской губернии, и, несомненно, осуществление такой широкой программы пошло бы на пользу населению и промышленности губернии.

Неспособность земства, состоящего, казалось бы, из интеллигентных, либерально настроенных людей, понять выгоды такой электрификации губернии, для меня осталась непонятной. И я никак не мог объяснить себе психологию этих людей, которые прекрасно знали, что сами ничего не в состоянии сделать в технической области и что если можно ожидать чего-либо в подъеме промышленности губернии, то только от иностранного капитала.

Русский капитал на такие, сравнительно малоодоходные предприятия как электрические, дававшие в лучшем случае 8% [\[годовых дивидендов\]](#), совершенно не шел. Он работал главным образом в текстильной промышленности, где привык получать большие доходы на затраченный капитал. А в такое непривычное, новое дело как электрическое привлечь русский капитал не было никакой возможности. У этих людей не было простой коммерческой сообразительности, которая давала бы им возможность оценить, на какие уступки может пойти иностранный капитал и на что он никогда не пойдет.

Стремление сорвать в свою пользу как можно больше было, конечно, естественно. Но это стремление, к сожалению, никаким «умом» не ограничивалось и не направлялось. Частная собственность на землю представляла чрезвычайный тормоз для развития электротехнической промышленности, и один какой-нибудь упрямый собственник мог привести к нулю соглашение с целым рядом более толковых и сговорчивых людей. Война подорвала незыблемость принципа частной собственности. И уже во время войны ток с Электропередачи беспрепятственно посылался в Москву по правительственному распоряжению, вопреки протестам города и земства, которые продолжали свою оппозицию даже в ущерб государственным интересам.

Вообще электрификация страны в широком масштабе возможна только при том непременно условии, что воздушные электрические линии пользуются правом беспрекословного отчуждения земли. Во всей этой истории и город, и земство, несмотря на свой политический либерализм, играли явно реакционную роль и показали глубокое невежество в экономических вопросах.

---

* По-видимому, речь идет о фрагменте статьи «Губернское земское собрание – «Общество 1886 г.», появившейся в «Русском слове» 26 апреля 1914 года. Но в ней клише «провокация» все же не используется (см. ниже). В то же время оно было вынесено в заголовок статьи журналиста К. Даниленко – «Новая провокация Общества 1886 г.» от 3 мая 1915 г. Возможно эти две публикации, за давностью лет, совместились в голове Р.Э. Классона.

Лично мне они испортили много крови, так как, не говоря уже о нелепых бесконечных заседаниях, меня каждый раз попрекали банки, когда я приезжал за границу, и иронизировали над моим заявлением, что с либеральным земством и городом легче иметь дело, чем с царскими чиновниками.

Действительно, наши обращения в министерства закончились признанием нашей правоты в этом деле. Но министерства не решались прямо выступить против земства, откровенно говоря нам: «Что нам за охота из-за вас ссориться с земством?».

Здесь Р.Э. Классон, как будто бы из-за жуткого калейдоскопа событий в 1910-х годах, несколько смешивает последовательность персонажей, бывших председателями Московской земской управы: Александр Евгеньевич Грузинов официально занимал такую должность в 1915-17 годах, а Федор Владимирович Шлиппе – в 1913-15 годах. Последний деятель выстраивал такую последовательность: «На этом посту у меня было всего четыре предшественника: Наумов, Д.Н. Шипов, Ф.А. Головин, вскоре вставший председателем Государственной думы, и Николай Федорович Рихтер. <...>».

Однако, по существу, Р.Э. Классон был прав! Согласно воспоминаниям тогдашнего московского губернатора В.Ф. Джунковского, Н.Ф. Рихтер умер в ноябре 1911-го, после последовавших один за другим двух ударов. А А.Е. Грузинов, по тем же воспоминаниям, в январе 1912-го, на очередном губернском земском собрании, выступал со скорбными словами по поводу кончины Н.Ф. Рихтера уже в качестве исправляющего должность председателя губернской земской управы (т.е. его временного преемника).

Но вот сюжет насчет «Грузинова, павшего в значительной мере жертвой поднятой против него травли за проявленное им гражданское мужество в нашем деле» требует дополнительной проверки.

Хотя бы по тем основаниям, что после избрания Ф.В. Шлиппе А.Е. Грузинов спокойно занялся в той же управе дорожными делами. Приведем заодно отрывок, посвященный «немецкому обществу», из эмигрантских воспоминаний Федора Владимировича, еще раз показывающий, какая мешанина была в головах «руководящих господ»:

Александр Евграфович Грузинов вел свое дорожное дело первоклассно. Он был чрезвычайно подвижен, постоянно в разъездах по шоссейным дорогам, наблюдал и направлял работы дорожных инженеров. Сеть казенных и земских шоссейных дорог все расширялась. <...>

С какими препятствиями при проведении новых дел приходилось считаться, показывает и следующий случай, тоже по части дорожного отдела. Существовавшее в Петербурге, немецкое электрическое предприятие под названием «Общество 1886 года», через своих представителей Ульмана и Кржижановского обратилось к губернскому земству с таким предложением: оно приобрело в Богородском уезде большие торфяные болота и строило на них центральную электрическую станцию, которая должна была обслуживать московскую и подмосковную промышленность.

Общество предполагало строить мачты с проводами высокого напряжения по обочинам земских шоссе и испрашивало на это разрешение управы. За предоставление такого права оно предлагало бесплатно освещать все те шоссейные дороги, по которым намечался провод, давать бесплатно освещение для школ и больниц, расположенных на расстоянии не свыше пяти верст от главного провода и снабжать по льготному тарифу местную крестьянскую кустарную промышленность.

Вся управа, а в особенности Грузинов, были очень рады такому предложению и, выторговав еще право участия земства через своего представителя в правлении Общества, решили внести этот вопрос на утверждение земского собрания.

Еще до собрания печать подхватила этот проект и стала его всячески дебатировать, в том числе и высказывать отрицательное к нему отношение. На собрании стали выдвигать такие против всего этого предложения аргументы, что его пришлось снять с повестки и вернуть в управу для тщательной переработки.

На следующем собрании управа опять успеха не имела. Возражали главным образом представители города Москвы. Потом выяснилось почему: город не хотел, чтобы земство могло использовать часть тока для надобности земства и сельского населения.

Прошло несколько недель, и вдруг мне докладывают, что «Общество 1886 года» скупил у владельцев и крестьян право на проведение кабеля и в одном месте без спроса его [(земства)] перекинуло через земское шоссе. Инженер, в ведении которого находился этот участок шоссе, был заподозрен в соучастии и уволен. К сожалению, только этим земство, до поры до времени, смогло проявить свой протест против самовольного действия общества. Так дело и осталось до войны, когда Общество, как немецкая собственность, было конфисковано [правильнее, секвестировано – МК]; с какого-то бока земство при этом участвовало.

(С директором Общества, Э.Р.Ульманом, мне пришлось в эмиграции встретиться. А его компаньон Кржижановский стал видным советским деятелем). – Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах (XVIII-XX века). М., 2008.

А вот пример того, как земство из месяца в месяц задирало свои требования:

Около двух месяцев назад губернское земство должно было прервать переговоры с Богородским электрическим обществом по вопросу о выдаче обществу концессии. Потом общество пошло на уступки. Переговоры возобновились.

Но земство стало уже много осторожнее и заявило новые требования. Оно не желало вознаграждения в форме обложения определенным процентом энергии, которая будет отпускаться с богородской станции. Оно заявило претензии войти в новое электрическое предприятие в качестве пайщика. Потребовало предоставления ему права замещать в правлении Общества одно место директора по выбору земского собрания, одно место – члена ревизионной комиссии. И, самое главное, потребовало безвозмездной уступки акций нового предприятия на 600 000 руб.

Этого мало. До тех пор, пока Общество начнет выдавать солидный дивиденд, земство желает получать от Общества определенную сумму доходов – не меньше 5% на принадлежащие земству акции. Представитель богородского Общества, уполномоченный Немецкого банка, охотно шел на все требования, кроме одного: он не мог предоставить земству акций на 600 000 руб., что составляет 1/10 часть всего акционерного капитала нового предприятия. Но потом директор и в этом отношении стал уступчивее и, начав торговаться, дошел до 100 000 руб.

Земство не согласилось и представитель Общества, уполномоченный банка, попросил разрешения съездить в Берлин и заручиться новыми полномочиями. Теперь этот директор и уполномоченный вернулся в Москву и возобновил переговоры. Специальное совещание, организованное для выяснения этого вопроса, заседало в управе почти целую ночь. Но результатов совещание дало мало. Представителю [Общества Буссе] была дана возможность окончательно ознакомиться с теми требованиями, которые ставит земство. Выслушан был доклад госп. Угрюмова.

Ко всем предыдущим условиям, которые уже известны нашим читателям, нужно было прибавить еще одно весьма важное условие: на каких основаниях земству может быть предоставлено право выкупа электрического предприятия. Богородское [электрическое] общество, по-видимому, совершенно не желает этого выкупа и толкует лишь о возобновлении переговоров по истечении концессионного срока. Земство ничего не имеет против возобновления, но желает сохранить для себя возможность приобретения предприятия в собственность.

Поэтому выдвигается условие о том, что за пять лет до окончания срока концессии договор должен быть разработан на новых основаниях, которые позволяли бы или продолжение концессии или переход предприятия к земству.

Вскользь совещание коснулось и вопроса о доле участия земства в богородском предприятии. Уполномоченный Немецкого банка предлагает теперь земству бесплатно акций уже на 200 000 руб., что составляет немногим более 3% всего количества акций. <...> («Русское Слово», 31 октября 1913 г.)

Продолжение сюжета с непомерными аппетитами Московского губернского земства:

Вопрос о передаче губернским земством электрической концессии Богородскому обществу можно считать предрешенным. Вчера до поздней ночи шли переговоры между управой и представителями Богородского общества, находящегося, как известно, в тесной связи с Обществом 1886 года. Земству удалось отвоевать у неуступчивого концессионера довольно много.

Мы уже сообщали, что новая электрическая компания согласилась увеличить стоимость бесплатно передаваемых земству паев со 100 000 до 300 000 руб. Спор шел лишь о предоставлении земству права выкупа всего предприятия Общества по истечении концессионного договора и, затем, о предоставлении ему права приобрести в любой момент, по крайней мере, $\frac{1}{2}$ акций нового общества.

Вчера, уже после полуночи, стороны договорились до следующего. Земству новое общество [(«Электропередача»)] предоставляет 400 бесплатных именных акций, стоимостью по 500 руб. каждая, в виде уплаты поверстного налога за прокладываемый кабель, и 200 именных акций, стоимостью по 50[0] руб. каждая, как возмещение расходов, связанных с заключением концессионного договора.

Далее, общество принимает на себя обязательство, в случае если дивиденд по этим акциям в первые годы деятельности этого общества будет менее 5%, т.е. менее 15 000 руб., все же уплачивать земству по 15 000 руб. ежегодно. Затем, на первом же по заключении концессионного договора общем собрании акционеров нового общества в состав правления и ревизионной комиссии должны быть избраны по одному представителю земства, по указанию губернского земского собрания.

На этом же собрании устав общества должен быть пополнен пунктом, по которому право введения в состав правления и ревизионной комиссии представителей земства будет принадлежать последнему, до тех пор, пока оно будет владеть акциями на сумму не менее 300 000 рублей.

В заключение представители общества согласились признать за земством право выкупа всего их предприятия через 40 лет по заключении договора.

В одном земству пришлось, однако, уступить: представители общества не согласились на предоставление земству права приобретения $\frac{1}{2}$ всех паев нового общества. Они согласились предоставить земству возможность купить $\frac{1}{4}$ всех новых паев.

Эти основные положения концессионного договора будут внесены в экстренное земское собрание 22-23 ноября. После одобрения проекта договора земским собранием должно состояться заключение и самого концессионного договора.

Сравнивая достигнутые земством результаты с той ничтожной подачкой, за которую желал продать интересы земства год назад временный председатель управы госп. Грузинов, можно видеть, какую блестящую победу одержало земство. («Русское Слово», 7 ноября 1913 г.)

«Блестящая победа» обернулась, как мы уже видели, жутким конфузом.

Губернское земство и Общество 1886 г.

Вчера открылась очередная сессия губернского земского собрания. В собрание, по вопросу о договоре с Обществом электрического освещения 1886 г., внесено сообщение Об-ва следующего содержания:

«Ознакомившись с докладом финансовой комиссии о договоре, правление Общества пришло к тому выводу, что вследствие новизны дела районных станций в России еще не пришло время для той широкой постановки вопроса о снабжении электрической энергией всей Московской губернии, которую принял договор, и потому Об-во решило пока ограничиться эксплуатацией только своей Богородской станции и обслуживанием соответствующего района, откладывая вопрос о снабжении всей Московской губернии до более благоприятного времени».

Из этой бумаги усматривается, что Об-во электрического освещения 1886 г. отказывается от заключения договора, составленного финансовой комиссией губернского земства, и собранию остается или изменить проект договора или прекратить дальнейшие переговоры с О-вом. Во вчерашнем заседании вопрос этот не был решен. («Коммерсант», 25 апреля 1914 г.)

Тем не менее Московское губернское земство попыталось свалить всю вину на Общество 1886 г.:

Губернское земское собрание

<...> Общество 1886 г. После рассмотрения всех страховых докладов собрание перешло к вопросу о договоре с Электрическим обществом. Заслушано было сообщение об отказе Электрического общества 1886 г. войти в соглашение с губернским земством.

Первым по этому вопросу высказался И.Б. Месснер. Он отметил, что губернское земство, с отказом Общества 1886 года от всякого соглашения с земством, пришло к печальному результату. Вся ожидаемая от этого дела польза для населения губернии пропала. Положение можно было бы назвать комическим, если бы оно не было так печально по своим результатам. Но обвинять в таких результатах губернскую управу, земское собрание и даже руководителей Общества И.Б. Месснер не находит возможным.

В этом деле произошло что-то странное, неладное. Общество, отказываясь от заключения договора с губернским земством, указывает, что, по-видимому, в Московской губернии еще не назрела потребность в пользовании электричеством. И.Б. Месснер полагает, что такой ответ едва ли правилен.

Возражал И.Б. Месснеру член [земской] управы М.А. Нарожницкий. Главным образом, он остановился на выражении И.Б. Месснера – «произошло что-то неладное». М.И. Нарожницкий указал, что если здесь и есть что-то неладное, то только со стороны Электрического общества, которое прервало свои переговоры, не дождавшись рассмотрения вопроса в земстве.

Таким образом, нельзя сказать, что земское собрание не пошло навстречу Электрическому обществу в его требованиях. Электрическое общество не пожелало дожидаться обсуждения вопроса в земском собрании и прервало переговоры после обсуждения вопроса в финансовой комиссии. Вся вина, по мнению М.А. Нарожницкого, в том, что договор не заключен, падает всецело на Общество 1886 г.

Высказался по этому поводу и [московский губернский предводитель дворянства] А.Д. Самарин. Он указал, что с отказом Общества 1886 г. от вступления в соглашение с губернским земством особенно много потерял Богородский уезд. Электрическое общество вступило в соглашение с частными владельцами, по владениям которых оно надеется своими проводами добраться до Москвы.

Оно прокладывает свои кабели через землю Богородско-Глуховской Морозовской мануфактуры, а гор. Богородск, которому Электрическое общество раньше предлагало большие выгоды, остался без электрического освещения.

В конце концов, сообщение об отказе общества было принято земским собранием к сведению. Затем было рассмотрено ходатайство Электрического общества о разрешении ему пересечения земских шоссе. Вопрос этот передан в финансовую комиссию на заключение. («Русское Слово», 26 апреля 1914 г.)

Ну и, наконец публикация с использованием клише «провокация» (но это уже май 1915-го):

Новая провокация Общества 1886 г.

<...> Город гарантировал правительству, что он недостатка в топливе ощущать не будет и работу электрической станции [Общества 1886 г. в случае ее передачи Москве] сумеет поддержать на том уровне, какой нужен для интересов населения и промышленности. Общество 1886 г., очевидно, поняло, что оно сделало ложный шаг, и через несколько дней публикациями в газетах стало объяснять, что у него имеются достаточные запасы топлива.

Этого можно было бы и не делать, так как Московской городской думой было вполне точно разъяснено, что запасы топлива у общества есть, и дальнейшая доставка их может совершаться вполне беспрепятственно и вовсе не обременяя, как то утверждало Общество 1886 г., наш железнодорожный аппарат, так как топливо для станции летом доставляется в Москву по воде.

Казалось, весь вопрос был выяснен и больше к нему не следовало бы и возвращаться. Но у немецкого общества имеется защитник в лице госп. Гужона, вершащего судьбы Общества заводчиков и фабрикантов Московского района. Госп. Гужон понял, что ему нужно действовать в интересах [своего] общества, и поэтому 29-го апреля выпустил следующий циркуляр-воззвание к членам общества:

«Милостивые государи! Ввиду продолжающейся нехватки вагонов для перевозки твердого топлива и цистерн – для перевозки жидкого, может последовать в недалеком будущем сокращение выработки электрической энергии на местной электрической станции. Поэтому в правительственных кругах обсуждается ныне предположение о снабжении электрической силой предприятий, работающих для нужд обороны, в первую очередь, а прочих потребителей энергии – во вторую.

На случай затребования подлежащим министерством от нашего Общества [заводчиков и фабрикантов Московского района] сведений о тех предприятиях, которые ввиду изложенного могут быть отнесены к первой категории, покорнейше просим сообщить нам по возможности незамедлительно, исполняете ли вы заказы на предметы снаряжения, обмундирования, продовольствия и передвижения войска (в том числе заказы для нужд железных дорог).

При этом просим в ответах обязательно отмечать, исполняете ли вы заказы, полученные непосредственно от казенных учреждений (ведомств военного, путей сообщения и т.п.) или работаете для правительства косвенно, по заказам частных предприятий, имеющих прямые заказы на оборону.

На тот случай, ежели ваше предприятие не подходит ни прямо, ни косвенно к работающим на оборону фабрикам и заводам, покорнейше просим сообщить, не желаете ли вы принять участие в совещании представителей подобных фабрик и заводов для коллективной выработки мероприятий, которые давали бы возможность прочим предприятиям, в том числе и вашему, пользоваться электрической энергией хотя бы в минимальном количестве, необходимом для продолжения производства.

На основании полученных сведений по этому делу будет составлен список фабрик и заводов первой и второй категорий и созвано особое совещание прочих потребителей, о дне которого вам будет сообщено отдельно. В ожидании вашего сообщения имеем честь быть с совершенным почтением – председатель общества Ю. Гужон».

Циркуляр Гужона – это новый ход Общества 1886 г., новая его провокация. <...>

К. Даниленко («Русское Слово», 3 мая 1915 г.)

Объективности ради сообщим, что непримиримый оппонент Роберта Эдуардовича – Владимир Алексеевич Ржевский, будучи преподавателем электротехники в Техническом училище Московско-Казанской железной дороги, еще в январе 1902-го выступил с достаточно серьезным докладом «Проект тарифа за электрическую энергию, отпускаемую центральными электрическими станциями» на II Всероссийском электротехническом съезде.

В нем он предлагал такой тариф, который, по его мнению, стимулировал бы абонентов более равномерно потреблять электричество в течение суток. Кроме того, размер так называемой ежегодной «аккордной платы» за каждый установленный гектоватт (помимо платы по счетчику) можно было бы варьировать для разных категорий абонентов: например, взимать 12 руб. с магазинов и контор и 6 руб. – с потребляющих электричество, главным образом, ранним утром и днем до сумерек.

Собственно, Общество 1886 года «обычный тариф» (коп./киловатт-час), как мы уже видели, варьировало в широких пределах для разных категорий потребителей, в чем была немалая заслуга и Р.Э. Классона. Кроме того, из последовавшего по поводу доклада В.А. Ржевского обмена мнений выяснилось, что предлагаемый им тариф, «обладая некоторыми преимуществами, [все же] не устраняет всех возможных неудобств, возникающих при эксплуатации электрической станции и, во всяком случае, не может способствовать устранению колебаний суточной и годовой нагрузки станции».

А, как мы увидим ниже, в перепалке между В.А. Ржевским и Р.Э. Классоном на страницах Бюллетеней Общества электротехников первый оппонент показал себя вязким полемистом, хотя и использующим ложную информацию и даже клевету.

Еще одной противодействующей стороной неожиданно стало Императорское Русское техническое общество (ИРТО), точнее его авторитетный представитель Карл Карлович Мазинг. Член партии конституционных демократов (кадетов), он в 1910-х председательствовал в Московском отделении ИРТО, был гласным Московской городской думы.

В 1915-м в статье «Прогресс русской техники и Карл Карлович Мазинг», Р.Э. Классон (под псевдонимом «Промышленник») позволил себе отпустить весьма резкие филиппики в адрес этого реакционного персонажа (цитируется по машинописному тексту, хранящемуся в ф. 9508 РГАЭ):

Московское отделение ИРТО деятельностью технической не блещет. Вероятно, соответственно этому и председательствует в нем даже не техник, а педагог Карл Карлович Мазинг. В технике имя К.К. Мазинга совершенно неизвестно. Известен он только как педагог, имеющий реальное училище, да как политик-гласный, резко и крикливо выступающий в [Московской Городской] Думе по техническим вопросам, почему-либо приобретшим «политическую» окраску.

По поводу госп. Мазинга можно сказать, что инженеры и техники прощают ему его техническую несостоятельность, считая его великим политиком, а политики, в свою очередь, снисходительно смотрят на его политические выкрикивания, считая, что эти слабости покрываются его большим техническим авторитетом.

<...> Мы слышали, что городские инженеры, вернувшись в январе [1915 г.] из Петрограда, после заседания совещания под председательством сенатора Ильяшенко, со званного по всем надоевшему вопросу об «Обществе 1886 года», с недоумением спрашивали, когда же, собственно говоря, имело место заседание Московского отделения ИРТО, вынесшее постановление о необходимости ликвидировать и прекратить деятельность Общества «Электропередача». Оказывается, по их словам, что и подтвердилось впоследствии, что К.К. Мазинг на этом заседании авторитетно выступал от имени ИРТО и заявил, что все это общество требует уничтожения и ликвидации Общества «Электропередача», как общества вредного и опасного.*

Это было ново и оригинально. До сих пор говорили много и убежденно о вреде «Общества 1886 года», как Общества старого, всем известного и всем чем-либо досадившего. Но госп. Мазинг не захотел смешиваться с толпой и говорил именно об Обществе «Электропередача», которого он, по всей вероятности, никогда не видел и о котором знает, как большинство москвичей, только понаслышке – что устроилось на торфяных болотах электрическое общество. Выстроило там целый городок. Много спорило с Земством и с окрестными городами. Осветило эти окрестные города. Протянуло свои провода даже до границы Москвы. Провело электрический ток высокого напряжения, до сих пор не известного в России. Стало разрабатывать торф машинным способом. Словом, проявило деятельность необычную, заставившую одних заинтересоваться, а других обеспокоиться.

---

* К секвестру Общества 1886 г. Вчера выехали в Петроград для участия в совещании при Министерстве юстиции по вопросу об Обществе 1886 года М.В. Челноков, А.С. Шмаков, Н.И. Сушкин и М.П. Авсаркисов, участвовавшие в предыдущем совещании по этому вопросу. Кроме того отправились председатель московского отделения Русского технического Общества К.К. Мазинг и товарищ председателя [Московского губернского земства], член Государственной Думы В.А. Ржевский, лично приглашенные председателем совещания, товарищем министра юстиции И.Е. Ильяшенко. – «Русские Ведомости», 17 января 1915 г.

Совещание о секвестре Общества 1886 года. Состоявшееся вчера второе заседание междуведомственного совещания, образованного при Министерстве юстиции под председательством сенатора И.Е. Ильяшенко по возбужденному московским городским общественным управлением вопросу о секвестре предприятий Общества электрического освещения 1886 года, было посвящено обсуждению двух составленных министерством юстиции предположений о пресечении деятельности этого Общества, как фиктивно-русского предприятия. Первым предположением намечается ликвидация Общества 1886 года, как принадлежащего германскому синдикату в Берлине, а вторым проектом предусматривается создание особого правительственного контроля за деятельностью Общества путем введения в состав правления представителей правительства и городских самоуправлений Петрограда и Москвы. <...> – «Русские Ведомости», 19 января 1915 г.

Общество 1886 года. В сегодняшнем [правильнее, во вчерашнем, 19 января – МК] заседании Особого совещания под председательством товарища Министра юстиции И.Е. Ильяшенко по вопросу о секвестре и ликвидации Общества 1886 г. большинством голосов принят проект о ликвидации этого Общества. Основания, на которых будет закрыто Общество, сводятся к следующим положениям. Для ликвидации предполагается учредить ликвидационную комиссию. До ликвидации деятельность предприятия продолжается. Во главе его образуется особый орган надзора, в который входят шесть директоров Общества, русских подданных, три представителя правления и по два представителя от петроградского и московского самоуправлений. Перерыва к деятельности предприятия не будет. Дела Общества могут быть переданы другому обществу, городскому самоуправлению или частному лицу при равных условиях, предложенных контрагентами.

«Русские Ведомости», 20 января 1915 г.

К числу обеспокоившихся принадлежал К.К. Мазинг. Знакомиться с делом он не считал нужным, а с большой авторитетностью решил, что все эти начинания вредны, а главное, не патриотичны. А патриотичности у Карла Карловича хоть отбавляй. Появился какой-то иностранный трест, наверное, немецкий, который, не спросив господина Мазинга, вдруг вздумал работать в России, с несомненной целью, перекачивать русское золото в широкие, наверное, берлинские, карманы. Немудрено, что истинно русское сердце Карла Карловича вскипело, и он закричал, что не допустит, чтобы Россия, страдавшая раньше от татарского ига, теперь страдала от ига немецкого.

Нам вполне понятно возмущение господина Мазинга. Мы сами предпочли бы, чтобы в России весь технический прогресс совершался бы трудами русских инженеров, без помощи иностранного руководства и иностранных капиталов, но нам непонятно, зачем господин Мазинг сюда приплел ИРТО, у которого задачи технические, а отнюдь не политические? [Действительно,] §1 устава ИРТО гласит: «Императорское Русское Техническое Общество имеет целью содействовать развитию техники и технической промышленности в России».

Не стяжав славы и успеха на поприще содействия техническим предприятиям, господин Мазинг, по-видимому, решил стяжать таковые на поприще противодействия и не останавливаться для достижения столь высокой цели перед некоторой фальсификацией общественного мнения. Сколько мы ни спрашивали у московских членов ИРТО, никто из них не слышал ничего об общем собрании этого Общества, на котором оно дало поручение господину Мазингу выступать от его имени.

Может быть, ИРТО и действительно сделало бы такое постановление – уверенности в этом у нас нет. Но тогда оно, как научное общество, должно бы обосновать свое поручение всесторонним исследованием и ознакомлением с деятельностью Общества «Электропередача».

А то, шутка ли сказать, впервые за время своего существования ИРТО оно ходатайствует перед Правительством о закрытии крупного технического предприятия, во главе которого к тому же стоят, как говорят, инженеры, состоящие членами того же ИРТО. Неужели господин Мазинг позволил себе прикрыть свое личное выступление авторитетом научного общества без соответственного уполномочия?

Это, единственное в своем роде, выступление было обставлено так легкомысленно, что невольно возникает вопрос, вправе ли председатель московского отделения Императорского Русского Технического Общества дискредитировать Общество своим выступлением, хотя бы во имя высоких патриотических мотивов. Если это выступление является простым самозванством, то как отнесется к этому ИРТО? (ф. 9508 РГАЭ).

К сожалению, в напечатанном виде материал этот пока обнаружить не удалось. Злобствовавшие «Московские ведомости» и «Русское слово» не могли опубликовать его по определению. А на страницах «Русских ведомостей», С.-Петербургских ведомостей, Торгово-промышленной газеты и даже лояльного к «московским немцам» «Коммерсанта» его тоже найти не удалось...

А в 1922-м Р.Э. Классон уже более или менее спокойно описывал реакционную эскападу своего противника по МО ИРТО (в статье «Десятилетие станции «Электропередача», 1912-1922»):

Городские деятели зашли так далеко, что даже мобилизовали против Электрического Общества своего сотоварища по партии кадетов старого К.К. Мазинга. Он лично, ни с кем не посоветовавшись, подал официальное заявление от имени тогдашнего Императорского Русского Технического Общества.

В нем он заявил, что и это Общество протестует против постройки районной электрической станции, считая ее вредной. Это заявление было подано в Министерство [\[промышленности и торговли\]](#) и произвело известное впечатление. Тогда я, как член Технического Общества, выступил с протестом и потребовал или удаления Мазинга из членов Общества или удаления оттуда меня, как строителя и инициатора этой станции, если она действительно, с точки зрения Технического Общества, является вредной и нежелательной.

Конечно, члены Технического Общества и понятия не имели о том, какое заявление от их имени было подано Мазингом из соображений политической солидарности. Все мы, инженеры – строители станции, были глубоко убеждены в чрезвычайном значении и плодотворной роли районной станции для русской техники и промышленности.

И потому протест от имени Технического Общества нас тогда особенно неприятно поразил. Наши противники не брезговали, как видно, никакими средствами.

Здесь мы прервемся на цитировании Роберта Эдуардовича, чтобы показать, во что уже более чем два десятка лет тому назад выродилось сие «общественное образование», с некогда громким именем:

Маленький фельетон

Техника и техники

Давно уже, то есть лет семь или восемь назад, в нашем Русском Техническом Обществе чувствуется какая-то фальшь, возбуждающая время от времени более или менее крупные инциденты и неурядицы, мало имеющие общего с настоящим техническим делом. Хуже всего в фактах подобного рода, что их никак не могут закончить чем-либо определенным ни общие собрания членов, ни, как всегда в этих случаях, выбираемые комиссии и подкомиссии. Гвалт подгоняется гвалтом, разбирательство по одному оскорблению приводит к нескольким новым, и все эти печальные явления, разрушая и расстраивая Общество богатое и по целям своим чрезвычайно почтенное, нисколько не служат к его научной славе.

Именно в настоящую минуту Общество переживает эпоху инцидентов, не находящих себе правильного и для всех безобидного разрешения. Кого-то хотят исключать, зовут в заседание полицию, организуют судные комиссии, но дело не решается и никто не знает: что же делать дальше и как вообще быть?

Не касаясь существа и деталей этих инцидентов и не желая ни нападать на кого-либо, ни защищать кого-нибудь, я полагаю, что следует же, наконец, громко сказать о причине, известной всем, о которой говорят как правые, так и левые, но которую ни у кого нет твердого мужества высказать гласно, не пугаясь последствий, вытекающих из такого заявления.

А причина эта совершенно простая: Общество перестало быть техническим и сделалось сборищем вольнопрактикующихся фотографов; электротехников, занимающихся устройством выставок с буфетами [\[в это время в Петербурге по инициативе ИРТО как раз проходила IV Электрическая выставка «с буфетом и рестораном» и выпечанием вафель на электричестве – МК\]](#); и воздухоплавателей, которые не могут быть техниками уже потому, что самого воздухоплавания не существует.

Произошло грубое смешение понятий, и в число членов Общества набрались люди совершенно без образования, без научного и технического ценза, и они-то, плодясь и множась без конца и пределов, обратили почтенное учреждение в пестрый сброд разного рода людей, готовых эксплуатировать [\[почетное\]](#) звание члена Технического Общества везде и всегда, но вовсе не готовых быть на самом деле техниками.

В этом наплыве фотографов, выставочников и летателей по образцу и подобию пуха, несомого ветром, [фигура] настоящего положительного техника, в лице инженеров – строителей, механиков, технологов и геологов, совершенно затерялась и несет только похмелье в чужом пиру. Эти действительные техники не имеют в настоящее время даже большинства голосов и в своих вотах [(голосованиях)] прямо зависят от фотографии.

<...> Ну так что же? – говорят победители. Ушли механики, придут зубодеры, один уже баллотировался, а другой уже стоит в преддверии электротехнического сокрушения зубов. Уйдут химики, придут пивовары, и если будет мало пользы от такого состава Техническому Обществу, зато какие мы здесь вафли будем печь! И какое пиво подавать в буфетах [с электрическим освещением]!

А-м [В.К. Петерсен]

«Новое время», 10 марта 1892 г.

Что касается персоны К.К. Мазинга, то последний не был «ни фотографом, ни выставочником, ни воздухоплавателем», зато не был и инженером-технологом. А как же Карл Карлович очутился в ИРТО? Оказывается, как «педагог»! В 1870-м он окончил физико-математический факультет Московского университета! А в 1877 году организовал в Первopестольной частное реальное училище и, по-видимому, на этих основаниях в 1895-м возглавил Постоянную комиссию по техническому образованию Московского отделения ИРТО, а в 1904-м стал председателем уже всего Московского отделения Общества. Кроме того, госп. Мазинг подвизался гласным в Московской городской думе и в Московском уездном земском собрании и выступал от партии кадетов.

Вот это сочетание образовательного и политического бизнеса, а заодно и человеческая нечистоплотность, скорее всего, и подвели его к такому позорному, ретроградному поступку.

Автор сих строк не поленился съездить в бывшую «Ленинку» и полистать «Записки Московского отделения ИРТО» за 1913-15 годы, чтобы собственными глазами удостовериться: на Общих собраниях или же, на худой конец, на заседаниях Совета МО ИРТО вопрос об официальном выступлении К.К. Мазинга против «немецкого Общества» и «Электропередачи» не поднимался. Хотя на оных мероприятиях обсуждалась и согласовывалась всякая «мелочевка», вплоть до того, какой адрес послать «Русским ведомостям» по случаю их столетия и кого из членов МО ИРТО делегировать на банкет, включая, разумеется, и уважаемого Карла Карловича.

Итак, какие впечатления я вынес от перелистывания «Записок МО ИРТО»? Единственная публикация о сооружении Богородской районной электрической станции («Электропередачи») появилась в №6 (июль-август) за 1913 г. в разделе «Хроника», да и то это была перепечатка из «Известий Московского Бюро Технических Исследований и Консультаций». И более ничего – в том числе о завершении строительства крупной районной электростанции на местном топливе в Московской губернии: этого, можно сказать, весьма заметного достижения технического прогресса под боком у господ К.К. Мазинга, его заместителя В.А. Ржевского и других членов Совета МО ИРТО.

В то же время, 18 ноября 1912 года на заседании Секретариата по применению электрической энергии в фабрично-заводской промышленности был заслушан отчет инженера-технолога И.М. Руссака о его поездке в Ивановский район (Иваново-Вознесенской губернии) для собирания на местах материалов по одноименному вопросу, соответственно выработанным Секретариатом опросным листам. В 1914 г. никто по поручению сего чиновничьего образования МО ИРТО в Павлов-Посад и окрестные селения, собирать подобную же информацию, съездить не удосужился.

В декабре 1912 года Общее собрание МО ИРТО выбрало в качестве своих представителей на VII Всероссийском электротехническом съезде П.И. Авцына, С.И. Кричевского и Л.М. Леви, а почему не, например, Р.Э. Классона, М.К. Поливанова, Б.И. Угримова?

Павел Иванович Авцын занимал тогда должность директора АО «Телефон» в Москве, т.е. занимался слабыми токами; инженер-технолог Семен Исаакович Кричевский не занимал никакой официальной должности, зато протырился в члены комиссий по устройству осмотров и приемов и по приему гг. членов VII съезда; инженер путей сообщения Людовик Маврикиевич Леви занимал должность инженера Киево-Воронежской ж.д., а кроме того был казначеем МО ИРТО, и на VII электротехническом съезде значился «просто как представитель МО ИРТО» – в качестве специалиста по рельсам и паровозам?

Конечно, вышеупомянутые «настоящие электротехники» тоже были на VII съезде: Р.Э. Классон числился представителем Общества технологов; инженер Михаил Константинович Поливанов представлялся как управляющий городскими железными дорогами в Москве (электрическими) и числился Товарищем председателя VII съезда; кроме того, оба они входили в Постоянный комитет Всероссийских электротехнических съездов; инженер-механик, профессор Борис Иванович Угримов преподавал тогда электротехнику в Императорском Московском Техническом училище, но вскоре будет выступать консультантом Московского губернского земства по возможным концессионным отношениям с Обществом 1886 года и «Электропередачей».

Далее, 4 апреля 1913 года Председатель МО ИРТО К.К. Мазинг, открывая заседание Общего собрания, сообщил, что г. Москву, Мосгордуму, инженеров и Правительство в настоящее время интересует и волнует вопрос о построении в Первопрестольной Метрополитэна! После чего инженер К.К. Руин прочел доклад о своем, «одном из самых серьезных проектов», продолжавшийся около 3 часов. «Доклад сопровождался массой диапозитивов от эпидиоскопа. Все стены большой залы Политехнического общества были увешаны картами и диаграммами, относящимися к проекту и подробно его объясняющими».

Напомним, в это же время реальная, а не на диапозитивах, «Электропередача» открывала свои производственные действия в 70 верстах от Москвы...

4 мая 1913 г. на Общем собрании П.П. Юренев прочитал доклад «Из поездки в Ферганскую область (впечатления и снимки)». «Доклад был богато иллюстрирован картинками волшебного фонаря».

24 октября 1913 г. Я.Ф. Каган-Шабшай сделал на Общем собрании сообщение «Электрическая кухня в домашнем хозяйстве». «Доклад сопровождался демонстрацией различных приборов и аппаратов для приготовления некоторых кушаний посредством электричества. В прениях после доклада приняли участие М.Т. Зароченцов, А.К. Белотелов, Г.Л. Зандберг, госп. Лемперт, П.А. Богданов, причем последний отстаивал точку зрения, что много выгодней для демонстрируемых приборов пользоваться не электричеством, а газом. Докладчик и некоторые другие из лиц, участвовавших в прениях, не разделяли точки зрения госп. Богданова».

А в это время «Электропередача» протягивала свои провода напряжением 30 киловольт для электрификации производств и селений в ближайшем своем окружении. МО ИРТО этого не замечало...

В 1914 году на Общих собраниях были прочитаны и обсуждены доклады: В.А. Темкина «О задачах научно-технических Об-в в связи с изменением конъюнктуры русского рынка по окончании войны»; М.Г. Зароченцова «Русская техника и машиностроение»; И.Б. Бельского «Задачи общественных организаций в деле помощи жертвам войны».

А в это время «Электропередача» протянула провода напряжением 70 киловольт в сторону Москвы и даже проделала опыты по передаче «торфяной энергии» в Первопрестольную. МО ИРТО и этого не заметило!

Кстати, в МО ИРТО имелся Электро-Технический отдел, который насчитывал 36 человек (по отчету ревизионной комиссии за 1910 год, прозвучавшему на заседании Совета 26 февраля 1913 года). В него, понятное дело, входил и Р.Э. Классон.

Однако ни ранее, ни позднее обозначенной даты об этом важном образовании МО ИРТО, его заседаниях или докладах от его имени в «Записках Московского отделения ИРТО» за 1913-15 годы не было или не будет сказано ни слова! Да и 26 февраля 1913 года оно упоминалось лишь в связи с предложением ревизионной комиссии расформировать его (предложение это не прошло по чисто формальным признакам: такую операцию допустимо было произвести лишь при наличии менее чем 20 человек в отделе).

Что же это за странный феномен – МО ИРТО (на 1 января 1914 года он насчитывал 518 членов, на 1 января 1915 года – 481)? У нас нет ответа на сей вопрос. Пусть этим занимаются профессиональные историки, изучающие дореволюционные общественные образования, созданные по профессиональному же признаку или же какому другому. Главное для нас следующее: формальное подтверждение того, что К.К. Мазинг не вносил на обсуждение МО ИРТО своего предложения отправить официальное письмо в Министерство промышленности и торговли с протестом против сооружения «Электропередачи» и тем самым совершил должностной подлог!!!

По поводу «странного феномена МО ИРТО» сам Роберт Эдуардович в начале своей статьи «Прогресс русской техники и Карл Карлович Мазинг» написал примерно то же, что вынесли и мы после перелистывания «Записок Московского отделения ИРТО» за 1913-15 годы:

Не знаю, какими причинами обусловлено то, что московское отделение Императорского Русского Технического Общества влечит довольно скромное существование и ничем себя не проявляет, в противоположность петроградскому обществу. В частности, 6-й отдел ИРТО – электротехнический – в Петрограде, проявляет большую деятельность. Он разработал законопроект о праве передачи на расстояние электрической энергии воздушными линиями. Он недавно протестовал против обложения электрической энергии правительственным акцизом. Он организует выставки, съезды, словом, всячески содействует развитию промышленности. Московское отделение ИРТО деятельностью технической не блещет. Вероятно, соответственно этому и председательствует в нем даже не техник, а педагог Карл Карлович Мазинг.

Продолжим цитирование Р.Э. Классона (по статье «Десятилетие станции «Электропередача», 1912-1922”):

Курьезнее всего то, что на почве борьбы с «вредной» районной станцией городские либералы объединились с самыми мрачными реакционерами Московской Думы вроде Шмакова*. Получился хотя и не стройный, но внушительный концерт.

---

* Алексей Семенович Шмаков (1852-1916), родился в Москве в дворянской семье, образование получил в Одессе на юридическом факультете Новороссийского университета, после чего занимал должность судебного следователя в одной из южных губерний. Переехав в Москву, стал присяжным поверенным судебной палаты. С начала возникновения монархического движения принимал в нем деятельное участие. Состоял почти во всех крупных московских монархических организациях: был членом-учредителем Русской монархической партии, Русского монархического собрания, Союза русского народа, а также членом Русского собрания в Петербурге. С 1904-го был гласным Московской городской думы. Автор ряда публицистических работ по еврейскому вопросу и масонству: «Дело о сопротивлении еврейских скопищ военным патрулям» (1899), «Свобода и евреи» (1906), «Евреи в истории», (1907), «Погром евреев в Киеве» (1908), «Еврейский вопрос на сцене мировой истории» (1912), «Международное тайное правительство» (1912). Проведя юридическую экспертизу Сионских протоколов, сделал вывод, что они «являются неподражаемо верной передачей характерных особенностей иудейского духа, чем устраняется всякое сомнение в их подлинности». – Из Интернета

Однако еще 1897 г. вышел фундаментальный антисемитский труд А.С. Шмакова «Еврейские речи» (XCIV + 580 стр.!!!), нелицеприятную рецензию на который опубликовало «Русское слово».

Напротив, московские промышленники очень сочувственно отнеслись к районной станции, понимали ее выгоды, поддерживали ее, насколько было возможно. И председателя Союза Фабрикантов Ю.П. Гужона, который открыто встал на нашу защиту, постигла та же участь, что и Грузинова. На него обрушились нападки газет, его поливали грязью, обвиняли в продажности.

Словом, пустили против него в ход весь грязный арсенал, которым располагает беззастенчивая пресса. Мне лично так же немало доставалось от прессы. Но я, по крайней мере, защищал свое дело, которое считал правым и прогрессивным.

И мне гораздо более обидно было, что нападки направлялись на тех, кто имел гражданское мужество защищать это новое предприятие против злобных нападок прессы и всей «либеральной» клики, то есть на Грузинова и Гужона, для которых все это дело представляло собой похмелье в чужом пиру.

Отметим здесь такой немаловажный момент. Почему-то Роберт Эдуардович в своих записках ни словом не упомянул возникшую в то время широкую кампанию за пересмотр концессионного договора, заключенного Обществом 1886 г. с московскими властями еще в 1895-м. А с началом войны с Германией – такую реальную угрозу как секвестр (запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование или распоряжение каким-либо имуществом), муниципализацию или даже ликвидацию Общества 1886 года и «Электропередачи».

Ведь в феврале 1915-го киевское электрическое Общество (с активами стоимостью около 10 миллионов рублей), принадлежавшее Deutsche Bank, было-таки секвестровано на антигерманской волне и передано в муниципальную собственность города! Имущество этого общества получил Киев, а городское управление, в свою очередь, оставив на службе всех служащих Общества, взяло с них подписку, что они будут верно служить городской управе.

Читатель, ознакомившись с уже упоминавшимся Приложением “«Конкурентная борьба» при строительстве электростанций в России”, может воочию убедиться, как развивалась яростная кампания против Обществ, в которых работал Р.Э. Классон (летом 1914-го переросшая в антинемецкую). Мы же здесь дадим лишь ключевые сюжеты конфликта.

Кампания за пересмотр прежнего концессионного договора с «Обществом 1886 г.» началась, по-видимому, в сентябре 1911 года, когда на очередном собрании Общества Электротехников в Москве инженер городской управы Н.И. Сушкин выступил с докладом «Положение вопроса о снабжении г. Москвы электрической энергией». В нем он подверг критике существовавший и разрекламировал проект нового договора с г. Файном, представителем Бельгийского общества, предложившего построить еще одну электростанцию в Первопрестольной:

За последние два года Московскому городскому общественному управлению пришлось разработать концессионный договор по эксплуатации электрической энергии. В моем сообщении я хотел бы в самых кратких чертах отметить отличительные черты, как существующего, так и вновь выработанного договора.

Отношения между предприятием Общества Электрического Освещения 1886 г. и городом регулируются договором, заключенным в 1895 г. По договору предприниматель получает право прокладки подземных кабелей по всем улицам и площадям для снабжения абонентов электрической энергией, как для осветительных, так и для технических целей.

Взамен полученных прав предприниматель несет и известные обязательства: он должен устроить станцию в определенный срок, не меньше заданной мощности; должен при работах на улицах подчиняться известным правилам. Не имеет права отпускать энергию по цене выше установленных максимальных тарифов, обязуется присоединять к своей сети абонентов и отпускать им энергию, если заявленные требования на энергию достигнут определяемой договором нормы.

Обязуется отчислять в пользу города известный процент с валового дохода от проданной энергии. Обязуется держать в порядке свои сооружения и прочее. Через определенный срок (с 1 июля 1920 г.) город получает право выкупа предприятия; в 1945 г., если не последует выкупа, предприятие переходит в собственность города.

Главными недостатками существующего договора является неясность и неопределенность многих пунктов.

Мы здесь не будем приводить аргументацию Н.И. Сушкина в отношении «неясности и неопределенности многих пунктов» существовавшего тогда концессионного договора с «Обществом 1886 года». Она будет затем повторена многократно и дополнительно развита в многословных докладах директора акционерного Общества «Телефон» П.И. Авцына, члена Общества Электротехников в Москве. Любопытный читатель может ознакомиться с ними в выпущенной впоследствии этим честолюбивым автором книге «К вопросу устройства и эксплуатации районных электрических станций в России». М., 1915.

Дадим лишь отрывки из завязавшейся дискуссии:

<...> В беседе по поводу доклада [Н.И. Сушкина] приняли участие: П.И. Авцын, В.Л. Леви, Р.Э. Классон, П.К. Пешекеров и другие.

П.И. Авцын познакомил собрание с выдержками из своего доклада по поводу нового договора, посвященными критике последнего, главным образом с точки зрения интересов города и потребителей; он находит эти интересы недостаточно обеспеченными против эксплуатации концессионерами и по новому договору.

Р.Э. Классон. Докладчиком [Н.И. Сушкиным] договор нового концессионера рассматривался только с точки зрения интересов города и абонентов. Если же взглянуть с другой стороны, с точки зрения интересов будущих акционеров нового электрического предприятия, то окажется, что договор подписан новыми предпринимателями очень легкомысленно, так как в договоре есть пункты, могущие разорить новое предприятие во всякое время.

Так, например, в §41 нового договора указано, что город имеет право отобрать все имущество концессионера, если по вине станционного персонала произойдет перерыв тока в общей сложности в 100 часов в году. От такого перерыва не гарантирована ни одна станция, при небольшом числе машин, так как неправильное включение, отнюдь не являющееся *force majeure*, может вывести две-три турбины из строя, а при станции в 12 000 квт. едва ли будет больше трех турбин.

Принятое на себя предпринимателями обязательство давать ток всякому абоненту, отстоящему от кабельной сети не дальше 300 метров, независимо от величины присоединяемой установки, может, при ожесточенной конкуренции, повести к тому, что конкурент заставит нового концессионера проложить огромную, совершенно бездоходную кабельную сеть на огородах и дальних местах, заказывая по одной лампе на каждые 300 метров. Таких параграфов, угрожающих самому существованию будущего Общества, есть еще несколько, и потому договор заключен новыми концессионерами города Москвы очень легкомысленно.

<...> П.И. Авцын по поводу указанной Р.Э. Классоном опасности для акционеров на основании §41 договора о 100 часах остановки в течение года приводит аналогичные примеры с некоторыми городами, которые имели возможность воспользоваться таким правом в отношении концессионеров, но были великодушны.

Р.Э. Классон, в ответ на указание П.И. Авцына на недопустимость в современных договорах такого параграфа, по которому можно прекратить отпуск энергии абоненту, если последний в течение двух недель не оплатит поданного ему счета, утверждает, что такой параграф существует во всех станциях за границей.

Да другого средства заставить абонентов быть исправными в платеже по счетам и не может быть.

Больше, похоже, П.И. Авцын и Р.Э. Классон в очную дискуссию между собой не вступали.

В январе 1913-го произошло примечательное событие:

В городской управе начались совещания представителей города с директорами Об-ва электрического освещения 1886 г. относительно изменений в ныне действующем контракте в связи с присоединением к московской сети Богородской станции Об-ва.

Город настаивает, чтобы Об-во электрического освещения гарантировало ему мощность городской станции, способной удовлетворить всю городскую сеть по мере ее развития, и Об-во должно оплачивать в пользу города весь ток, получаемый на городской сети с богородской станции. («Голос Москвы»)

Специальное совещание, образованное губернским земским собранием для пересмотра проекта договора губернского земства с Электрической компанией [1886 г.] относительно богородской электрической концессии, пополненное представителями московского городского управления, городскими юристами и техниками, начало вчера работу по установлению окончательной редакции этого договора.

Совещание пересмотрело и окончательно установило редакцию двух первых параграфов договора. Параграфы эти средактированы в духе всех тех указаний и замечаний, которые были сделаны во всех предыдущих собраниях совещания. Допущены лишь незначительные изменения и поправки против того, что было принято раньше.

Задержалось совещание на вопросе об уплате губернскому земству известного вознаграждения со стороны Электрического общества за предоставляемую ему концессию. Вопрос этот вчера разрешить не удалось. («Русское Слово»)

Вчера, наконец, образованное при губернском земстве совещание закончило редактирование договора губернского земства с Электрическим обществом 1886 г. о новой его электрической концессии в г. Богородске. Дважды претерпевавший изменения проект договора, наконец, отлился в окончательную форму и в нынешнем своем виде будет внесен в очередное губернское земское собрание.

Самыми важными пунктами договора, вызвавшими вчера продолжительные прения, были пункты, трактовавшие о способе вознаграждения губернского земства за уступаемую Обществу 1886 г. концессию и о тарифах на электрическую энергию, отпускаемую для нужд земства и частных потребителей.

<...> Из всех способов вознаграждения земства за уступаемую концессию, как наиболее целесообразный, рекомендовался способ обложения определенной нормой каждого килоуатт[~~-час~~]а энергии, отпускаемой со станции. <...> Вознаграждение земства будет производиться не со всего количества электрической энергии, которая будет вырабатываться на станции Общества 1886 г., а только с той энергии, которая будет передаваться проводом, проложенным по Богородскому шоссе, т.е. к выгоде земства будет учитываться лишь энергия, направляемая в сторону Москвы.

<...> Но даже и при принятом решении земство в первый же год по открытии станции должно будет получить по приблизительному расчету, при 0,1 коп. обложения за килоуатт[-час] – норме, принятой вчера, не менее 30 000 руб. в год чистого дохода. Это, конечно, не те 3 000 руб. арендной платы, которые хотел в «пять минут» провести на экстренном земском собрании г. Грузинов.

По вопросу о тарифах на электрическую энергию совещание тоже сделало свои указания, которые и будут включены в проект договора. Для нужд земства электрическая энергия по договору должна отпускаться: по 10 коп. за килоуатт[-час] – для целей освещения и по 4 коп. для технических целей. Для частных потребителей эти тарифы соответственно увеличены до 17-ти и 8-ми коп. за килоуатт[-час]. («Русское Слово»)

Совещание земцев и представителей города закончило рассмотрение проекта договора с Обществом электрического освещения 1886 года относительно разрешения ему права прокладки воздушных городов от Богородска к Москве, по Нижегородскому шоссе, на протяжении 70 верст. Интересы города обеспечены отдельным пунктом, которым обществу вменяется в обязанность испросить разрешение у городского управления на доставку в Москву электрической энергии по загородной линии.

Затем земством устанавливается [предельный] тариф за пользование электрической энергией: 18 коп. за квт.-час для электрического освещения и 8 коп. – для технических целей. Кроме того, энергия, вводимая по земскому шоссе, оплачивается в пользу земства сбором в 0,1 коп. за квт.-час. Далее, земство ставит в обязанность обществу присоединение к его сети абонентов на известном расстоянии от линии, если таковое желание выражается частными лицами и учреждениями.

Представители города подали мотивированное заявление, в котором указывают на то, что проектируемое земством обложение электрической энергии высоко и явится, в сущности, обложением потребителя. Что касается фабричных районов Московской губернии, то для них существенно важно скорейшее разрешение этого вопроса, так как многие фабриканты намереваются заменить паровые двигатели электрической силою.

Представители Общества электрического освещения 1886 г. признали принципиально возможным установление максимального тарифа за пользование электрической энергией в пределах Московской губернии с новой богородской станции.

Они не возражали также против принципа обложения в пользу земства сбором электрической энергии, подаваемой по проводам, находящимся на земском шоссе, возражали лишь против установленной земством ставки максимального тарифа, настаивая на ее повышении, и против размера налога в пользу земства.

Представители общества настаивали на понижении налога до 0,03 коп. за квт.-ч.

Затем, земство указывало, что исчисление энергии должно производиться по счетчикам, установленным у места выхода энергии, на центральной станции. Общество же соглашается учитывать энергию по счетчикам, установленным у места входа энергии в город, так как часть энергии, проходя по проводам, теряется. Затем, представители общества возбудили вопрос о предоставлении ему права прокладывать воздушные провода по всем земским шоссе в пределах губернии.

Совещание признало себя некомпетентным разрешать этот вопрос, так как многие шоссе находятся в ведении уездных земств. Но было признано желательным выработать проект нормального договора, которым могли бы руководствоваться уездные земства. На первое время решено ограничиться соглашением с обществом относительно одного Нижегородского шоссе. («Голос Москвы»)

Монтаж изоляторов и проводов ЛЭП напряжением 70 киловольт, 1914 г.

Итак, с некоторыми оговорками, но энергетики получили право на прокладку линии электропередачи от богородской станции в сторону Москвы и на снабжение ее энергией потребителей Первопрестольной и губернии.

В феврале 1913-го газета «Раннее утро» опубликовала не «досужие размышлизмы» журналистов, чем отличалось то же «Русское слово», а мнение лица, непосредственно причастного к переговорам – А.Е. Грузинова:

Вопрос о предстоящем заключении договора Московским губернским земством с Об-вом электрического освещения 1886 года начинает привлекать к себе внимание широких общества. Это неудивительно, так как то или иное разрешение вопроса о концессии Об-ву 1886 года для второй станции в Богородском уезде имеет, особенно для мелкой и средней промышленности, громадное значение.

<...> Какое решение этого вопроса является наиболее выгодным для земства и населения? За разъяснением этого вопроса мы обратились к и.о. председателя губернской земской управы А.Е. Грузинову и к специалисту в этой области – директору междугородного телефонного сообщения П.И. Авцыну.

А.Е. Грузинов

Я держусь по этому вопросу такого мнения. Участие земств и городов в устройстве и эксплуатации электрических станций имеет громадное значение. И на Западе, как известно, этот вопрос разрешен удовлетворительно. У нас другое положение. Центральные электрические станции, предназначенные для обслуживания громадных районов, у нас новосты, и наше законодательство их не предусматривает.

Является прежде всего сомнительным, предоставлено ли земству право сдавать свои дороги для прокладки электрических проводов. Ведь земли под дорогами не отчуждаются в пользу земства, они принадлежат их первоначальным владельцам, и [по-этому] не устранена возможность предъявления с их стороны претензий к концессионерам за прокладку кабелей. На Западе этот вопрос стоит ясно, так как там для нужд таких станций законом предоставляет право отчуждения земель.

Далее, не доказано, что такая станция будет давать «громадные» доходы, так как опять-таки у нас не существует никаких законодательных положений, которыми обеспечивалась бы центральным станциям возможность свободной передачи энергии по всей губернии. Все эти вопросы требуют законодательного разрешения. И, несомненно, земству об этом придется возбудить вопрос. По крайней мере, об этом уже была речь на наших совещаниях.

Не нужно бояться, что это будет слишком поздно, так как к нашим услугам остаются громадные неиспользованные торфяные болота в Клинском, Дмитровском и отчасти Верейском уездах. Но до разрешения всех этих вопросов земству рискованно было бы вступать в число акционеров и принять на себя риск. Остается один путь – концессионный, и наша задача получить от концессионеров возможно больше.

<...>

В том же феврале 1913-го директора Общества 1886 года поехали в Берлин:

Сегодня [(16 февраля)] директора Общества электрического освещения 1886 года гг. Буссе и Классон выезжают в Берлин для окончательных переговоров с главным держателем акций этого общества, правлением Немецкого банка, по вопросу о новой форме соглашения с городом.

Проект этого соглашения представляет собой чрезвычайно интересное и совершенно неожиданное дело, переговоры о котором между городом и представителями Об-ва продолжались в течение нескольких месяцев и держались в большой тайне.

Городское управление по проекту соглашения должно войти пайщиком в новое предприятие, которое будет заключать в себе все электрическое дело в столице. Общество электрического освещения ликвидирует свою деятельность. Свою станцию, машины, кабельную сеть, строящуюся около Богородска загородную станцию и свои концессионные права Об-во 1886 года продает новому акционерному обществу.

В это же новое акционерное общество вступает пайщиком город, и его взнос оценивается стоимостью центральной электрической станции трамвая, всех подстанций и намеченной к постройке второй станции.

Оценка как городского имущества, так и имущества Общества 1886 года будет произведена по действительной стоимости. Концессионные права общества отпадают, причем имущество в черте города в момент истечения срока первоначальной концессии переходит к городу, и, таким образом, к концу срока концессии городское управление явится единственным обладателем всего электрического имущества в городе и даже известной части богородской станции.

В основу отношений городского управления к новому акционерному Обществу будет положен договор того же типа, какой в прошлом году был заключен между городским управлением и г. Файном. В правление нового акционерного общества представители города войдут как директора, причем город сохранит за собой большинство голосов. Этим путем городское управление будет иметь возможность охранять интересы населения.

Новое акционерное общество, благодаря богородской станции и дешевому торфяному топливу, получит возможность доставлять в Москву дешевую электрическую энергию, а городские станции будут служить лишь для того, чтобы дорабатывать необходимое количество энергии в часы наибольшего потребления.

Общество 1886 года не ограничится передачей новому акционерному обществу нынешней своей станции, а оно выстроит еще вторую станцию. Таким образом, трамвайная сеть и кабельная сеть для освещения будут питаться от 5 мощных станций. («Раннее утро»)

И 25 февраля господа-директоры Р.Э. Классон и Э.Г. Буссе отправили письмо в городское управление «О согласии Общества электрического освещения 1886 г. с перспективным планом Московской городской управы о [коммерческом] слиянии Московской станции, Трамвайной станции и Богородской станции». (ЦГАМ, ф. 722)

Если бы этот грандиозный план был бы реализован, то Московскую губернию и Первопрестольную удалось электрифицировать чуть ли не повсеместно на 10-20 лет раньше «ленинского плана ГОЭЛРО»! Но у подавляющего большинства «общественных деятелей» возобладали те низменные чувства, которые Р.Э. Классон уже охарактеризовал выше:

Это была боязнь, что кто-то заработает на этом деньги, притом большие. Боязнь, что кто-то может заработать на таком деле, которого сами лица, боящиеся этого, никогда не предпринимали, чрезвычайно распространена.

В том же феврале на горизонте появился еще один «липовый конкурент», помимо представителя Бельгийского общества – господина Файна. Вот как этот развивался этот острый сюжет.

Сначала конфликт возник в корпоративной, закрытой среде инженеров-электротехников, на VII Всероссийском Электротехническом съезде:

Заседание 30 декабря 1912 г.

1. Председатель А.А. Воронов, открывая заседание, сообщает, что по поводу заслушанного доклада [Заведующего кабельной сетью Об-ва Электрического Освещения 1886 г., С.-Петербург,] Д.И. Верещагина «Проект закона о праве пользования землями и путями сообщения для проводки линий электропередач»^{*}

29 декабря состоялось частное совещание, в виду чего он предлагает образовать при Съезде открытую Комиссию, в которую вошли бы представители всех заинтересованных сторон; тогда возможно все прения по данному вопросу перенести в данную Комиссию. Комиссии можно предложить высказать, не входя в редактирование проекта закона, свои заключения, которые и можно обсудить на общем Собрании Съезда 3 января 1913 г.

---

^{*} Доклад Д.И. Верещагина «О правилах и законоположениях, необходимых для облегчения развития электрических установок и передач электрической энергии» см. в Приложении «Драматическое внедрение токов высокого напряжения».

[Инженер-электрик-кооператор, Москва,] А.А. Вагин внес следующее внеочередное заявление-протест:

Сам г. Председатель Общего Собрания 28 декабря после прений по докладу о проекте закона отметил всю важность всестороннего освещения возбужденного вопроса и то, что с разрешением этого вопроса связаны насущные интересы многих классов населения России. В силу этого сам же г. Председатель сделал предложение о том, чтобы прения по столь важному вопросу были в общих наших заседаниях продолжены. Параллельно этому М.А. Шателен, имея в виду важность и колоссальность такого законопроекта для всего строя хозяйственной и торгово-промышленной жизни страны и для более вящего выяснения выдвинутых вопросов, предложил сделать еще и частное совещание из лиц, заинтересованных в этом деле, и лиц интересующихся этим вопросом.

Как в самом содержании доклада, так и в прениях по нему и в состоявшемся вчера частном совещании не было и тени опасности к тому, чтобы прения по этому докладу были сняты с очереди. Совершенно наоборот, стало ясным, что предстоящий вопрос и разрешение его затрагивают не только интересы нашей страны, нашего всего русско-го общества, но затрагивают также интересы и тоже насущные Акционерного Общества 1886 года.

А.А. Вагин полагает, что не только для него, но и для всех членов Съезда нет никакого сомнения в этом. Из прений по этому вопросу все время было слышно, что имя Акц. Общества 1886 года склонялось во всех падежах и склонялось оно не только по окрестностям Москвы, но эти склонения слышались также настоятельно и в окрестностях С.-Петербурга.

Затем, если обратиться к самому докладу, прочитанному от имени Постоянного Комитета Всероссийских Электротехнических Съездов, и если задать прямой вопрос, кто же собственно автор раздававшейся литографированной записки под названием «Проект закона о праве пользования землями и путями сообщения Империи для устройства линий передачи электрической энергии», то откровенно следует ответить в именительном падеже – это есть «Акционерное Общество 1886 г.».

В заключение А.А. Вагин делает следующий вывод.

Вычеркивание прений по данному вопросу и перенесение их и заключений по ним в особую Комиссию может повлечь за собой лишь то, что в этой Комиссии по каким-либо конструктивным особенностям ее будут лишь учтены интересы одной стороны – предпринимателей, будут подавлены, игнорированы интересы нашего населения, интересы общественные, а потому и продукт, выпущенный из этой Комиссии в виде ее резолюции, будет продуктом кривобоком, не отвечающим тому значению, которое можно было бы приписать, не краснея за себя, мнению и резолюции, санкционированной Всероссийским Электротехническим Съездом.

Прения по данному вопросу, прения в Общих Собраниях Съезда не только в данный момент, но и во все время Съезда закрывать не следует. Все дело Съездов есть дело общественное и пусть мнения членов Съезда, скромные их слова будут достоянием всего населения, всего русского общества.

Д.И. Верещагин самым решительным образом протестует против только что высказанной попытки инж. Вагина наложить клеймо фирмы Общества Электрического Освещения 1886 года на представленный на рассмотрение VII Всероссийского Электротехнического Съезда «законопроект о праве пользования землями и путями сообщения для устройства линий передач». Законопроект этот выработан Постоянной Комиссией по правилам при Постоянном Комитете Съездов, и, если докладчик, инженер Общества 1886 г., имеет честь состоять председателем специальной для этой работы подкомиссии, то это простая случайность.

Может быть законопроект действительно и односторонен; но это же вполне естественная вещь, ибо составители законопроекта были и состоят членами профессиональной организации. Электротехнический Съезд не Парламент, а профессиональная организация и потому в законопроекте указывали главным образом свои нужды. Законопроект никоим образом не может выйти со Съезда в вполне законченном виде. Законодательные инстанции обсудят его и внесут то, что окажется необходимым для защиты различных классов населения России.

<...> А.А. Вагин заявляет, что он никого не желал обидеть своим заявлением, тем более представителей Общества 1886 г. Он только защищает свои [\[кооперативные\]](#) интересы и считает вопрос имеющим общественно-экономический характер, в виду чего он и не считает возможным закрывать по нему прений в Общих Собраниях.

А вот как сочувственно отнеслось к инициативе «инженера-электрика-кооператора» Вагина, еще не высвечивая его персонально, «Русское слово» 6 февраля:

В Москве образовалось «Товарищество потребителей электрической энергии». Товарищество это – чисто кооперативного характера и зародилось в местных кооперативных кругах. По идее оно представляет собою союз обывателей уездов и окрестностей Москвы, желающих за дешевую плату иметь собственную электрическую энергию, как для применения ее на принадлежащих им фабриках и заводах, так и для освещения своих жилищ.

Товарищество, по самой своей идее, должно преследовать интересы всего населения уездов Московской губернии, так как вся прибыль этого предприятия распределяется между членами – абонентами товарищества, а право вступления в товарищество обывателей ничем не ограничено.

Товарищество обратилось в настоящее время в губернскую земскую управу с целым рядом предложений. Товарищество просит, чтобы губернская земская управа, по соглашению с уездными управами, предоставило членам [\[товарищества\]](#) – обывателям уезда концессию, сроком на 40 лет, на право сооружения собственной кооперативной электрической станции в пределах Московского уезда и пригородов Москвы.

Цена на электрическую энергию устанавливается не свыше 22-х копеек для освещения и не свыше 12-ти копеек для технических целей за килоуатт-час. Вся прибыль по эксплуатации будет возвращаться членам-абонентам, как в виде дивиденда на внесенные ими паи, так и пропорционально суммам, уплаченным абонентами за энергию.

Другими словами, члены товарищества будут пользоваться энергией по себе стоимости производства этой энергии, величина которой зависит как от числа членов-абонентов товарищества, так и от количества энергии, какой они будут пользоваться в течение года.

Учредители товарищества обращают внимание на то, что земскому управлению предоставляется право самому вступить в число членов-абонентов товарищества для освещения своих учреждений, улиц, шоссе и дорог, и опять-таки по цене себе стоимости энергии.

В случае нежелания земства вступить в число членов товарищества учредители предлагают принять на себя замену ныне имеющегося весьма скудного керосинового освещения в пригородах Москвы электрическими металлическими лампами накаливания, силою света вдвое превышающими силу света нынешних фонарей, за ежегодную плату в размерах той суммы, которая расходуется теперь земством на керосиновое освещение, включая сюда и все расходы, связанные с ремонтом уличного освещения.

<...> Выдавая эту концессию товариществу, земство не лишается права устройства и собственной электрической станции, и сети проводов или давать такое же право другим обществам и товариществам, учреждаемых, однако, только на основах кооперативных. Имея такое, по идее заслуживающее сочувствие, предложение, губернской управе, начавшей переговоры с Электрическим обществом 1886 г., следовало бы теперь, пока эти переговоры не приняли окончательной формы, подумать – каким образом, считаясь с интересами населения, сделать концессию Электрического общества 1886 года наиболее безвредной для этого населения.

В то же время у «Раннего утра» в публикации от 7 февраля воспроизводилось, можно сказать, совсем противоположное мнение:

В губернскую земскую управу поступило ходатайство нового московского Товарищества потребителей электрической энергии о предоставлении концессии на 40 лет на право сооружения собственной кооперативной электрической станции в пределах Московского уезда. Со стороны губернской управы ходатайство особого сочувствия не встретило. В своем ходатайстве товарищество заявляет, что предоставление концессии Об-ву 1886 г. «поставило бы новое товарищество в совершенно ненормальные условия существования будущей эксплуатации». Губернская управа находит, что такое утверждение товарищества неверно, так как Об-ву 1886 г. предполагается предоставить для прокладки электрических проводов всего 2 шоссе – Нижегородское и Богородское, и то без права монопольного ими пользования. <...>

А 9 февраля в «Русском слове» появилось письмо этого самого «инженера-электрика-кооператора» Вагина:

На протекшем VII Всероссийском электротехническом съезде раздавались голоса относительно опасности, которая неминуемо должна постичь всех обывателей города Москва и Московской губернии, при удовлетворении земством домогательств Акционерного общества 1886 года к открытию действия сооружаемой им областной электрической станции в Богородском уезде. Из появившихся в печати статей видно, что наши общественные круги, при разрешениях всякого рода ходатайств Общества 1886 г., теперь уже учитывают не одни лишь интересы пылкого концессионера.

Хотя настоящее положение дел таково, что не имеется прежней боязни игнорирования интересов самого населения, но было бы несравненно полезнее и облегчило бы задачу лиц, стоящих на страже таких интересов, если бы обыватели и будущие потребители могли, с своей стороны, выдвинуть те вопросы и предложения, кои, по их мнению, могли бы быть для них полезными и выгодными.

В виду того, что специальные комиссии при городских и земских самоуправлениях, а так же Московское общество электротехников для большинства могущих быть заинтересованными лиц недоступны, мне хотелось бы в данном случае указать и оповестить, что при Комитете о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах и при Московском обществе сельского хозяйства в настоящее время образуется особая «электрическая» комиссия, задачей которой, главным образом, является изыскание способов и мер к соблюдению интересов населения при осуществлении такого рода общепользовных электрических предприятий.

В эту комиссию вошли уже многие общественные деятели и специалисты инженеры-электротехники, но для плодотворности работы ее желательно, чтобы в комиссии были представлены интересы большинства населения. В заключение имею честь сообщить, что для участия в комиссии необходимо состоять членом означенного выше Комитета. Заявления в Комитет адресуются председателю его В.А. Перелешину, по адресу: «Московский народный банк».

В общем, «куда конь с копытом, туда и рак с клешней». То есть, сей кооператор, не имея за душой средств, необходимых для строительства серьезной электростанции, уже пытался охмурить губернское земское правление и заодно изображал из себя «радетеля народных интересов»!

На следующий день в другой газете – «Утре России» появилась достойная отповедь директоров Общества 1886 года Р.Э. Классона и Э.Г. Буссе. Правда, они зачем-то упомянули при этом своего давнего противника П.И. Авцына:

Защита собственных интересов

(Письмо в редакцию)

В последних №№ газеты «Русское Сл.» был помещен ряд [анонимных] статей под заглавием «Защита интересов населения», в которых группа лиц вела ожесточенную агитацию против Общества электрического освещения. Настоящее письмо имеет целью указать на то, что эта группа лиц действительно защищает интересы, но не столько населения, сколько свои собственные.

Сущность дела заключается в следующем. В настоящее время губернское земство ведет «концессионные» переговоры с Обществом электрического освещения и с Товариществом потребителей электрической энергии. Последнее товарищество выступает под флагом кооперативным и добивается от губернского земства концессии, и, как мы дальше докажем, концессии монопольной.

Общество электрического освещения хлопочет о концессии совершенно открыто, не стремясь ни к какой монополии, тогда как Товарищество потребителей все время говорит лишь об интересах населения, действуя через подставных лиц. Товарищество это еще не владеет никакими капиталами, никаким имуществом, и самое предположение соорудить многомиллионное предприятие путем 50-рублевых членских взносов представляется настолько наивным, что о нем не стоило бы и говорить, если бы в уставе товарищества при §10 не было маленького примечания, которое дает возможность гг. кооператорам весьма выгодно продать приобретенную под кооперативным флагом концессию кому угодно.

Примечание это гласит следующее:

«В члены товарищества могут вступать лица и не пользующиеся непосредственно электрической энергией от станции товарищества, если часть паев осталась неразмещенной среди членов-потребителей электрической энергии, но с ограничением числа приобретаемых паев по настоящему (10) параграфу».

Возможность продажи паев лицам, не пользующимся непосредственно электрической энергией, т.е. любому капиталисту, является кардинальным пунктом устава, несмотря на то, что он помещен только в небольшом примечании. Ограничение числа приобретаемых паев – 1 000 на каждое лицо – конечно, не представляет никакого препятствия для продажи всего кооперативного предприятия любому капиталисту.

В № газеты «Русское Слово» от 6-го февраля указано другое обстоятельство, характеризующее политику Товарищества потребителей электрической энергии. Там сказано:

«Выдавая эту концессию товариществу, земство не лишается права устройства и собственной электрической станции и сети давать такие права другим обществам, товариществам и учреждениям, однако только на основах кооперативных».

В последних словах заключается совершенно определенная тенденция сделать эту концессию монопольной, так как для того, чтобы конкурировать с предприятием, купленным у кооператоров, надо проделать ту же операцию, т.е. опять-таки говорить об интересах населения, об идее кооперации и пр. и добиться второй «кооперативной» концессии. Ясно, что ни одно крупное общество на такие сомнительные операции не пойдет, и это, конечно, имели в виду гг. кооператоры, стремясь оградить земство от всякого концессионера некооперативного характера.

Общество электрического освещения нисколько не против конкуренции Товарищества потребителей электрической энергии, но протестует против тех приемов, которыми товарищество, при помощи явных и скрытых деятелей, агитирует против общества, и, желая устранить его конкуренцию, само добивается для себя монополии, не переставая кричать о народном благе и проливать слезы по поводу ужасных перспектив, которые открываются перед населением Московского губернии от того, что ему будет предоставлена возможность пользоваться дешевой электрической энергией от строящейся станции общества.

Гг. кооператоры заходят так далеко, что даже протестуют устами г. Авцына против утилизации торфа! Кто же мешает гг. кооператорам купить хотя бы десяток торфяных болот, которые в Московской губернии имеются в изобилии? Ответ на этот вопрос может быть только один – что им нужно не дешевое топливо, а концессия, которую можно перепродать.

Директора: Р. Классон и Э. Буссе

Г-н Авцын не замедлил воспользоваться благоприятным предложением для контр-выступления, конечно же в «Русском слове»:

Письмо в редакцию

Ваша почтенная газета первая обратила внимание на опасность новой концессии Общества 1886 года и в ряде статей выяснила положение и предупредила городское управление, земство и население от грядущего ига концессионеров. На последнюю [анонимную] статью – «Защита интересов населения» [(«Русское Слово», 9 февраля)] директора Общества 1886 года гг. Классон и Буссе поместили 10-го февраля в одной московской газете письмо, озаглавив его: «Защита собственных интересов».

Всякое выступление представителей Общества 1886 года, конечно, всегда будет защитой собственных интересов, но в данном случае они хотят ослабить веские указания «Русского Слова», а меня, открыто выступавшего в этом деле исключительно в защиту интересов населения, поставить в положение заинтересованного лица. Когда для достижения собственных корыстных интересов хотят затемнить истину, есть только один путь – путь неправды; этим путем и пошли гг. Классон и Буссе, директора Общества 1886 года.

Они просто присоединили меня к своему конкуренту – Товариществу потребителей электрической энергии, которое, одновременно с Обществом, ведет с земством переговоры и этим сильно мешает Обществу осуществить свои широкие замыслы.

Я никакого участия ни в делах, ни в домогательствах обеих конкурирующих сторон не принимаю, а выступил и буду дальше, путем своих публичных докладов, стараться насколько возможно обезвредить концессионные замыслы Общества и спасти от угрожающей [земству] вечной кабалы.

Как техник, я не могу быть против устройства такой грандиозной станции и против утилизации торфа, но Общество хотело осуществить эту концессию захватническим путем и грубо, посчитав другую сторону – земство и городские управления – за неопытных хозяев положения, продолжает домогаться осуществления своих драконовских условий.

Я уже высказал в прессе мое отношение к другим претендентам: я считаю затею кооперативного товарищества за утопию, так как бороться с Обществом возможно лишь при наличии одинаковых технических и финансовых средств. Поэтому я приглашаю представителей Общества оставить путь неправды и открыто защищать свои интересы в присутствии авторитетного общества электротехников и представителей города и земства. <...>

В мае 1913 г. в СМИ проникла информация о попытках энергетиков договориться с крестьянскими хозяйствами по прокладке линии 70 киловольт вдоль Богородского и Нижегородского шоссе, коли уж не получается с губернскими и уездными властями:

Электрическое общество 1886 г. как-то сразу оборвало переговоры с губернским земством относительно предоставления ему права прокладки электрического кабеля высокого напряжения от богородской электрической станции общества к Москве. Теперь по Москве пошли слухи, что общество втихомолку «объегоривает» крестьянские общества по пути предполагаемого проложения этого кабеля в Москву.

С крестьянами обществу, действительно, легче справиться, чем с общественным самоуправлением. Крестьяне от нужды и такие невыгодные сделки заключают. Но почему молчат те, кому сие «ведать надлежит»?

Еще из «похождений» Общества 1886 года. Общество купило громадное торфяное имение в Богородске и там построило уже станцию. Казалось бы, владельцы торфяных земель должны были насторожиться, зная, кому эти земли в настоящее время нужны. А, между тем, в торговом мире Москвы говорят, что Общество 1886 г. уже скупает новые торфяные болота у станции «Редкино», под Клином. И скупает... за бесценок. («Русское слово», 30 мая)

И опять о боязни «что кто-то заработает больше» и о горячем желании урвать с «монополистов»:

Мы сообщали на днях, что городская управа пытается обязать Электрическое общество 1886 г. делать процентное отчисление в пользу города и с той части дохода общества, которая получается им с загородных абонентов. По договору, городское управление как бы не имеет права предъявлять обществу такое требование, так как в §9 договора говорится только об отчислении с доходов за энергию, отпускаемую в городской черте.

Общество, конечно, не преминет сослаться и на этот параграф. Он кажется таким ясным и таким выгодным для Общества 1886 г. Но юрисконсультский отдел городской управы выдвигает в пользу притязаний города такое соображение, которое вряд ли понравится обществу 1886 года. Дело в следующем.

§1 договора гласит:

«Городское управление дозволяет обществу прокладывать по улицам и площадям Москвы подземные проводы для производства электрического освещения в Москве».

Стало быть, если общество не удовлетворит требования городского управления, то последнее вправе будет настаивать на запрещении обществу иметь в Москве свои кабели для надобностей абонентов вне Москвы. Пусть тогда Общество 1886 года строит, если желает, загородные электрические станции для каждого освещаемого им поселка особо. («Русское слово», 28 июня)

В августе 1913-го ряд газет опубликовал заманчивую рекламу Общества 1886 года:
Вниманию гг. квартирантов.

Общество электрического освещения 1886 года доводит до сведения своих московских абонентов, что им, кроме существующего расчета за энергию по счетчику с ежемесячной уплатой денег по счетам, введены для освещения квартир до 5 комнат новые условия пользования электрической энергией.

Квартира до 4 комнат – потребитель за электрическую энергию уплачивает 24 руб. в год.

Квартира в 5 комнат – потребитель уплачивает за электрическую энергию 30 руб. в год.

Примечание. Освещение кухни, ватер-клозета, передней, ванной входит в счет указанной оптовой платы. Если потребление электрической энергии в квартирах до 4 комнат превысит 1 200 гектов. час. в год, а в квартирах до 5 комнат – 1 500 гектов. час. в год, то потребитель за все количество энергии, потребленной сверх 1 200 или 1 500 гектоуатт-часов, уплачивает по [\[льготному\]](#) тарифу одна копейка за гектоуатт-час.

За прокат счетчика взимается по три рубля в год.

Уплата денег за освещение и прокат счетчика производится потребителем в три срока равными взносами по 9 руб. (до 4 комнат) или 11 руб. (в 5 комнат), причем первый взнос производится при подписании договора, второй – спустя один месяц после первого и третий – спустя один месяц после второго.

Договор заключается на один год, причем потребитель может передать договор, в случае выезда до срока, новому съемщику квартиры. Гербовый взнос на договор – 10 коп.

Заключение договоров производится только в конторе Общества электрического освещения 1886 года: Раушская набережная, с.д. [\[\(собственный дом\)\]](#), отдел условий с абонентами, ежедневно, кроме праздников, от 10 час. утра до 4½ час. дня (по субботам до 1-го сентября до 2-х час. дня).

Примечание. Означенный способ расчета не применяется для съемщиков квартир в шесть и более комнат и для квартир, занятых под торговые помещения или конторы.

Новый способ расчета за энергию позволяет потребителям, не увеличивая расхода на освещение, пользоваться электрическим освещением в более широком размере.

СМИ преподносили эту инициативу по-разному:

В виду распубликования Обществом электрического освещения 1886 года новых оснований для расчетов со своими абонентами городская управа намерена произвести расследование, насколько новые расчеты отвечают интересам населения. («Русские Ведомости»)

Вчера [\[\(22 августа\)\]](#) городской инженер П.П. Александров, заведующий отделом освещения, произвел обследование выгодности для абонентов Электрического общества нового способа оптовой оплаты электрической энергии для освещения небольших квартир в 4 и 5 комнат. П.П. Александров застал в конторе Общества электрического освещения громадный наплыв публики.

Большинство владельцев мелких квартир, очевидно, признало новый способ расчета за электрическую энергию чрезвычайно выгодным для себя и поспешило переделать контракты с Обществом. («Утро России»)

Вчера [\[\(27 августа\)\]](#) городская управа получила от местной дирекции Электрического общества 1886 года официальное ходатайство о возобновлении с обществом переговоров относительно тех вопросов, по которым не было достигнуто соглашения весной.

<...> В последнее время в газетах появились публикации о льготных условиях для абонентов по освещению квартир на определенную сумму – 24-30 рублей. Делая об этом публикацию, т.е. так или иначе изменяя тариф, Общество 1886 года предприняло это начинание за личный свой страх: городскому управлению никаких представлений сделано не было. А между тем, по основному договору, всякие изменения тарифа должны проводиться не иначе, как с ведома города. Наконец, в самые условия нового способа расчета с абонентами включены такие положения, которые ведут к развитию основного договора между городом и обществом не в пользу абонентов. Расширяются права общества по лишению [задолжавших] абонентов энергии. В основном договоре это право общества ограничено. <...> («Русское Слово»).

В октябре 1913-го первый конкурент Общества 1886 года сделал второй шаг в «реализации» своей концессии (исходным шагом было внесение 1,1 миллиона рублей в кассу московского городского управления в качестве залога):

Вчера [(7 октября)] на берегу реки Москвы, по [Б.] Тульской ул., где приобретен участок земли для сооружения центральной станции электрического освещения бельгийском анонимным Обществом, совершено было молебствие по случаю начала подготовительных работ к закладке станции.

Больше каких-либо конкретных шагов в осуществлении проекта бельгийцы и представители их интересов господин Файн так и не предприняли. «Утро России» еще в сентябре того же года так прокомментировало это «концессионное предприятие»:

Бутафорская концессия. В течение [прошедшей] зимы нам неоднократно приходилось указывать, что пресловутая концессия г. Файна есть не что иное, как особого рода прием по отношению к конкуренту, что серьезных намерений, равно как и денег, у г. Файна нет. Вчера все это официально подтвердилось.

Г. Файн, вернувшийся якобы от «анонимных бельгийцев», просил продлить ему срок постройки центральной электрической станции. Неунывающий концессионер придумал даже весьма недурной исход для своей безденежной предпринимательской энергии: он намеревается сейчас же приступить к прокладке кабелей, опираясь на то, что по договору с Об-вом 1886 г. оставляется за городом выгодное право прокладки даже параллельных кабелей с кабелями Об-ва. Г. Файн и рассчитывает, что город в силу этого договора будет отпускать энергию со своей станции г. Файну, а он в свою очередь – перепродавать абонентам. Комбинация! Да уж не лучше ли г. Файну обратиться прямо к дирекции Электрического о-ва 1886г.? Скорее кончится вся эта бутафория...

Что касается пресловутого Товарищества потребителей электрической энергии и его представителя господина Вагина, то они больше не появлялись на страницах газет...

В ноябре 1913-го бельгийские концессионеры попытались в очередной раз охмурить московское самоуправление, а заодно лягнуть своего конкурента:

Анонимное о-во центральных электрических станций

Вчера представители Анонимного об-ва центральных электрических станций, гг. Файн и Резцов передали и.д. городского головы В.Д. Брянскому для представления в думу следующее ходатайство.

«В виду того, что некоторым организациям и лицам из чувства самосохранения невыгодно допустить, чтобы в Москве был проведен в жизнь осветительный тариф ниже всех существующих тарифов для освещения больших городов Европы и в виду того, что эти организации и лица с помощью прессы и своих агентов постарались убедить финансовые круги Европы в совершенной убыточности наших тарифов для акционеров, мы не могли воспользоваться обычным путем образования основного капитала для нашего московского осветительного предприятия, т.е. путем предварительной подписки в широких кругах общества.

Наилучшим и достаточным опровержением неправильного утверждения наших конкурентов будет применение наших тарифов на практике. Несомненно, что скорое введение в жизнь нашего договора представляет большие выгоды для населения г. Москвы. Поэтому мы позволяем себе обратиться в городскую думу с просьбой оказать нам некоторую, так сказать, моральную поддержку, ибо объем договора сохраняется, цели, преследуемые думой, осуществляются, для нас же достигается только наибольшая планомерность и целесообразность в трате денежных средств.

Ходатайство наше заключается в том, чтобы городское управление разрешило нам отсрочить постройку станций, причем кабельная сеть будет нами построена в срок согласно договору. Собственно говоря, нужна не самая станция, присоединенная к нашей сети, а угроза, чтобы перевести 70% освещения с тарифа Об-ва 1886 г. на наш тариф, т.е. дать населению экономию в 1 милл. рублей в год.

Само же городское управление только выиграет, если мы построим станцию позднее, так как ко времени перехода к городу она будет новее и лучше.

В заключение ходатайства Анонимное Об-во центральных электрических станций просит:

1) отсрочить ему постройку станции на 7 лет, причем постройку станции в этот срок оно гарантирует всем своим имуществом, договорными правами и устраиваемой кабельной сетью;

2) разрешить теперь же постройку кабельной сети протяжением в 150 верст;

3) разрешить пользоваться током с городской электрической станции по установленным в настоящее время ценам с надбавкой заранее обусловленной прибыли по эксплуатации сети;

4) залог, по мере осуществления предприятия, возвратить в следующие сроки – 500 000 руб. по прокладке половины кабельной сети и 500 000 руб. по окончании прокладки остальной части сети, остальные 100 000 рублей остаются в кассе городской управы.

Если же Дума не найдет возможным разрешить пользование током с городской электрической станции, то Об-во просит отсрочить ему лишь постройку станции полной мощности (12 000 киловатт) на 7 лет, разрешив в настоящее время постройку станции мощностью в 6 000 киловатт, что, по мнению Об-ва, вполне достаточно для возможных его абонентов и для того, чтобы перевести абонентов Об-ва 1886 г. в районе действия Анонимного об-ва на тариф последнего». («Коммерсант», 2 ноября)

В январе 1914-го попытки охмурить городские власти и лягание «московских немцев» возобновились:

Вчера явился в Москву из Бельгии главный рычаг файновского предприятия г. Пипер. Г. Пипер был у исполняющего должность городского головы В.Д. Брянского и горячо уверял, что деньги на прокладку кабеля есть. И добавил: «Но станции выстроить не можем. Ничего не сделать с той силой, какою является немецкий банк, стоящий за спиной Электрического об-ва 1886 года».

По словам г. Пипера, если городское управление согласится на новые предложения г. Файна, т.е. будет продавать своему новому концессионеру электрическую энергию с городской [Трамвайной] станции, тогда файновские бельгийцы одолеют своих врагов на денежном рынке, и все будет прекрасно. («Голос Москвы», 17 января)

В феврале 1914-го появилась сенсационная информация – Общество 1886 года вознамерилось возводить третью станцию мощностью 30 000 киловатт, в расчете на повышенный спрос абонентов Первопрестольной, причем на торфе!

Вот что сообщал об этом «Коммерсант»:

Обществу электрического освещения 1886 г. разрешена постройка новой электрической станции. Новая станция предназначена почти исключительно для фабрик и заводов, которым Об-во будет отпускать двигательную электрическую силу. С перестройкой же Окружной жел. дороги в электрическую дорогу о-во с новой станции будет давать энергию и для движения этой дороги.

Постройка новой станции будет производиться на земле дер. Фили, по берегу Москвы-реки. На приобретенном участке земли, стоимостью в 250 000 руб., Об-во предполагает соорудить набережную длиною в 60 пог. саж., постройка которой обойдется в 100 000 руб. На участке станционной земли предполагается провести железнодорожные линии, самый участок будет соединен с Окружной жел. дор. веткой, общей погонной длины около 2,2 верст.

При станции будет находиться склад торфа, постройка и оборудование которого будет стоить 175 000 руб. <...> Общая стоимость постройки новой станции, вместе с трубопроводными работами, оборудованием механических мастерских и со всеми другими расходами составит 4 700 000 рублей.

А вот как обострилась ситуация, из-за «монополизма и экспансии» Общества 1886 г., в чинно-благородной, казалось бы, научно-технической деятельности Общества Электротехников в том же феврале:

Милостивый Государь г. Председатель!

Мы покорнейше просим вас, к порядку дня сегодняшнего заседания, огласить следующее наше заявление:

На сегодня, 24 февраля, назначен доклад П.И. Авцына по вопросу, касающемуся Общества Электрического Освещения 1886 г. и Общества «Электротрансдача».

Несомненно, что каждый член Общества [\[Электротехников\]](#) имеет право публично обсуждать деятельность наших предприятий и выступать в защиту интересов населения, если ему кажется, что таковые подвергаются опасности.

Необходимо, однако, чтобы таковые выступления не носили характер односторонний, и чтобы Обществу, деятельность которого критикуется, была предоставлена возможность в том же собрании и при том же составе выступить со своими возражениями и опровергать те утверждения, которые кажутся ему неверными. Для этой цели необходимо предварительное ознакомление с докладом; в особенности это необходимо по отношению к докладам г. Авцына, не всегда отличающимся объективностью изложения, как это было, например, в прошлом году.

Г. Авцын читал тогда доклад о Богородской районной станции, цифровой материал которого не соответствовал действительности. Представить исчерпывающие возражения на этот доклад не было никакой возможности, так как пришлось бы его весь целиком повторить, заменяя всюду одни цифры другими. Сделать это экспромтом, цитируя на память ряд цифр, конечно, невозможно.

Поэтому мы настаиваем на том, чтобы Общество Электротехников поставило обе стороны в равные условия, т.е. чтобы по прочтении доклада П.И. Авцына были прочитаны письменные наши возражения. Возражать [\[же\]](#) без предварительного ознакомления с докладом П.И. Авцына не считаем возможным.

Это законное наше желание было изложено Совету Общества Электротехников. Совет обратился к г. Авцыну с просьбой дать доклад для предварительного ознакомления, но встретил отказ.

Полагая, что всестороннее освещение вопроса в интересах Общества Электротехников, мы надеемся, что Общество Электротехников согласится с нами и предложит г. Авцыну прочесть свой доклад через несколько дней, дав его для ознакомления тем, на которых он собирается нападать.

*Р. Классон, и за Э. Буссе – Р. Классон, Г. Кржижановский,
В. Старков, А. Ольшванг, В. Кирпичников, Б. Крылов,
Г. Копп, А. Швальбах, Н. Зауэр, А. Голиков*

Однако тогдашний председатель Общества Электротехников Н.И. Сушкин на поводу у «некоторых членов» этого самого общества не пошел и доклад, разоблачающий монополизм Общества 1886 г., был прочитан в обозначенный день... В дискуссии, последовавшей за сим докладом, г-н Авцын пел дифирамбы г-ну Ржевскому:

Выставленные мною положения вытекают из моих предшествующих сообщений по этому вопросу, и я доволен, что они, как это подтвердил В.А. Ржевский, нашли себе отклик в земских кругах, а именно срок [концессии] на 60 лет; право выкупа станции, процентное отчисление с дохода и проч., и я рад, что земское дело поставлено на правильный путь и находится в надежных руках. Если же пойти за [критиковавшим меня] И.Я. Перельманом, то этих результатов мы не достигли бы.

<...> Еще раз позволю себе высказать мою искреннюю признательность уважаемому В.А. Ржевскому за его отношение к земскому делу.

Концессия усилиями г-на Ржевского и подобных ему «экспертов» блистательно провалилась, и Московское губернское земство не получило ни гроша прямых отчислений от деятельности «Электропередачи».

После вышеупомянутой дискуссии противники сделали ставку уже на эпистолярный жанр и «обменялись любезностями» на страницах «Бюллетеней Общества Электротехников», опубликовавших нижеследующие «письма в редакцию»:

В Общество Электротехников

Устройство первой большой областной станции в России обществом «Электропередача» около г. Богородска для снабжения электрической энергией части Московской и Владимирской губерний представляет настолько крупное техническое и общественно-промышленное значение, что вполне понятно, что это дело вызывает в обществах и печати целый ряд докладов, обсуждений и споров; что интересы предпринимателей, земства и населения сталкиваются, притираются друг к другу и оцупью завязываются в общий узел-договор.

Т.к. в Об-ве Электротехников, благодаря докладу П.И. Авцына, возбудился интерес и обмен мнениями по общественно-промышленному значению предприятия (к сожалению, скажу в скобках, не было доклада, возбудившего интерес к технической стороне этого дела), а Бюллетени открыли свои страницы для всех желающих высказаться, то прошу Редакцию не отказать мне высказать сомнения и, может быть, непонимание по поводу некоторых положений, дебатиремых по поводу заключения договора, и просить читателей, для которых эти положения ясны, своим ответом помочь мне в них разобраться.

Предприниматель скупил ряд торфяных болот, устроил электрическую станцию для снабжения окружающего района электрической энергией и просит земство разрешить проложить свои линии электропередачи по земским и находящимся у земства в аренде дорогам. Это последнее обстоятельство поставило на обсуждение, при выработке договора и рассмотрении вопроса в обществах и печати, ряд вопросов. Разрешать пользоваться дорогами опасно, т.к. банки, влияя на общество «Электропередача», снабжающее энергией фабрики и заводы целого района, могут влиять на промышленность и рабочих, могут покровительствовать одним и давить других.

«Электропередача» до расширения мощности

Разрешать пользоваться всеми дорогами нельзя, т.к. мощность станции и торфяных болот мала и ее не хватит, чтобы удовлетворить всю потребность губернии, а поэтому нельзя предоставлять обществу «Электропередача» права доставлять энергию, кому оно найдет для себя выгодным, а надо, обязав доставлять всем, и сократить район, сообразно мощности станции.

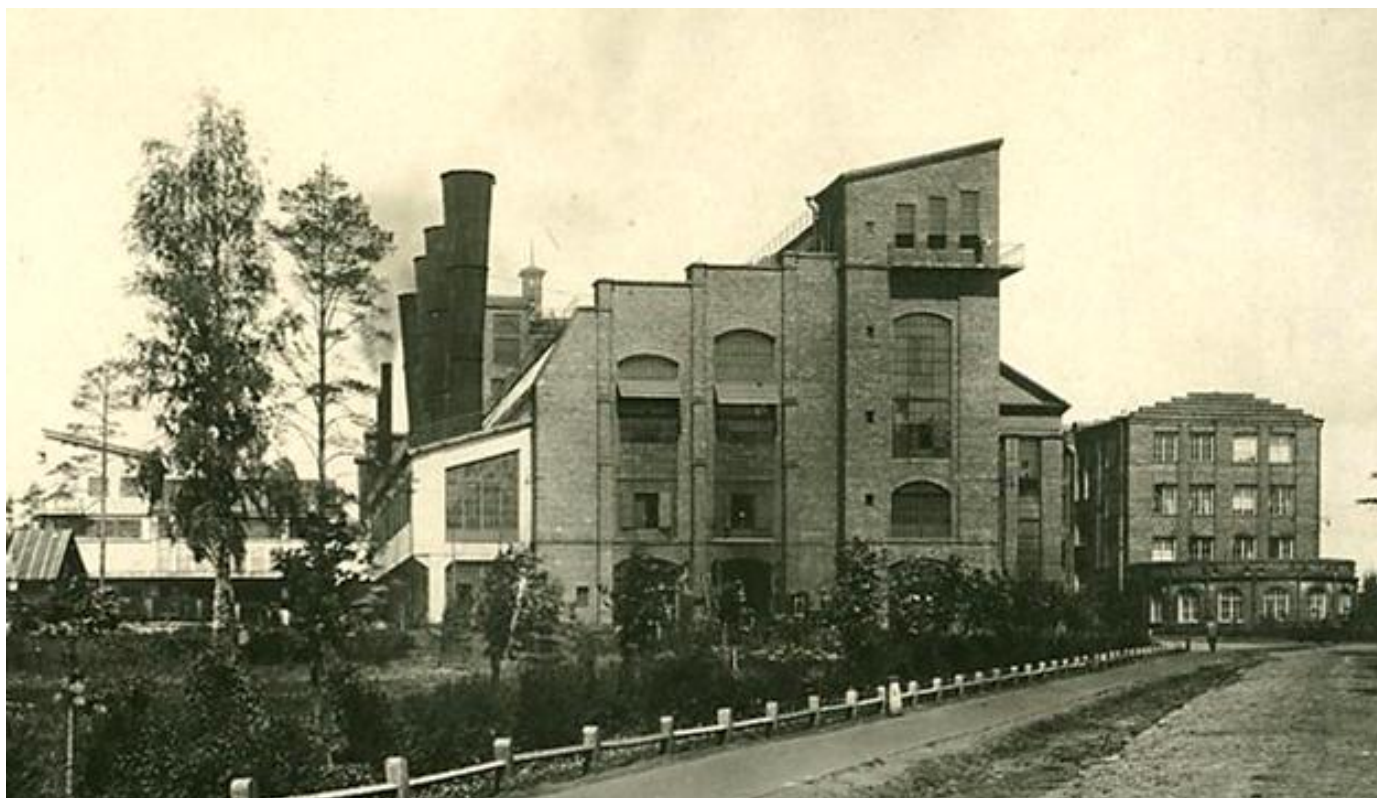
Нельзя давать разрешения пользоваться дорогами исключительно этому обществу, т.е. – монопольных прав, т.к. иначе будет исключена конкуренция и не будет реальных средств регулировать и уменьшать цены на энергию.

За право пользования дорогами в пользу земства предприниматель должен платить ежегодно некоторый % с суммы, полученной за отпущенную энергию, причем % [платежа] с энергии для освещения выше, а с энергии для технических целей ниже.

Кроме того, предприниматель за то же право должен бесплатно передать земству акций на сумму 5% от основного капитала, а через 60 лет все предприятие, со всеми сооружениями (и пустым болотом), переходит бесплатно в пользу земства. Необходимо строго указать максимальные тарифы и этим оградить население и промышленность от чрезмерной эксплуатации их предпринимателем и ввести как бы элемент [социальной] справедливости.

Вот почти все главные вопросы, возникающие при обсуждении взаимоотношений предпринимателя (общество «Электропередача») и земства, берущего на себя защиту интересов населения района.

Указывая, что снабжение района электрической энергией желательно и благотворительно для его процветания, все же указывается, что это снабжение может сделаться кабалой для населения и породить много несчастий, почему земство должно выработать и принять лишь такой договор, [в котором] разрешить пользоваться своими и не своими (арендными) дорогами, только забронировав население от всех несчастий, связанных с передачей электропередачи в руки предпринимателя.

Обновленная станция «в профиль», 1929 г.
(фото с сайта www.mosenergo-museum.ru)

Вот, прежде всего, для меня и не ясны эти ужасы и опасения для населения, которое несет с собою по проводам электричество.

<...> По «Электропередаче» ставится вопрос – когда кончится концессия или кончатся болота или остановится почему-либо станция – потребители, фабрики, заводы станут чуть ли не в безвыходное положение и понесут убытки, и надо их от этого оградить.

Но как земство могло оградить те же фабрики и заводы от вздорожания нефти и необходимости перестройки котельных на твердое топливо? Только каждый потребитель может себя оградить, учитывая, какое топливо, какую форму энергии ему выгоднее и надежнее брать. А земству остается лишь как можно более способствовать созданию конкуренции и призывать к жизни больше предпринимателей.

Это же обстоятельство требует помощи земства, при которой всячески облегчается разным предпринимателям создание однородных передач, а если является боязнь их [картельного] соглашения, то [оно вполне] устраивать свои станции и конкурировать с предпринимателями, а не выговаривать себе возможно большей доли в прибылях, т.к. при этом уменьшается чистая прибыль предпринимателя и новому предпринимателю уже, может быть, и не выгодно будет конкурировать.

Вид станции со стороны котельного отделения, 1929 г.
(фото с сайта www.mosenergo-museum.ru)

<...> Казалось бы вполне справедливым, если бы земство ограничилось за даваемое им право пользоваться своими дорогами для электропередачи только следующим:

- 1) взиманием ежегодно по среднему расстоянию от станции и выработанному количеству торфа соответствующего шоссейного сбора, как будто бы этот торф перевозился на лошадях,
- 2) обязательством не нарушать имущественных интересов третьих лиц,
- 3) обязательством переноски линии электропередачи в другое место, если и дорога переносится в другое место,
- 4) обязательством принятия мер, чтобы электропередача не нарушала действия телефонов, телеграфов и т.п.,
- 5) обязательством свои линии вести так, чтобы и конкуренты могли так же пройти со своими линиями, при затратах на них соответственно не больших.

Мне кажется, что это вполне справедливый эквивалент за те права, которые может предоставить земство. Ведь и права эти далеко не неотъемлемы, дороги принадлежат правительству и *[находятся]* лишь в аренде у земства. Кроме того, для меня совершенно не ясно, какой материальный ущерб несет земство, предоставляя свои дороги для электропередач? А весь вопрос представляется мне в таком виде.

Предприниматель хочет устроить электропередачу, для чего ему надо воспользоваться дорогами необычным образом и для этого просить позволения у земства — таким образом, у земства является право и возможность разрешить ему или нет, но так как предприниматель хочет вложить капитал и, очевидно, нажиться, то почему бы ему не заплатить за согласие и чем больше, тем лучше.

Предел платы определяется той суммой, после которой уже предприниматель отказывается от желания пользоваться дорогами необычным образом.

Мне кажется, что это максимальное обложение выгодно для земства, т.к. право уступлено по высокой оценке, выгодно для предпринимателя, т.к. гарантирует его от конкурентов, для которых этот предел должен быть выше, но не выгодно населению, т.к. только конкуренция регулирует цены, а не максимальный тариф, а конкуренция фактически будет сделана невозможной.

Но если весь вопрос сводится к простой торговле, то зачем же к ней пристегивают длинные разговоры о разных жупелах, о вычислении разных процентов и т.п.?

Член Общества Электротехников [Р.Э. Классон]

Мы уже упоминали о злобствовавшем в отношении «немецкого» Общества 1886 г. «Русском Слове», публикации в нем явно ложной информации о массовой скупке торфяных болот и о неприглядной роли во всем этом «общественного деятеля» В.А. Ржевского. Этот сюжет вылился в перепалку между этим деятелем и Р.Э. Классоном на страницах Бюллетеней Общества электротехников.

Итак, после доклада П.А. Авцына в феврале 1914-го “по вопросу, касающемуся Общества Электрического Освещения 1886 г. и Общества «Электропередача»” и участия в последовавшей затем дискуссии упомянутого В.А. Ржевского «Русское Слово» опубликовало следующую мутную информацию под заглавием «Иностранный синдикат/ в Московской Владимирской и Тверской губерниях». Оно ничтоже сумняшеся утверждало:

Фабриканты и заводчики Московского района, по крайней мере, таких трех промышленных губерний, как Московская, Владимирская и Тверская, накануне серьезной опасности. Богородское общество «Электропередача», купив огромный участок в несколько тысяч десятин богатейших торфяных земель и построив колоссальную электрическую станцию, продолжает скупку торфяных угодий.

Этот факт сам по себе представляет серьезную угрозу промышленности Московской и отчасти Владимирской губерний, куда мечтает протянуть свою кабельную сеть богородское общество «Электропередача». Оказаться в руках такого монополиста – не шутка. Но не только в этом опасность. Из самых достоверных источников теперь стало известно, что иностранный банк, финансирующий общество «Электропередача» и Общество 1886 г., участвует в иностранном же банковском синдикате, решившем собрать в своих руках все торфяные земли Центрального промышленного района России. Все те отдельные случаи продажи торфяных имений, которые произошли за последние два года, как теперь оказывается, вовсе не были явлениями, так сказать, разрозненного характера.

Скупка торфяных имений производилась по определенному плану, и уже в данный момент огромное количество торфяных земель принадлежит синдикату. Как ни странно, но близорукость промышленников Центрального района дошла до того, что были случаи, когда сами владельцы промышленных предприятий, не разрабатывавшие сами торфа, продавали принадлежавшие им торфяные земли тому же синдикату.

Теперь на очереди постройка новой грандиозной электрической станции, в пределах Тверской губернии, в помощь станции общества «Электропередача». На промышленность Центрального московского района накладывается такая же сеть, из которой выбрать будет невозможно. Приводят характерный пример.

Крупнейший цементный завод Центрального района финансируется одним из банков, входящих в синдикат. И вот, когда другой большой цементный завод решил воспользоваться услугами богородской станции общества «Электропередача», ему поставили такие условия, разумеется под давлением синдиката, опекающего богородское общество, что завод должен был отказаться от тока богородской станции. Зато цементный завод, финансируемый синдикатом, получит ток по сходной цене и на всегда будет защищен от конкуренции своего опасного в настоящее время соперника.

Р.Э. Классон немедленно возбудился и накатал в Бюллетени Общества электротехников решительное опровержение:

Заявление в 24-е Общее Собрание Электротехников

24 февраля с.г., после доклада г. Авцына, во время прений, г. Ржевским в категорической форме было высказано утверждение, что Общество Электрического Освещения 1886 г. и Общество «Электропередача» скупили все торфяные болота поблизости Москвы, при этом он указал на чрезвычайную опасность, грозящую промышленности от этой, якобы, уже совершившейся концентрации торфяных залежей в руках монополистов.

Как результат тлетворного влияния монопольного положения этих Обществ им указывалось на пример двух цементных заводов, из которых одному Общество покровительствует, благодаря банковым связям, а другой завод губит, назначив высокие тарифы.

Через несколько дней в «Русском Слове», от 27 февраля, то же самое утверждение и в тех же самых выражениях появилось [[в статье](#)] под заглавием «Иностранный синдикат». Значение этого категорического заявления в устах консультанта Губернского Земства по вопросу об электрофикации Московской губернии становится особенно ясным, если принять во внимание, что запугивание предстоящей монополизацией и «закабалением» промышленности было инсценировано почти накануне заседания Финансовой Комиссии Губернского Земства, которое должно было окончательно решить вопрос о заключении договора с Обществом «Электропередача».

Если бы эти два Общества скупили все торфяные болота в окрестностях Москвы, то в этом не было бы ничего преступного, так как всякому предоставлено право покупать любое количество болот, но недопустимо в ученом обществе оперировать непроверенными сенсационными сообщениями.

От имени обоих Обществ я категорически заявляю, что сказанное в упомянутой речи г. Ржевского и в статье «Иностранный синдикат», являющейся точным воспроизведением этой речи, совершенно не соответствует действительности. Я утверждаю, что за исключением двух болот, а именно: Богородского и Тверского, ни Общество «Электропередача», ни Общество 1886 года не скупили и не арендовали ни одной пяди торфяных залежей.

После появления в «Русском Слове» статьи «Иностранный синдикат» Общество 1886 года послало в эту газету официальное опровержение, и газета обещала напечатать опровержение через три дня, дав его для ответа автору статьи. Это было вполне корректно, так как в заявлении мы просили автора статьи указать хотя бы одно болото, скупленное или арендованное нами. Но ни через три дня, ни позже, несмотря на неоднократные напоминания, автор статьи не смог ответить, и до сих пор опровержение не напечатано.

Так как это опровержение является прямым ответом на слова г. Ржевского, произнесенные на собрании Общества Электротехников, 24 февраля, то я привожу его здесь и прошу напечатать вместе с прилагаемым письмом [[в редакцию газеты «Русское Слово»](#)] в Бюллетенях.

Но, может быть, г. Ржевский был введен в заблуждение неверными сведениями, тогда корректность требует, чтобы он в том же Обществе [Электротехников], где он выступил со своей речью, немедленно по выяснении заблуждения сделал соответствующее заявление. Поступило ли в Общество такое заявление?

Если нет, и в сегодняшнем такое заявление тоже не будет сделано, то я предоставляю Обществу Электротехников судить о характере приемов, к которым прибегают наши противники.

Москва, 24 марта 1914 г.

Р. Классон

Было отправлено опровержение и в «желтую прессу», которая его, естественно, не напечатала:

Копия

В редакцию газеты «Русское Слово»

Милостивый Государь!

В №27 «Русского Слова» напечатана статья, под названием «Иностранный синдикат».

В этой статье указывается, что Общество «Электропередача» и Общество 1886 г., при участии иностранного синдиката, скупил все торфяные болота центрально-промышленного района России и, благодаря этой скупке, промышленности этого района грозит опасность.

Общество «Электропередача» купило, как известно, одно болото в Богородском уезде и другое в Тверской губ. Кроме этих двух болот ни Общество «Электропередача», ни Общество 1886 г., ни финансирующие их банки, ни сами, ни через третьих лиц не приобретали ни пяди торфяных залежей.

Мы просили бы назвать, кроме указанных болот, еще хотя бы одно какое-либо из числа тех, о которых говорится с такой уверенностью, как о перешедших в наши руки.

История с цементными заводами, из которых одному Общество «Электропередача» покровительствует, а другое старается погубить, не соответствует действительности, так как Общество «Электропередача» до сих пор еще не имеет в числе своих абонентов ни одного цементного завода и по сей день оно даже и не вело переговоров ни с одним из цементных заводов по поводу доставки электрической энергии.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности, Общество электрического освещения 1886 г.

Москва, 6 марта 1914 г.

Э. Буссе, Р. Классон

Однако В.А. Ржевского не так-то просто было припереть к стенке и заставить признать-ся в своих ложных измышлениях. Его «достойный ответ» не замедлил последовать:

В Общество Электротехников

Ознакомившись с содержанием «Заявления в 24-е Общее Собрание Электротехников» госп. Классона, я вынужден заявить, что оно совершенно не соответствует действительности.

Выступая в заседании Об-ва Электротехников 24 февраля, после доклада П.И. Авцына, я имел целью, во-первых, исправить некоторые мелкие неточности, вкравшиеся в доклад вследствие незнания автором его результатов последнего заседания Финансовой Комиссии Губернского Земства, во-вторых, вызвать обмен мнений по общему, имеющему громадное значение вопросу о том, какое влияние будет иметь на развитие промышленности в Московской губ. устройство проектируемой районной станции и насколько при этом являются обеспеченными интересы населения Московской губ.

С этой целью я вкратце изложил весь ход переговоров Московского Губернского Земства с Обществом Электрического Освещения и высказал подробно те соображения и опасения, которые имеются у Губернского Земства. Они могут быть сведены к двум главнейшим.

Первое – это возможность для Об-ва влиять на развитие отдельных отраслей промышленности в интересах не населения, а тех банков и промышленных кругов, с которыми Об-во связано. Для пояснения этой мысли мною было взято цементное производство, которое, как известно, синдицировано. Я высказал предположение, что Общество Электрического Освещения может предложить новому, возникающему заводу такие условия пользования электрической энергией, что [это] лишит его возможности конкурировать с существующими заводами.

Приводил я и другие примеры подобного рода, но всякий раз в виде предположений. Да и не мог я приводить их как факты уже по тому одному, что договор с Губернским Земством Обществом еще не заключен и станция еще, насколько мне известно, не закончена постройкой, и, следовательно, Об-во не могло открыть свои действия.

Второе опасение Губернского Земства состоит в том, что Об-во Электрического Освещения, не пользуясь по договору правом монополии, фактически будет монопольным и, скупив большую часть крупных торфяных болот, обеспечит себя от появления конкурента. На эту мысль меня наводило упорное и настойчивое домогательство Об-ва предоставить ему право прокладки проводов не только по тем дорогам, которые находятся в настоящее время в заведовании Губернского Земства, но так же и по тем, которые перейдут в такое заведование в течение действия договора.

Невольно бросалось в глаза, что район, захватываемый Об-вом, совершенно не соответствует мощности проектируемой вблизи гор. Богородска станции. При этом я сказал, что Общество, по слухам, заслуживающим доверия, приступило к скупке торфяных болот.

Госп. Классон в заявлении говорит, что Об-вом куплено еще только одно болото в Тверской губ., а о том, имеются ли в виду Об-вом покупки других болот, скромно умалчивает. Я не знаю, с какой целью куплено Об-вом это болото в Тверской губ., но не сомневаюсь в том, что не с той, чтобы торф, выработанный на этом болоте, возить на Богородскую станцию.

Все эти соображения были высказаны мной в Финансовой Комиссии в присутствии представителя Об-ва инженера Ульмана. Возможность их опровергнута не была. От инженера Ульмана мы слышали только уверение в том, что Об-во Электрического Освещения такими целями не задается; ни доказательств тому, ни каких-либо гарантий со стороны Об-ва до сих пор не дано.

Госп. Классон в заключительной части своего заявления, сопоставляя мои слова и статью в «Русском Слове», довольно прозрачно намекает на то, что я автор этой статьи. Смее уверить госп. Классона, что я не писал не только этой статьи, но и вообще ни одного слова по данному вопросу ни в одной газете.

Бывает, к сожалению, что в своих интересах понимают чужие слова в определенном смысле, что приписывают другому мысли, которые он не высказывал. Госп. Классон этим приемом не ограничивается; он идет гораздо дальше...

Так, он называет меня консультантом Губернского Земства. Госп. Классон не мог не знать, что консультантом Губернского Земства состоит инженер Б.И. Угримов, а не я, что я просто гласный Московского Губернского Земства и по просьбе Губернского Собрания принимаю участие по этому вопросу в Финансовой Комиссии на правах ее члена.

Я утверждаю, что г. Классон не мог этого не знать не только от представителя Об-ва Электрического Освещения инженера Ульмана, неоднократно приглашавшегося в заседания Финансовой Комиссии и Губернской Управы.

Далее госп. Классон в своем заявлении пишет: «запугивание предстоящей монополизацией и закабалением промышленности было инсценировано почти накануне заседания Финансовой Комиссии Губернского Земства, которое должно было окончательно решить вопрос о заключении договора с Обществом «Электропередача».

Последнее заседание Финансовой Комиссии Губернского Земства, посвященное этому вопросу, было 23-го февраля, а заседание Об-ва Электротехников – 24-го февраля. Насколько мне известно, слово «накануне», хотя бы и с прибавкой «почти», употребляется в ином значении.

Петербург, 3 апреля 1914 г.

В. Ржевский

Самое забавное, на наш взгляд, в «достойном ответе» «простого гласного» Московского губернского земства г-на Ржевского это то, что он для аргументации своей позиции «защитника интересов простого народа» использовал весьма сомнительный пассаж: «по слухам, заслуживающим доверия». Вот на эдаких шатких основаниях вершилась политическая экономия в одной, отдельно взятой губернии Российской Империи!

Оставляем вдумчивому читателю сделать свои выводы. По нашим предположениям, журналист-аноним «Русского слова» (изредка под публикациями в адрес «немецкого» монополиста появлялась подпись некоего К. Даниленко, а чаще совсем уже «анонима» К.Д.) записал устные высказывания В.А. Ржевского и опубликовал их, опять-таки без ссылки на него, но с использованием такой смутной информации, как «из самых достоверных источников». На самом деле таковыми были измышления этого земского деятеля-«патриота». Вот по таким незамысловатым рецептам век назад СМИ ваяли «развесистые клюквы»...

Кстати, справочник «Вся Москва» за 1915 год указывал, что Константин Матвеевич Даниленко, сотрудник «Русского слова», был князем. Если это действительно так, то как же деградировал сей княжеский род! Что касается «анонима» К.Д., то «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова указывает на того же К.М. Даниленко, печатавшегося в «Русском слове» с 1904 по 1915 годы.

В марте 1914-го «Коммерсант» опубликовал подборку интервью по поводу перспектив конкуренции двух производителей электроэнергии: старого и нового, так называемой концессии господина Файна (Бельгийское электрическое общество). Мы приведем мнения Роберта Эдуардовича и еще одного инженера:

Р.Э. Классон (директор Об-ва элект. освещ. 1886 г.)

Нам Файн ничего, кроме пользы, не принес. Благодаря Файну развилась такая интенсивная и огромная по своим размерам работа, которую несет сейчас наше общество. В смысле выгоды потребителя мы пошли на все уступки. Разве может теперь быть речь о каком-либо тарифе для городских жителей свыше 2,4 коп. за гектоуатт час.

Правда, Файн обещает 1,8 коп. и даже 1,6 коп. за тот же гектоуатт, но, во-первых, этот тариф распространится только на центральную часть города, для которой лишних ½ коп. за гектоуатт час не принесет разорения – окраины будут платить выше 2 коп, а, во-вторых, этот тариф вряд ли будет выгоден для самого Файна.

*В конкуренции с Файном наше общество далеко не пойдет. С существующего тарифа, при известных комбинациях, мы сможем скинуть еще 0,4 коп, но 20 коп. за килоуатт-час, это – как раз те 8% прибыли на затраченный нами капитал, без которых мы не можем вести дело. 8% для нас – это *conditio sine qua non* [(непременное условие)], и прибыли свыше этой нормы мы не ищем.*

Теперь, опасен ли Файн Обществу электрического освещения 1886 года, как конкурент? Нет, пожалуй, не опасен! Мы Файна не боимся.

Я.Ф. Каган-Шабшай (инженер-консульт., владелец технич. бюро)

Концессия Файна мне не представляется делом серьезным. Допустим, что город и Файн дружелюбно делят между собой роли – город выступит в качестве производителя энергии, Файн [(не построив своей электростанции)] – в качестве перепродавца той же энергии. Большинство расходов [по]несет Файн: по оборудованию кабельной сети, по ремонту ее, по содержанию служащих и т.д. И за все это в конце концов он получит энергию по сравнительно дорогой цене, а именно: по 3½ коп. за килоуатт-час, так как себестоимость последнего обойдется городу не менее 2½ коп.

Не надо забывать, что Файн приходит вторым. Общество электрического освещения 1886 года уже успело завоевать себе обширный круг клиентов, путем порой значительной против нормы, установленной для рядовых потребителей электричества, скидки с цены.

Главнейшими потребителями электрической энергии являются все-таки фабрики. Завоевывая рынок, Общество 1886 года в смысле расценки пошло на значительные уступки, отпуская энергию для некоторых предприятий всего по 4 коп. за килоуатт-час. Тот же город электричество для освещения улиц получает по 4 коп. за килоуатт-час. Но Общество 1886 года может себе позволить такую уступку, так как оно само же и вырабатывает энергию. Коммерческое равновесие, таким образом, не нарушается.

Как в данном случае поступит Файн? Система снабжения крупных и мелких потребителей по разным, в зависимости от потребления, ставкам вряд ли ему будет доступна, так как он сам получит энергию только по 2½ коп за килоуатт-час. И, таким образом, обслуживание фабричных предприятий все равно останется в руках Общества 1886 года. Файн обещает обывателю 1,89 коп. за гектоуатт-час. Несомненно, как увидим дальше, он может или вынужден понизить со временем и эту цену, но в понижении ставок он может дойти, таким образом, до расценки, который может оказаться неприемлемым для города. Это с одной стороны. С другой – конкурент Файна – Общество 1886 года в настоящее время прилагает все усилия войти в Файновский тариф. На 1915-16 годы общество предполагает понизить тариф [для обывателя] с 2,4 до 2 коп. за гектоуатт-час.

Я не знаю, может быть между городом и Файном имеются какие-либо тайные соглашения, но в настоящее время концессия приняла довольно странный оборот. Получается так, что в качестве конкурента с Обществом 1886 года, в смысле выработки энергии, выступает сам город.

А в смысле распределения его на рынке г. Файн, покупающий с этой целью энергию у города, т.е. [он] является в сущности посредником города по продаже электричества, но посредником, в руках которого находится тарификация этой энергии.

Исходя из этих соображений я прихожу к определенному выводу, что дело с концессией Файна – дело не серьезное. Скорее в данном случае налицо временная комбинация наживы – выгодны организация предприятия, выпуск акций и т.д.

В последнем случае сильно потеряет опять-таки город. Опыт показал, что ни одна концессия, как бы заведомо невыгодна она ни была, не страдает отсутствием своих покровителей и не умирает. Не умрет таким образом и предприятие Файна, так как, если даже при определившихся систематических убытках Файн вынужден будет ликвидировать дело, его должен будет продолжать сам город, хотя бы вследствие нравственной обязанности перед потребителями.

Р.Э. Классон (в центре) на «Электропередаче»
(фото с сайта www.mosenergo-museum.ru)

В апреле 1914-го переговорный процесс зашел в тупик:

Переговоры [[Московского губернского](#)] земства с Обществом 1886 г. о заключении концессионного договора еще не закончились.

<...> Не ожидая разрешения вопроса о проведении электрических кабелей в Москве, общество желает открыть эксплуатацию своей станции для окрестных фабричных районов. Для этого обществу нужно пересечь своими проводами: Нижегородское шоссе – на 24, 71 и 73-й верстах, Богородское шоссе – около Богородска и Павлово-посадское шоссе – в деревне Кузнецы. Возбуждая это ходатайство, общество обязуется поставить столбы вне полосы отчуждения этих шоссе.

Управа полагает, что земство может разрешить устройство воздушных проводов на шоссе, но при условии если общество представит разрешение на это или от Министерства путей сообщения, если будут пересекаться казенные шоссе, или от владельцев прилегающих к шоссе земель, если будут пересекаться земские шоссе.

Дело в том, что на воздушное пространство над шоссеиной полосой имеют права собственники земли в данной местности, то есть в настоящем случае – либо путейское ведомство, либо частные владельцы.

При существовании воздушных электрических проводов земству придется усилить свой технологический надзор в местах пересечения ими шоссе. Возможно, что земство потеряет доходы от аренды тех участков в резерве шоссе, где будут стоять столбы общества. По этим основаниям управа считает справедливым предложить обществу уплачивать земству за каждое пересечение шоссе по 100 р. ежегодно и, кроме того, на излишние расходы по техническому надзору – 1 200 руб. [суммарно со всех пересечений.] Последняя сумма в дальнейшем, при увеличении количества пересечений, может быть повышена («Русское слово»).

Вчера [(24 апреля)] открылась очередная сессия губернского земского собрания. В собрание, по вопросу о договоре с Обществом электрического освещения 1886 г., внесено сообщение Об-ва следующего содержания:

«Ознакомившись с докладом финансовой комиссии о договоре, правление Общества пришло к тому выводу, что вследствие новизны дела районных станций в России еще не пришло время для той широкой постановки вопроса о снабжении электрической энергией всей Московской губернии, которую принял договор, и потому Об-во решило пока ограничиться эксплуатацией только своей Богородской станции и обслуживанием соответствующего района, откладывая вопрос о снабжении всей Московской губернии до более благоприятного времени».

Из этой бумаги усматривается, что Об-во электрического освещения 1886 г. отказывается от заключения договора, составленного финансовой комиссией губернского земства, и собранию остается или изменить проект договора или прекратить дальнейшие переговоры с Об-вом. Во вчерашнем заседании вопрос этот не был решен («Коммерсант»).

Заслушано было сообщение об отказе Электрического общества 1886 г. войти в соглашение с губернским земством. <...> Вся вина, по мнению [члена губернской земской управы] М.А. Нарожницкого в том, что договор не заключен, падает всецело на Общество 1886 г.

Высказался по этому поводу и [московский губернский предводитель дворянства] А.Д. Самарин. Он указал, что с отказом Общества 1886 г. от вступления в соглашение с губернским земством особенно много потерял Богородский уезд. Электрическое общество вступило в соглашение с частными владельцами, по владениям которых оно надеется своими проводами добраться до Москвы.

Оно прокладывает свои кабели через землю Богородско-Глуховской Морозовской мануфактуры, а гор. Богородск, которому Электрическое общество раньше предлагало большие выгоды, остался без электрического освещения. В конце концов, сообщение об отказе общества было принято земским собранием к сведению.

Затем было рассмотрено ходатайство Электрического общества о разрешении ему пересечения земских шоссе. Вопрос этот передан в финансовую комиссию на заключение («Русское слово»).

А Имперские власти безнадежно опаздывали:

Министерством Внутренних Дел поставлен на очередь вопрос об издании нового закона, регламентирующего передачи электрической энергии на расстояние. Вопрос этот имеет весьма большое значение для промышленности, так как, благодаря высоким ценам на топливо, представляется очень выгодным использовать в промышленных целях помощью электропередач торфяники, или залежи каменного угля низшего качества, или, наконец, силу падения воды.

Между тем, в настоящее время, благодаря отсутствию закона о праве принудительного отчуждения под устройство линий электропередач, передача электрической энергии на расстояние не может получить широкого развития.

В виду этого, при главном управлении почт и телеграфов образована особая междо-ведомственная комиссия для разработки соответствующего законопроекта. Проектируемый закон имеет целью установить за электропередачами государственное или общественное значение и предоставить предпринимателям, желающим осуществить передачу электрической энергии на расстояние, право принудительного отчуждения частновладельческих имуществ, необходимых для устройства линий электропередач. (Торгово-промышленная газета, 10 июня 1914 г.)

После отказа губернского земства предоставить обочину Нижегородского шоссе под прокладку линии от «Электропередачи» Р.Э. Классон, как мы уже видели, пошел на решительный шаг. Поэтому обходная трасса линии 70 000 вольт «Электропередача» – Москва получилась ломаной и более длинной, чем планировалось первоначально.

Она прошла севернее Нижегородского шоссе по землям Богородско-Глуховской мануфактуры, двух десятков крестьянских обществ и Измайловского Зверинца (относившегося к Удельному ведомству, которое управляло всеми имениями Царской фамилии).

Но даже после заключения договоров на аренду участков земские власти пытались «вставлять палки в колеса». Так, в июле 1914-го Богородский уездный съезд отменил решение общества крестьян села Молзино о сдаче в аренду земли под столбы для линии электропередачи Общества 1886 года.

А в декабре 1914-го Московская губернская земская управа, например, предписала обществу «Электропередача» снести столбы, установленные им для освещения деревни Большой Двор на Павловском шоссе. Отголосок этой борьбы был телеграфно и технически малограмотно отражен СМИ в апреле 1915-го:

Крестьяне села Большой Двор, Богородского уезда, обратились к Московскому Губернатору с просьбой понудить губернскую земскую управу к сохранению на земском шоссе столбов с проводами акционерного Общества «Электропередача», так как в случае снятия этих столбов Общество прекращает подачу в село электрической энергии, которой бесплатно пользовались крестьяне за предоставление «Электропередаче» права прокладки электрического кабеля и по их надельной земле.

То есть для губернских «народных слуг» расправа с ненавистным противником была так важна, что они закрывали глаза на такую «мелочь» как отлучение крестьян от электричества!

Летом 1914-го Роберт Эдуардович, в сопровождении Евгении Николаевны Виноградовой, поехал за границу: по служебным делам и на лечение. В Дании он познакомился с «наливным» способом добычи торфа и заказал для «Электропередачи» опытные машины под внедрение этого способа. Побывал на Балтийской выставке в Мальме (Швеция).

В Берлине Р.Э. Классон заказал четыре мощных турбогенератора для Московской и Петербургской станций «Общества 1886 г.». Однако эти заказы так и не были выполнены из-за начавшейся в июле Первой мировой войны. Она застала его (вместе с Евгенией Николаевной) в отпуске в Швейцарии, под Люцерном.

После того как он выяснил, что Турция еще нейтральна, то вернулся в Москву морским путем, из Генуи через Дарданеллы и Босфор и Одессу (2 августа был заключен германо-турецкий союзный договор, а 10 августа в Дарданеллы уже вошли германские корабли).

Газета «Коммерсант» сообщала 12 августа 1914 г.: «Директор [\[Общества 1886 г.\]](#) Р.Э. Классон на днях возвратился из-за границы, откуда он ехал кружным путем через Малую Азию и Черное море, пропутешествовав таким порядком 22 дня».

Открытка, посланная Р.Э. Классоном 2 августа н. ст. 1914 г. из Генуи

Сохранилась открытка с прекрасным видом приморской Генуи, которую Р.Э. Классон отправил детям из-за границы 2 августа (по-видимому, нового стиля) из той же Генуи:

Ну, дети, я застрял! Вчера уехал последним поездом из Швейцарии, сегодня уже не ходят поезда. Отсюда выход мне через Константинополь или Гибралтар на Стокгольм. Первое вероятнее. Очень обидно, что нет известий, телеграммы никуда не идут. Очень тяжелые времена мы переживаем. Целую всех, будьте здоровы. Ваш папа

По-видимому, как раз к этим «тяжелым временам» относятся и два письма 17-летней Татьяны Классон, отдыхавшей с сестрой Софьей на Рижском взморье. Первое – брату Ивану (который, скорее всего, находился на «Электропередаче»):

Ассерн, 19 июля [1914 г.]

Милый Ваня, Сегодня я получила пересланное тобой (или Бренером, не знаю кем) извещение курсов, что требуется разрешение родителей. Значит надо, чтобы папа мне оное прислал. Я написала папе и посылаю это письмо тебе. Если ты знаешь, где сейчас папа (я не знаю, да и останется ли он за границей, если будет война?), то вложи письмо мое в конверт, напиши адрес и пошли. И, пожалуйста, сделай это, как только получишь мое письмо. Мне тоже напиши, где папа. Но я не хочу ждать от тебя письма с адресом, это будет дольше, чем если я пошлю тебе письмо к папе, и ты его сейчас же перешлешь. Так вот, пожалуйста, сделай это. Писать тебе длинное письмо я не намерена, т.к. от тебя, свиненка, конечно, не дождешься за все лето письма. Но уж, пожалуйста, исполни мое поручение, это очень нужно. Ну, а если ты не знаешь, где сейчас папа, перешли ему письмо, как только получишь его адрес, и напиши мне об этом. Несколько строк ты, я надеюсь, в состоянии написать?

Здесь только и слышно разговоров, что о войне. Все с газетами в руках, и разговоры все вертятся около войны. Есть и умные разговоры, так что поучаешься, а за столом, за которым мы едим, говорят все глупости. Серьезно обсуждают вопрос о том, не будут ли обстреливать Рижское взморье, сможем ли мы уехать и не заберут ли нас в плен и т.д. Газеты получают на второй день.

Мы получаем «Русское Слово» по почте. На станции газеты покупают нарасхват. Билетов прямого сообщения до Москвы сейчас не дают, надо ехать с пересадкой в Риге, и вообще расписание изменено. Через неделю будет другое расписание, а пока ничего не известно.

Дети *[(младшие)]* аккуратно сообщают о твоих подвигах на охоте. Что-то не слишком блестяще. Почему? До свидания, Таня

И второе письмо – отцу:

Милый папа!

Ничего не знаем о тебе, т.е. знаем, что ты поехал в Швейцарию, но не знаем, где ты там поселился. Если будет война, ты, наверно, вернешься в Россию?

Милый папа, я посылаю это письмо Ване с тем, чтобы он переслал его тебе, если знает, где ты сейчас. Оказывается, что на курсах требуется еще разрешение родителя. Так вот, пожалуйста, напиши, что разрешаешь дочери своей, etc. и пришли мне, я пошлю это как добавление к уже поданному прошению. Адрес наш ты ведь знаешь? Рига, Ассерн, Пансион Рейнфельд. Погода теперь стоит ясная и не жаркая, очень хорошо.

Настроение здесь сейчас страшно напряженное, ждут войны. До этого времени никого нельзя было встретить с газетой, а теперь их разбирают нарасхват. Вчера я два раза бегала на станцию узнавать, нет ли новых известий.

Сейчас старое расписание поездов отменено, а новое будет через неделю, вероятно. Билеты прямого сообщения не выдаются. Здесь, в Ассерне еще довольно спокойно, а в Эдинбурге в один день уехало из одного пансиона 35 чел.*

По-видимому, последнее письмо И.Р. Классон так и не переслал (а куда было пересылать-то?), оно осталось у него в бумагах, и поэтому оба документа сохранились для истории (в ф. 9508 РГАЭ).

С начала войны члены правлений Общества 1886 г. и «Электропередачи», а также директора и уполномоченные – австрийские и германские подданные – были отстранены от своих должностей. В ф. 9508 РГАЭ хранится ксерокопия выписки из протокола заседания правления АО «Электропередача» от 13/26 августа 1914 г. (она – ксерокопия была сделана тогдашней сотрудницей музея Мосэнерго Марьей Семеновной Абрамовой, по-видимому в Музее истории Москвы, и любезно предоставлена автору):

Присутствовали:

Председатель Правления Ф.Э. Плеске

Члены “ Р.Э. Классон

<...> 5. Об устройстве и содержании лазарета для приема раненых – ассигновать до 2 000 рублей на оборудование лазарета при больнице на 25 коек и содержание его принять на счет Общества в размере до 1 500 рублей в месяц.

6. О выдаче доверенностей В.В. Старкову и Г.М. Кржижановскому – выдать доверенности В.В. Старкову и Г.М. Кржижановскому, согласно которым они могут действовать совместно один с другим или с одним из членов Правления.

7. Об участии Членов Правления Австрийского и Германского подданства в делах Общества – считать со дня объявления войны Членов Правления Э. Гейнеман, Ю. Брейль, Г. Брюниг, Э. Буссе, а также и К. Цандер устраненными от участия в делах Общества.

8. Об увольнении из Общества служащих и рабочих Австрийского и Германского подданства – уволить таковых служащих и рабочих со службы. (ЦГИАМ, ф. 793 оп. 1, д. 94)

---

* Ассерн (соврем. название – Асари) и Эдинбург (Дзинтари) – курорты на Рижском взморье.

Как известно, Германия 19 июля объявила России войну, на российской стороне выступили Франция и Англия. 20 июля в Зимнем дворце Николай II поклялся на Евангелии и иконе вести войну до тех пор, пока ни одного неприятеля не останется на русской земле. Клятву свою, кстати, Николай II нарушит, отрекшись от звания самодержца в феврале 1917-го.

Однако и тут «Русское слово» подвергло сомнению эффективность разумного шага московского отделения Общества 1886 года:

До начала войны в московском отделении на службе состояли 11 человек австрийских и германских подданных, и в том числе директор-распорядитель г. Буссе и доверенные гг. Генце и Кёниг. 1 августа правление распорядилось доверенных и директора «устранить от участия в делах общества», а остальных 8 иностранцев уволить.

В окончательном виде комиссия [(образованная главноначальствующим г. Москвы госп. Адриановым)] делает вывод, что хотя германские и австрийские подданные устранены от службы, полной уверенности все-таки в том, что в будущем влияние иностранцев не возродится, у нас нет.

Не исключена возможность, по мнению комиссии, и такого оборота дела, при котором деятельность Общества, помимо воли существующей администрации, встанет в противоречие с интересами России и, в частности, с интересами Москвы.

Казалось бы, управленцы обоих обществ сделали все возможное, чтобы отвести от себя упреки в потакании австрийцам-германцам. А власти, буде они мудрыми, могли бы незамедлительно ввести в правления Общества 1886 года и «Электропередачи» своего представителя с правом вето, наложить запрет на переводы в Берлин части дивидендов, в общем, показать себя неустанно пекущимися о благе подданных и суровыми по отношению к супостату.

Однако подобные шаги вводились, как мы увидим ниже, с большим запозданием и далеко не в полной мере. Но расследование причин такого «робкого поведения» властей, понятное дело, выходит за рамки нашего повествования.

Во исполнение решения правления компании руководить Раушской станцией и «Электропередачей» стали только русские инженеры (пусть некоторые – и с нерусскими фамилиями): Р.Э. Классон, В.В. Старков, Г.М. Кржижановский, А.В. Винтер, В.Д. Кирпичников и другие.

В августе-сентябре СМИ (кроме, разумеется, «Русского слова»), еще публиковали такие благожелательные «информашки» о социальной благотворительности «монополиста» в связи с войной:

Общество электрического освещения 1886 года изъявило согласие взять за подачу электрической энергии в земские лазареты, занятые ранеными воинами, плату в размере 1 коп. за гектоватт-час.

Общество электрического освещения 1886 года понизило тариф на электрическую энергию [с 2,5 коп.] на 1 коп. за гектоватт-час для всех городских госпиталей, где находятся на излечении раненые воины.

Общество электрического освещения 1886 года предоставило городу помещение для раненых на 100 кроватей с полным оборудованием и содержанием.

Общество электрического освещения 1886 года оборудовало и открыло лазарет на 100 кроватей, устраивается второй лазарет на 25 коек.

В то же время постепенно разворачивалась кампания травли «немцев». Московская городская управа потребовала вообще ликвидировать Общество 1886 г. Его Московское отделение в ноябре 1914-го представило записку председателю Московской городской думы и всем гласным с объяснениями по поводу возводимых на него обвинений.

Однако последние направили в Министерство торговли и промышленности свою записку о положении дел «для представления в инстанции, имеющие решать возбужденное Думой ходатайство о ликвидации дел Общества».

«Коммерсант» в августе давал объективную информацию:

Как известно, Об-во электрического освещения 1886 года субсидируется германскими банками. В силу этого военные действия между Россией и Германией не могли не отразиться в неблагоприятном смысле. Все новые сооружения и значительные расширения деятельности Об-ва, производившиеся исключительно за счет средств, поступавших для этой цели из Германии, в настоящее время общество вынуждено прекратить. Так, приостановлено сооружение нового семиэтажного здания для конторы; здание доведено только до третьего этажа.

Однако, в обычную деятельность общества война не внесла никакого изменения. Все нормальные работы производятся обычным порядком за счет сумм, получаемых обществом от своих операций в России. Наблюдается задержка в прокладке новых кабелей, но это вызвано исключительно положением кабельных заводов, оставшихся без свинца и резины и вследствие этого сразу повысивших цены в несколько раз.

И даже по этим, чрезвычайно высоким ценам получить кабели удастся не всегда. В поставке счетчиков задержки не встречается, т.к. перед самой войной их получена весьма крупная партия.

В об-ве «Электропередача», эксплуатирующем электрическую станцию на торфяных болотах близ Богородска, работы идут вполне нормальным порядком. Некоторая заминка, происшедшая вследствие большого числа призванных [на войну] рабочих и служащих, в настоящее время совершенно улажена.

В Об-ве 1886 года, между прочим, вынужден был, на основании постановления правления, оставить должность директор г. Буссе, как германский подданный. Директор Р.Э. Классон на днях возвратился из-за границы, откуда он ехал кружным путем через Малую Азию и Черное море, пропутешествовав таким порядком 22 дня.

В том же месяце «Коммерсант» разоблачил вранье другого СМИ:

Начавшаяся война и возмутительное поведение германцев по отношению к подданным государств, состоящих в войне с Германией, вызвали вполне понятное негодование во всех слоях русского общества и некоторое озлобление против германцев, находящихся в Москве.

Но в этом негодовании некоторые газеты не знают удержу и подчас легкомысленно обрушиваются на фирмы, ни в чем не прегрешившие против русского общества и ничем не задевшие его патриотических чувств. Так, «Вечерние Известия» обрушились вчера [(11 августа)] на Об-во электрического освещения 1886 года, обвиняя его в том, что оно выдает полные оклады военнопленным из своих служащих [(германских подданных)], в то время как русские запасные обеспечены хуже. Мы имеем документальные данные того, чтоб заявить, что все сообщение «Вечерних Известий» фактически неверно.

Все призванные на действительную службу служащие и рабочие Об-ва электрического освещения 1886 года и так же об-ва «Электропередача» сохраняют места за собой на все время военных действий, причем холостые за все это время будут получать 25% нормального своего оклада, а семейные – до 50%. За всеми служащими остаются занимаемые ими квартиры и все пособия и вспомоществования, имеющие широкое распространение в Об-ве, в полном размере.

Таким образом, Об-во электрического освещения 1886 года не только не хуже, но лучше, чем многие предприятия, обеспечило семьи призванных рабочих и служащих.

Что же касается германских подданных, которым якобы выдается полное содержание, то таковых в Московском отделении было всего 5-6 человек; все они, еще до объявления их военнопленными, по распоряжению главного, Петербургского правления общества уволены, причем в числе покинувших службу находится и один из директоров Московского отделения г. Буссе. Никаких пособий уволенным не выдается: места их считаются свободными.

Вообще, нужно заметить, что связь Об-ва электрического освещения 1886 года с Берлином чисто формальная; Об-во, в сущности, превратилось уже в русское акционерное предприятие. Последний десятиmillionный выпуск акций его почти целиком размещен в России и держателями акций Об-ва являются многие русские фирмы, и ни малейшего упрека в германофильстве Об-во не заслужило.

В августе «Электропередача» обратилась к Обществу 1886 года с просьбой о займе в 175 тысяч рублей для окончания работ по соединению двух станций. Эти работы велись ускоренно из-за опасений, что зимой из-за перебоев с перевозками нефти Раушской станции может не хватить топлива. Материнское АО предоставило заем своей «дочке», причем 80% от запрошенной суммы было получено у цюрихского Электробанка.

В 1915-м и само Общество 1886 года получило кредит в 575 тысяч рублей у образованного с разрешения Министра финансов консорциума швейцарских и российских банков.

Для ввода энергии от «Электропередачи» в Москву был использован Металлический завод Гужона (переименованный впоследствии в Московский металлический, а при большевиках – в «Серп и молот»). Это предприятие, находившееся тогда за чертой города, уже получало питание от кабельной сети 6 000 вольт Раушской станции.

К нему протянули кабель от ранее построенной подстанции 70 000/6 000 вольт в Измайловском Зверинце. Таким образом, в октябре 1914-го были объединены на подобие параллельной работы Раушская станция и «Электропередача», создав тем самым ядро будущего Мосэнерго. Городские власти узнали об этом почему-то лишь в мае 1915-го:

Инженером Луценко, прикомандированным городской управой для наблюдения за работой предприятий Общества 1886 г., определен расход электрической энергии с городской станции этого общества на основании отчета турбогенераторов и распределительных щитов. Выяснилось, что за время с 29-го сентября по 9-е ноября [1914 г.] количество тока динамо-машины, подающей энергию и для завода Гужона, уменьшилось на 20% сравнительно с обычными размерами.

Это приводит городскую управу к убеждению, что 20% тока поставлялось за указанное время в сеть с богородской станции Общества «Электропередача».

Приведем здесь попутно эпизод, который возникнет еще не раз в «линии жизни» Р.Э. Классона. Из уже цитировавшихся воспоминаний Ф.А. Рязанова:

Поразил меня следующий случай. Близ ввода высоковольтной воздушной линии на [Измайловскую] подстанцию стояла большая красивая сосна, которая по проекту не подлежала удалению, но вызывала опасение в возможности замыкания проводов при сильном ветре. Зная, что Р.Э. Классон очень любил природу и не терпел, чтобы без достаточных оснований губили деревья, доложили ему об этом, и он приехал на подстанцию специально для разрешения этого вопроса.

Правда, о судьбе красивой сосны Федор Алексеевич забыл сообщить.

Далее молодой инженер, ему было всего 24 года, описывал, как он попал под напряжение 6 киловольт. Он, слава Богу, остался жив, хотя и был без сознания минут 20 – возможно от падения с бетонной перегородки на пол и болевого шока (высокое напряжение обожгло ему пальцы на руке и ноге – местах соединения человеческого тела с электрической цепью и «землей»):

*Историческое здание подстанции в Измайловском парке
(ранее Измайловский Зверинец, площадь оконного остекления
сокращена примерно вчетверо, лето)*

Оказалось, что в ячейке масляного выключателя было напряжение от Москвы, а мне сказали перед этим, что ток был выключен. Об этом случае я никому не говорил, чтобы не испортить свою репутацию электрика. Лишь спустя двенадцать лет, когда я уже был заведующим первой московской электростанцией, я рассказал об этом А.А. Сафонцеву.

Все-таки угроза попадания под напряжение других работников, в будущем, из-за ненадежной системы оповещения и выставления предупредительных табличек на рубильниках (впоследствии при работах на электрических установках стали ставить защитное заземление, чтобы надежно оградить монтажный и ремонтный персонал от этой опасности), была существенно значимее «порчи репутации энергетика». Если бы Р.Э. Классон узнал об этом случае, он наверняка поднял бы на ноги весь персонал, докопался бы до сути эксцесса и внес бы в правила эксплуатации электроустановок дополнительные пункты!

*Историческое здание подстанции в Измайловском парке
(теперь от Электрогорска к нему подходят современные ЛЭП
напряжением 110 киловольт, зима)*

В ноябре 1914-го в «злоствовавшей печати» появилась такая заметка против энергетиков:

<...> И раньше не было большим секретом, что Общество 1886 г., одноименное с таким же германским Обществом, – не русское, что лишь «тело» его в России, «душа» же – далеко за русскими пределами. Общество и не очень старалось это скрывать. Напротив, многократно обнаруживало истинный свой характер.

Не раз, когда представителям Москвы приходилось вступать в какие-нибудь переговоры с представителями «1886 г.», эти последние, прежде чем дать ответ, откровенно заявляли: «Нужно раньше запросить Берлин». И на завтра показывали берлинскую телеграмму с указаниями, как в данном случае поступить.

Указания выполнялись московскими агентами Общества неукоснительно, как идущие от органа, облеченного непререкаемым авторитетом власти. В Берлине были мозг и воля московского Общества, хотя формально его правление находилось, как того требует устав, в Петрограде.

Война с Германией побудила повнимательнее приглядеться к этим взаимоотношениям между московским Обществом, его петроградским правлением и берлинской организацией и выяснить меру административной и финансовой зависимости от Берлина.

— И оказалось, — говорил мне один из московских гласных, занимавшийся этим вопросом, — что и московское Общество, и его петроградское правление — только какие-то фикции, маска, слабо прикрывающая берлинский лик.

Московская администрация Общества как будто подчинена петроградскому правлению. Но только как будто, только в вопросах и делах второстепенного значения. Во всем же существенном, как утверждают, она подчиняется Берлину, и до самого начала войны находилась с ним в постоянных сношениях. И Берлин не раз распоряжался московским Обществом, даже не соблюдая формы, совершенно минуя петроградское правление. Бывали случаи, что Берлин сам назначал в Москву служащих, конечно, германских подданных, притом — на наиболее ответственные должности.

Когда московское Общество строило новый дом на Раушской набережной, руководство постройкой взял всецело в свои руки Берлин, который даже и фасад сам выбрал; а берлинский архитектор, как это, говорят, установлено со всей несомненностью, был полным распорядителем постройки, давал все указания и начертания.

Утверждают, что теперь установлен целый ряд фактов, показывающих, что «мозг» был там, и язык Общества был во многих случаях немецкий. На нем велась часть делопроизводства, писались отчеты, он был языком статистики Общества.

Еще значительно была зависимость в отношении финансовом. Эта зависимость сказывалась, между прочим, и в том, что, когда поднимался вопрос об увеличении капитала Общества, вопрос этот получал разрешение не иначе, как в Берлине.

Там созывались представители различных банков, преимущественно — германских, и там принимались те или иные решения: определялся размер выпуска акций, они распределялись по банкам и т.д. Лишь недавно, в текущем году, было произведено увеличение акционерного капитала на 10 милл. руб. И из этих 10-ти милл. на долю русских банков пришлось лишь полмиллиона, вся остальная сумма была размещена в Германии и Швейцарии.

Эти суммы, предназначавшиеся для развития московского Общества, главным образом — на новые строительные работы, так и не дошли до Москвы; они застряли в Германии, переданы в «Deutsche Bank». Германия сосредоточивала в ту пору денежные средства для войны с Россией. Не получили ли собранные миллионы такого же назначения? — спрашивают некоторые гласные.

А к этому, — замечают далее, — присоединяется и новое тревожащее предположение: у Общества и сейчас могут быть какие-нибудь косвенные пути для перевода в Берлин, в его, не предусматриваемый уставом, центральный орган текущих поступлений.

Наконец, высказываются среди интересующихся вопросом опасения, как бы «центральный орган» не совершил с имуществом московского Общества каких-либо операций для экстренного получения денежных средств, — не совершил залога этого имущества или чего-нибудь еще в таком же роде. Конечно, все это — только догадки, но и они делают и усиливают в разбирающих вопрос элемент тревоги.

Указывают, что «германская природа» отчетливо выступает и в характере распределения акций московского Общества между держателями их. На последнем общем собрании акционеров, бывшем месяца за два до войны, из представленных акций на долю России пришлось около 1½ процента или же и того меньше, так что влияние русских акционеров на ход дел в Обществе сводилось почти к нулю.

Вершителем судеб Общества был акционер заграничный, преимущественно германский. Таковы в общих чертах соображения, выдвинувшие вопрос, как быть с Обществом 1886 г., как парализовать ту опасность, которая заключена в его положении как Общества, управляемого из Германии. <...>.

Приведем здесь попутно опровержения насчет «сумм, застрявших в Германии» и безапелляционного утверждения некоего журналиста, укрывшегося за псевдонимом «Неизвестный», о том, что изворотливые немцы попросту переслали в Берлин 10 миллионов русских рублей! («Московские ведомости», 15 декабря 1915 г.)

Этот вопрос разбирала знаменитая записка «Записка швейцарских акционеров» (см. ниже):

За последние семь лет – 1907-1913 годы общее превышение поступлений над расходами по петроградскому отделению равнялось 9 157 281 руб. 46 коп., но в то же время на новые сооружения затрачено 12 250 000 руб. По московскому отделению из суммы 17 847 020 руб. превышения поступлений над расходами затрачено на новые сооружения 17 337 000 руб. Всего за это время, таким образом, затрачено вновь на устройство станций в Петрограде и Москве 29 587 000 руб. Из этой суммы 75% пошли на уплату непосредственно русским предприятиям и рабочим за материалы и за работы и около 5% этой суммы составили пошлины и фрахты».

И далее:

Положение это не было изменено и последним выпуском акций на нарицательную сумму 10 000 000 руб., произведенным весной 1914 г. Подобно прежним выпускам это увеличение основного капитала имело целью прежде всего служить источником для покрытия полученных раньше Обществом авансов и сделанных им долгов поставщикам различных материалов.

Выпуск этот, согласно закону, был сделан на условиях, одобренных правительством.

Из общей суммы в 10 330 012 р. 25 коп., причитавшихся Обществу от реализации последнего выпуска, еще до начала войны, т.е. до 19-го июля 1914 г., Обществом уже было уплачено своим кредиторам 7 086 271 руб. 51 коп. Эта сумма, следовательно, почти полностью была затрачена уже ранее на новые сооружения.

Затем 24 июля, т.е. уже после объявления войны, 1 000 000 руб. был переведен из Берлина чрез Русский для внешней торговли банк в Петроград правлению Общества. Таким образом, на счету Deutsche Bank, вопреки утверждению противников Общества, осталось не 10 000 000 руб., а только 2 247 340 руб. 74 коп. В то же время Общество по прежним операциям еще состоит должным консорциуму банков с Deutsche Bank во главе 3 945 877 руб. 22 коп.

Следовательно, Общество в настоящее время не только не хранит свободных средств в иностранном кредитном установлении, но еще состоит должным последнему около 1 700 000 руб. («Русские ведомости», 21 февраля 1915 г.)

А по итоговым данным Р.Э. Классона, приведенным в его докладной записке «В Госплан» от 11 апреля 1922 г., с 1910-го по 1915 г. включительно дивиденды Общества 1886 г. составили 19 миллионов рублей, в то же время в расширение было вложено (в Московскую и Петербургскую станции, по «Электропередаче» – счет отдельный) 33 миллиона рублей.

С учетом того, что около четверти средств расходовалось на импортное оборудование, в Россию «немцы-швейцарцы» вложили 25 миллионов рублей. То есть к 19 миллионам рублей дивидендов они вынуждены были добавить еще и своих «кровных» 6 миллионов. Как уже отмечалось, русский капитал даже при 6% годовых дивидендов на такие траты не шел.

В январе 1915-го власти наконец-то стали разбираться с «Синдикатом»:

Сенатор И.Е. Ильяшенко открыл занятия образованного при министерстве юстиции по предложению председателя совета министров И.Л. Горемыкина особое совещание для обсуждения возбужденного московской городской Думой вопроса о секвестре всего принадлежащего в городе Москве Обществу электрического освещения 1886 года предприятия. <...> Заседание открылось докладом записки московского городского главы и извлечения из отчета особой комиссии, образованной московским градоначальником для ревизии предприятий Общества 1886 года. Затем произошел обмен мнений по существу возбужденного московской городской Думой вопроса.

Прения приняли страстный характер, мнения резко разделились. Одни находили, что вопрос о секвестре Общества 1886 года необходимо связать с вопросом о секвестре вообще всех германских и австрийских предприятий.

Другие доказывали, что проведение такой меры как секвестр Общества 1886 года не только не целесообразно, но и опасно для интересов московских фабрикантов и заводчиков, получающих от этого Общества электричество, связанных с его предприятиями сложными деловыми сношениями – секвестр может нарушить правильную, налаженную деятельность московских промышленных предприятий, внести нежелательные потрясения в местную промышленность, которые неблагоприятно отразятся и на интересах русских потребителей.

Развивая мысль о желательности устранения немецкого влияния в Обществе 1886 года, [ораторы] высказывались за возможность ограничения для достижения этой цели установлением особых правил контроля за деятельностью данного Общества и, наконец, приводили доводы в доказательство того, что секвестр Общества 1886 года вряд ли был бы закономерен с формальной стороны. В результате продолжавшихся затем прений совещание не пришло к реальному выводу.

Было постановлено на голосование предложение, чтобы министерство юстиции взяло на себя труд разработать вопрос о секвестре Общества 1886 года с своей точки зрения и представило свои предположения на обсуждение следующего заседания. Это предложение было принято большинством.

Интересно, как реагировали на это совещание СМИ. «Русское слово», как всегда, злобствовало:

Подробности совещания при Министерстве юстиции под председательством г. Ильяшенко по вопросу о секвестре Общества 1886 г., сделавшиеся известными в Москве со слов вернувшихся из Петрограда участников совещания, произвели в нашей столице сенсацию. Вся Москва вчера говорила о выступлении представителей фабрикантов и заводчиков на этом совещании и особенно о поведении Ю.П. Гужона.

Его неуместная откровенность о личной заинтересованности его самого и крупнейших фабрикантов и заводчиков в вопросе о существовании общества, от которого московские фабриканты и заводчики получают почему-то энергию дешевле других, по видимому, сконфузила многих из московских тузов.

Особенно волнуются представители Московского купеческого общества. Общество это, открывшее энергичную борьбу с немецким и австрийским торговым засилием, разрабатывающее вопрос о мерах и способах этой борьбы, возбуждавшее ходатайства и посылавшее депутацию, – в лице своих виднейших представителей только руками разводит.

– Такой наглой развязности, – говорили нам вчера представители купеческого общества, – мы даже не ожидали. И самое досадное, что московские представители на совещании, разоблачавшие сношения Ю.П. Гужона с Обществом 1886 года, не смогли довести этих разоблачений, очевидно, по незнанию, до конца.

Ведь вся Москва знает, что Ю.П. Гужон в настоящее время вовсе не является собственником принадлежавшего ему ранее Московского металлического завода. Завод этот теперь принадлежит... Вогау.

<...> Чем же объяснить это тяготение к немцам? Объясняется это очень просто. Надо только знать, кто у нас, в России, эти самые «немцы» и «австрийцы». Все это – крупнейшие фабриканты и заводчики. У них большие связи с нашими фабрикантами и заводчиками. Последние не только находятся с ними в тесных дружеских и экономических отношениях, но даже больше – многие немецкие и русские фирмы давно уже взаимно «переженились». А затем не надо забывать, что наши фабриканты и заводчики в большинстве случаев кредитуются – и весьма солидно – именно у немцев.

А «Коммерсант» опубликовал «письмо в защиту Ю.П. Гужона»:

Выступление председателя Общества заводчиков и фабрикантов московского района Ю.П. Гужона в междуведомственном заседании, обсуждавшем вопрос о секвестре предприятий Общества 1886 года вызвало резкие нападки на него в прессе и некоторые проявления недовольства в обществе. Позвольте мне, через посредство вашей уважаемой газеты сказать несколько слов, которые, быть может, прольют новый свет на поступок Ю.П. Гужона и ясно покажут, что в мотивах его не было и не могло быть ничего, дающего пищу упрекам и злословию.

Ю.П. Гужон – лицо достаточно известное промышленной Москве, как председатель Об-ва фабрикантов и заводчик, сам имеющий крупный и хорошо поставленный металлургический завод. О последнем обстоятельстве я упоминаю потому, что выступление Ю.П. Гужона в защиту Общества 1886 года ставилось в связь именно с этим, указывалось на чрезвычайно низкую плату, по которой получает Ю.П. Гужон электрическую энергию для своего завода.

Это факт, не подлежащий никакому сомнению, но я не могу увидеть в этом повода для негодования по адресу Ю.П. Гужона. Если кто и заслуживает здесь порицания, то все те же немцы, которые, учитывая значение Ю.П. Гужона среди промышленной Москвы, сумели и этого безупречного человека опутать своими цепями, оказать поддержку его предприятию в трудную минуту и заставить его принять особо льготные условия снабжения энергией.

Мог ли Ю.П. Гужон поступить иначе, чем он поступил? Я утверждаю, что каждый добросовестный, безукоризненно честный человек, каким является Ю.П. Гужон, говорил бы то же самое. Ю.П. Гужон явился поистине жертвой немецкой ловкости и изворотливости. Будь на его месте другой, более беззастенчивый человек, он быть может и сумел бы забыть о тех серьезных услугах, которые оказали ему немецкие банки при посредстве московских немцев. Чисто галльское благородство не позволило Ю.П. Гужону сделать этого, и он говорил то, что подсказывала ему совесть.

Я глубоко уверен, что для Ю.П. Гужона, как представителя французской нации с одной стороны и русской промышленности – с другой, глубоко тяжела и мучительна была эта необходимость выступить в защиту немцев. Но иначе он не мог...

Этот инцидент – яркий пример для всех: насколько страшна и чревата последствия всякая деловая связь с немецким капиталом. Пусть он послужит уроком и предостережением для всех русских, вынужденных иметь дело с немцами.

Подписано это письмо было – «Почитатель Ю.П. Гужона».

В том же январе 1915-го последовала «мягкая эскапада» Швейцарии:

Швейцарский подданный г. Эдуард Одье представил на днях министру иностранных дел С.Д. Сазонову выписи из протоколов последних общих собраний акционерного электрического Общества 1886 года.

Из выписей этих видно, что большинство акций этого Общества находится в руках следующих банков: швейцарского коммерческого в Базеле, швейцарского кредитного Общества в Цюрихе и банка Леу, также в Цюрихе. К копиям протоколов приложены списки членов правлений перечисленных кредитных учреждений, проживающих исключительно в Швейцарии и состоящих в швейцарском подданстве.

<...> Действуя согласно инструкции, полученной от своего правительства, швейцарский посланник не вступал в переговоры по этому вопросу ни с кем из членов комиссии, ограничиваясь исключительно представлением министру иностранных дел. Несмотря на присоединение петроградской городской Думы к решению, принятому в Москве в смысле ходатайства о секвестре Общества 1886 года, г. Одье предполагает, что в междуведомственной комиссии вопрос может получить иное решение.

Швейцарское правительство не настаивает на пересылке денег из России в Швейцарию до окончания войны и охотно согласится на установление контроля за поступающими суммами, но оно энергично будет протестовать против секвестра, как меры, могущей окончательно приостановить деятельность Общества и отразиться на имущественном состоянии большой группы швейцарских граждан.

Г-н Одье, посланник Швейцарии в России, затем последовательно обошел не одного министра и даже побывал у председателя Совета министров И.Л. Горемыкина.

В феврале 1915-го на четырех полосах (формата А2!) «Русских ведомостей» появилась знаменитая «Записка швейцарских акционеров» (оплаченная, как злобствовали «Московские ведомости», по тройному тарифу). В ней, понятное дело, делался упор на то, что немецкие акционеры «Общества 1886 г.» уже давно не составляют большинства, а таковым стал конгломерат из швейцарских банков. Но для нас здесь представляют интерес следы деятельности Р.Э. Классона. Итак, первый след: Роберт Эдуардович, оказывается, владел 20 акциями «Общества 1886 г.», на 10 000 рублей.

Собственно, это была, по-видимому, минимальная планка для членов правления и директоров-распорядителей, на раннем этапе становления компании. Например, В.В. Старков, перешедший в 1913-м с Трамвайной станции и ставший так же директором-распорядителем, таких акций не имел. Ответная докладная записка московского городского головы об Обществе 1886 г. в Совет министров квалифицировала это владение так:

На долю русского участия в Обществе 1886 г. приходится лишь сумма в 114 тыс. руб., которая и принадлежит как имущественный ценз для 22. членов правления Общества.

И второй след:

В доказательство зависимости от Берлина и германских капиталов самого Общества в лице его петроградского правления противники Общества ссылаются на два письма правления московскому отделению от 11-го апреля и 19-го июля 1914 г. Текст этих писем при сем приложен, и действительное содержание их легко проверить. Между тем смысл их противниками Общества прямо извращается.

Первое из них – письмо от 11-го апреля 1914 г., №1029, прямо говорит о необходимости, ввиду отсутствия свободных средств, задержать некоторые платежи иностранным поставщикам, причем из приложенной к этому письму копии письма правления фирме Сименс-Шуккерт в Берлине видно, что дело шло о задержке крупного платежа именно тому «тресту», от которого будто бы всецело зависит Общество 1886 г.

Вторым письмом, от 19-го июля 1914 г., №2275, правление извещает московское отделение о невозможности, ввиду политических осложнений, произвести платеж двум наиболее крупным поставщикам впредь до получения сумм, вырученных от реализации нового выпуска акций.

Как уже указано было выше, в счет этих сумм 1 000 000 рублей был переведен из Берлина в Петроград через несколько дней – 24-го июля, и тогда соответствующие платежи были произведены.

Таким образом, ни в первом, ни во втором письме, вопреки категорическим заявлениям противников Общества, нет указаний на необходимость задерживать платежи русским фирмам. Письма эти свидетельствуют о противном – о большой осторожности, которую правление проявило по отношению к иностранным фирмам. Но еще ярче они доказывают самостоятельность петроградского правления по отношению к предполагаемому «тресту».

Из самих писем становится известно, что директор-распорядитель московского отделения Р.Э. Классон предлагал петроградскому правлению заплатить фирме Сименс-Шуккерт-Заводы 420 тысяч марок за поставленное ею оборудование. А правление мягко укоряло его за ранее скоропалительно выданное обещание немцам:

Мы просим Вас всем Вашим заграничным поставщикам, так же как и кабельным заводам, никаких обещаний об уплате денег не давать, пока Вы с нами не выясните, имеются ли у нас свободными эти суммы.

И третий след, в связи с набившим оскомину сюжетом об «управлении московским отделением из Берлина»:

Противники Общества 1886 г. утверждают далее, что независимо от национального состава акционеров Общество должно быть признано германским, так оно в действительности управляется не законным правлением своим в Петрограде, а другим, незаконным правлением, находящимся в Берлине. Предположение это могло бы иметь юридическое значение только в том случае, если бы было доказано, что правление Общества в Петрограде существует только фиктивно, говоря точнее – совсем не действует, а представляет только ширму, прикрывающую деятельность другого, внеуставного, правления, находящегося за границей.

Такой порядок управления делами Общества представлялся бы прямым нарушением устава и мог бы быть признан достаточным основанием для прекращения деятельности Общества. Между тем о полной бездеятельности законного правления в Петрограде не говорят и сами противники Общества 1886 года. Напротив, как будет указано ниже, они ссылаются на некоторые весьма важные распоряжения этого правления. Они утверждают только, что московское отделение Общества получало ряд указаний непосредственно из Берлина, помимо петроградского правления.

Это утверждение основано на неправильном истолковании нескольких писем, взятых из переписки между директором-распорядителем московского отделения с двумя членами петроградского правления, гг. Брюниг и Брейль, проживавшими в Берлине. Эти два инженера раньше долго работали в России, были хорошо знакомы с условиями деятельности московской станции, в особенности г. Брюниг, который в свое время строил ее, и могут быть особенно полезны своими техническими познаниями.

Ввиду этого они и после того, как переселились в Берлин, продолжали принимать деятельное участие в разработке технических проектов и в обсуждении некоторых хозяйственных вопросов, возникавших в связи с расширением московской станции. Но эти два лица не могли составить и не составляли чего-либо подобного особому правлению, находящемуся в Берлине. Свои письма, адресованные в Москву, они иногда подписывали от имени Общества 1886 г., но исключительно в качестве представителей петроградского правления его.

А вот и письмо Р.Э. Классона за май 1913-го (как контраргумент):

Обществу электрического освещения 1886 г., Берлин. Сим имею честь сообщить Вам, что я, как было обусловлено, разделяю свой отпуск на две части, причем я первой частью воспользуюсь теперь, с 27-го мая/9-го июня, а вторую часть отпуска проведу после возвращения господина Буссе из его отпуска.

С совершенным почтением

Классон

И четвертый след (в записке швейцарских акционеров) активной и вполне самостоятельной деятельности Роберта Эдуардовича:

Утверждают, что новое здание московской станции было построено берлинским архитектором и согласно указаниям, сделанным из Берлина. На деле берлинский архитектор Мутезиус, личный знакомый г. Брюнига, предложил только свои чертежи для фасада здания, так как он хотел принять участие в предполагавшемся в Москве конкурсе фасадов. Что же касается самого здания, его внутреннего расположения и приспособления к техническим задачам, то оно было произведено всецело согласно сметным предположениям, утвержденным общим собранием акционеров, состоявшимся в Петрограде 24-го апреля 1913 г.

Притом именно при постройке этого здания московское отделение проявило в пределах предоставленных ему полномочий полную самостоятельность по отношению к указаниям, которые делались ему членами правления, проживавшими в Берлине. Последние советовали произвести новую стройку из кирпича; тем не менее московское отделение, руководствуясь местными условиями, предпочло возвести ее из железобетона.

Отметим здесь, что на тот момент здание из нового материала – железобетона оказывалось дешевле кирпичного. И Р.Э. Классон решил сэкономить, но без ущерба для надежности конструкций!

В марте 1915-го появился еще один след бурной деятельности Роберта Эдуардовича. Приведем сначала фрагмент из докладной записки московского головы М.В. Челнокова в Совет министров, посвященной отслеживанию «противоправных действий» монополиста:

Имею честь приложить еще один документ, свидетельствующий, что не только общая деятельность московского отделения направлялась из Берлина, но даже вопросы, касающиеся отдельных абонентов, не могли быть решены без распоряжения из Берлина. Документ этот, хранящийся в делах комиссии, образованной главноначальствующим города Москвы для ревизии и контроля над деятельностью Общества 1886 г., представляет из себя письмо, отправленное из московского отделения по адресу: Берлин, Общество электрического освещения 1886 года.

Антинемецкая пропаганда против энергетиков возымела свое действие на ряд абонентов:

В Москве агенты Общества бегут теперь и усиленно собирают плату за освещение. Во многих квартирах деньги платить отказываются и приводят мотивы: «Мы заплатим после секвестра, и тогда наши деньги не попадут в берлинские банки». Но зато другие московские обыватели, по большей части, покоряются и вносят то, что следует.

В мае 1915-го Общество 1886 г. выступило с двумя предложениями. Первое было адресовано московским властям:

Правление Общества электрического освещения 1886 года обратилось к городскому голове с заявлением, в котором выражает готовность вступить с городским управлением в переговоры относительно условий, на которых город может допустить включение электрической энергии Богородской станции «Электропередача» в городскую кабельную сеть Общества. Для ведения переговоров Обществом уполномочен г. Ульман.

Отметим попутно, что «Московские ведомости», опубликовавшие эту информашку, «потеряли» еще одного директора-распорядителя, которому было поручено вступить в переговоры – Р.Э. Классона.

Однако власти города продолжали тупо считать, что активы энергетиков свалятся им под ноги совершенно бесплатно, как перезревшие груши, и поэтому не имеет никакого смысла вступать с ними в переговоры.

Со вторым предложением энергетики вышли уже на имперский уровень:

Общество «Электропередача» обратилось в министерство торговли и промышленности с ходатайством о разрешении ему передавать на станцию Общества электрического освещения 1886 года электрическую энергию в количестве около 8-9 тысяч лошадиных сил.

Свое ходатайство Общество «Электропередача» основывает на желании содействовать разрешению наблюдающегося в Москве кризиса топлива, так как при получении энергии от Общества «Электропередача», работающего на собственном торфе, Общество электрического освещения 1886 года может отказаться от получения нефти в количестве 2-2½ тысяч вагонов-цистерн [ежегодно].

Ходатайство это было подвергнуто детальному обсуждению как в министерстве торговли, так и в министерстве путей сообщения, куда это ходатайство было передано на заключение. Как передают, в результате оба министерства отнеслись отрицательно к возбужденному ходатайству, так как проектируемая Обществом передача, без сомнения, существенно затронет интересы города.

Отказ же Общества 1886 года от части необходимой ему нефти в действительности выразится в количестве 6-7 вагонов-цистерн в сутки, что при настоящем подвозе топлива в Москву представляет совершенно ничтожную величину, которая ни в каком случае не может отразиться на разрешении вопроса о топливе.

В мае же 1915-го, во время «немецкого погрома» в Москве, делегация толпы в поисках «спрятанных немцев» продефилировала через машинные залы и котельные Раушской станции, хотя и без дальнейших эксцессов. По-видимому, произвели впечатление порядок, чистота, гул работающего оборудования. Вскоре после московского погрома заведующий Раушской станцией Н.И. Зауэр (как видим, с немецкой фамилией) переехал в Петроград и стал там работать в том же «Обществе 1886 г.».

А, как вспоминал И.Р. Классон, после немецкого погрома вся семья (включая уже замужнюю Софью, но без отца) какое-то время жила в доме для приезжих при женском монастыре во Влахернской, куда их отвез Валериан Иванович Богомолов, тогдашний муж Софьи.

Из дневниковых записей Алисы Ивановны Радченко, жены И.И. Радченко:

Какой тревожный день! Ивась [(Иван Иванович)] с Винтером уехали с утра на целый день [(с «Электропередачи» в Москву)]. А между тем кругом все по телефону получают тревожные вести из Москвы, тем более пугающие, что не решаются прямо высказываться.

В Москве погром немецких магазинов, предприятий, [погромщики] пошли к станции 1886 г., там градоначальник уволил всех служащих с нерусскими фамилиями. Боятся, что все это и к нам перекинется. Вечером приехали наши, подтвердили все, да еще – что было несколько случаев убийств. Винтер смотрит оптимистически, думает, что завтра уже все бесследно кончится, а Ивась, как известный пессимист, боится худшего, разгоняет гостей и своих во все четыре стороны. <...>В Москве ночью громили и поджигали вовсю, только утром спохватились и стали стрелять в толпу.

<...> Новость: [в поселок «Электропередачи»] приехал пристав с предписанием удалить всех, всех служащих и прочих, живущих в местечке с нерусскими фамилиями. Говорит, что окрестности глухо волнуются, зараженные Москвой, возможно, что придут и к нам. Ему дали 250 р. с просьбой сделать все, чтобы устранить эту опасность, и, если все пройдет благополучно, то дадут еще столько же. Ловко! (от 28 мая 1915 г.)

Иванько меня разбудил в 6 часов утра с тем, чтобы я сейчас же уложилась, т.к. не позже 9 часов нам надо уехать. Ночью опять ему звонил пристав, что в Орехове и Павлове происходят погромы, что они собираются сегодня же к нам.

Обещает сделать все, что в его силах для нашей защиты. Ну вот мы и уехали [в Москву]. <...> Ехали на Павлово со всякими предосторожностями, совершенно впрочем излишними, т.к. в Павлове, оказывается, ровно ничего не было, а в Орехове только побили корзину с яйцами. Выходит, что все это дело просто «шантаж» со стороны пристава. (от 31 мая)

Дома весь вчерашний день и ночь прошли вполне спокойно. Ну, слава Богу. Но зато были погромы в разных дачных местах, имениях и на заводах губернии и даже нашего уезда. Иванько все же считает за лучшее нам уехать [из Москвы].

Хотя теперь принимаются самые строгие меры карательные против погромщиков и лиц, попустительствовавших им, уволен, например, сам градоначальник. Скандал да и только! (от 1 июня, ф. 9455 РГАЭ)

Вот как этот погром потом аукнется московским начальникам:

В [ноябре 1915-го в] Петроград выехала группа поверенных фирм, пострадавших от [майского антинемецкого] погрома, с целью возбудить в первом уголовном департаменте сената дела против бывшего главноначальствующего г. Москвы кн. Ф.Ф. Юсупова гр. Сумарокова-Эльстон и [бывшего] градоначальника А.А. Адрианова по обвинению их в бездействии власти.

<...> 28 мая, около 12-ти часов, на Красной площади состоялась манифестация, после которой погромщики разошлись по центральным торговым улицам Москвы и приступили к разгрому по заранее изготовленным спискам торговых помещений и частных квартир, проверяя доказательства подданства и национальности владельцев и в сомнительных случаях обращаясь за указаниями по телефонам охранного отделения №№48-32 и Полиция 10.

<...> В отдельных случаях, когда власти считали необходимым принять меры охраны, толпа подчинялась или ее легко заставляли подчиняться без всякого употребления оружия. Так, для охраны станции Электрического Общества 1886 г. оказалось достаточным заявления градоначальника о недопустимости разгрома.

Как видим, тогдашний градоначальник А.А. Адрианов вполне понимал важность для города Раушской электростанции, но этого оказалось недостаточно для его реабилитации...

В мае 1915-го на электростанции побывали не только экскурсанты-погромщики, но и самый большой начальник над Москвой в военное время:

За последние два дня главноначальствующий города Москвы кн. Ф.Ф. Юсупов гр. Сумароков-Эльстон в сопровождении Московского градоначальника свиты Его Величества генерал-майора барона А.А. Будберга, адъютанта штаб-ротмистра М.С. Олива и др. должностных лиц произвел осмотр Охотного ряда и Электрической станции 1886 года. <...> На Раушской набережной главноначальствующий ознакомился с устройством станции электрического Общества 1886 года, осматривал машинное, котельное и другие отделения.

И следом прошла серия встреч в разнообразных комбинациях.

Вчера М.В. Челнокова посетили представители Общества 1886 г. госп. Классон и Общества «Электропередача» госп. Ульман. Представитель Общества 1886 г. выразил желание войти в переговоры с городским управлением об условиях передачи электрического тока с богородской станции Общества «Электропередача» в городскую сеть в Москве. М.В. Челноков отказался беседовать с представителем Общества 1886 г. на эту тему, указав, что считает неудобным обсуждать этот вопрос, так как городское управление ожидает теперь того или иного коренного решения вопроса о судьбе Общества 1886 года.

Вчера городским головой были направлены главному начальнику московского военного округа кн. Ф.Ф. Юсупову графу Сумарокову-Эльстон докладная записка и все материалы и документы по вопросу об отношении города к Обществу 1886 г.

15 мая главноначальствующий гор. Москвы свиты Его Величества генерал-майор князь Ф.Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон в присутствии Московского градоначальника А.А. Адрианова принимал у себя городского голову М.В. Челнокова, представителя Общества электрического освещения 1886 года г. Классона, представителя Общества «Электропередача» [г. Ульмана], и беседовал с ними о делах города и электрического Общества. При этом главноначальствующий обещал внимательно ознакомиться со всеми обстоятельствами дела и в случае необходимости лично сделать доклад в Петрограде.

Вчера Городской голова М.В. Челноков, гласный Думы А.С. Шмаков, управляющий городскими трамваями М.К. Поливанов и заведующий освещением города инженер П.П. Александров были вновь приняты главноначальствующим города Москвы генерал-адъютантом князем Ф.Ф. Юсуповым графом Сумароковым-Эльстон и сделали ему доклад о положении дела Общества электрического освещения 1886 года.

Представители города указывали на необходимость скорейшей ликвидации предприятий электрического Общества. Генерал-адъютант кн. Ф.Ф. Юсупов высказал, что он на днях будет в Петрограде и сделает по данному вопросу подробный доклад.

Ввиду нарушения электрическим Обществом концессии, которое выразилось в передаче для московских абонентов тока с Богородской станции, городское управление созывает совещание гласных-юристов для выработки мер против таких действий электрического Общества».

Председатель Московской губернской земской управы Ф.В. Шлиппе был принят главноначальствующим г. Москвы генерал-адъютантом кн. Ф.Ф. Юсуповым гр. Сумароковым-Эльстон и сделал ему доклад о ходатайстве губернского земства по ликвидации предприятий акционерного Общества «Электропередача».

Кн. Ф.Ф. Юсупов обещал свое содействие земству в этом деле и высказал взгляд на недопустимость положения, при котором в самом центре России предприятия огромного значения для всей промышленности находятся в руках немцев.

Как читатель мог уже увидеть, к концу 1915-го оба важных начальника были сняты со своих постов и, по-видимому, уже не могли повлиять на судьбу двух Обществ, в ту или другую сторону.

К концу мая недоимки за отпущенное потребителям электричество достигли 5,4 миллиона рублей. И в июне появилась первая (и, похоже, последняя) информация о попытках энергетиков правовым путем взыскать долги с неплательщиков:

В коммерческом суде слушалось дело о взыскании Обществом электрического освещения 1887 г. с госп. Ламенти 800 руб. Ответчик отказался платить, ссылаясь на то, что Общество 1886 г. – общество немецкое. Поверенный Общества представил суду устав Общества, который, по его мнению, должен убедить в том, что Общество 1886 г. – не немецкое.

Коммерческий суд нашел, однако, что устав еще не доказывает утверждение истца, и предложил ему представить список директоров Общества с удостоверением, что они состоят в русском подданстве, и протоколы общих собраний Общества. Ввиду этого дело было отложено.

В том же месяце, наконец, прояснилась судьба «Общества 1886 г.:

После продолжительного обмена мнений совет министров согласился с мнением большинства членов особого совещания, образованного для обсуждения данного вопроса при министерстве юстиции под председательством товарища министра сенатора И.Е. Ильашенко, признавшего деятельность Общества 1886 г. безусловно вредной для государственных интересов.

В соответствии с такой точкой зрения совет министров признал целесообразными и дальнейшие предположения большинства членов совещания о ликвидации Общества 1886 г. с тем, чтобы все предприятия означенного Общества были взяты во временное управление правительства.

Принимая, вместе с тем, во внимание то обстоятельство, что действующее законодательство не содержит указаний на право правительственной власти закрывать образованные по российским законам акционерные Общества в случаях, когда это будет признано необходимым с государственной точки зрения, совет министров признал необходимым издать в порядке ст. 87-й Основных Законов общий закон, устанавливающий право правительства на закрытие указанных акционерных обществ, если их деятельность представляется опасной или вредной с точки зрения государственных интересов.

Итак, не секвестр, а лишь временное управление, с чем, естественно, московские власти были категорически не согласны.

Затем последовало уточнение по поводу решения властей:

<...> Что же касается, в частности, Общества электрического освещения 1886 г., то в отношении его совет министров постановил: временное управление делами этого Общества возложить на особое, образуемое с этой целью управление, которому и поручить безостановочное продолжение деятельности Общества. Эту же меру совет министров постановил применить и к московскому Обществу «Электропередача».

Во время ожесточенной кампании «прогрессивной общественности» Москвы против Общества 1886 г. и ее дочерней компании «Электропередача» резким диссонансом прозвучал очерк Власа Михайловича Дорошевича о последней – «Немцы и мы» (в том же злобствовавшем «Русском слове», постоянным автором которого был этот известный тогда журналист и писатель).

Этот очерк заслуживает быть приведенным здесь почти полностью – вот так шикарно (как в Швейцарии) могла бы быть обустроена вся Московская губерния, а не только один Богородский уезд, если бы не «псевдопатриотическая политика» местных властей:

Счастливый случай и хороший автомобиль занесли меня на днях на станцию «Электропередача». В 50-ти верстах от Москвы, по Владимирскому шоссе, в Богородском уезде. Это та самая пресловутая электрическая станция, с которой энергия контрабандным путем передавалась в Москву.

<...> Автомобиль бежал по знаменитой Владимирке. Дороге, политой слезами. Бежал по деревням, когда-то – во времена «почтовых трактов» – славившихся разбоями. И сейчас случается, когда ставят новую избу, в земле находят человеческие кости. Это – когда-то «без вести пропавшие». Зарезанные и задушенные на постоянных дворах путники. Имена же их, Господи, Ты веши. С «Владимирки» автомобиль свернул влево на хорошее, новое шоссе. При въезде на него – шлагбаум и сторож.

– Чтобы зря не шлялись.

Четыре года тому назад здесь стреляли вальдшнепов. Тяги были превосходные. Было болото, топь. 4 000 десятин болота. Проехал немец и сообразил:

– Болото торфяное. Кругом фабрики. А что если здесь устроить для них центральную станцию электрической энергии?

<...> Земля под болотом не ценилась ни в грош. Сколько стоит болото? Сколько стоят вальдшнепы! Но когда немцы принялись торговать болото, цена поднялась.

– Значит, на что-нибудь нужны мертвые души, если покупает! – как думала Коробочка.

Но все-таки немцам удалось приобрести болото сравнительно дешево. Раньше:

– Не стоило ни гроша.

А тут:

– Взяли грош.

Три года тому назад начались работы. И сейчас здесь колоссальная станция, дающая 15 000 киловатт.

– Станция представляет собою последнее слово техники? – спросил я.

Инженер ответил просто и спокойно:

– Да. Это последнее слово.

Словно мы разговаривали не среди непроходимого болота. Станция обслуживает энергией морозовскую Богородско-Глуховскую мануфактуру, фабрику Саввы Морозова; кажется, будет обслуживать фабрику Викулы Морозова.

– Так уж всех наших Морозовых и заберет!

Другие фабрики. И... деревни. В окрестных деревнях в некоторых избах уже есть электрическое освещение. И кустари работают по вечерам при свете электрических лампочек. А мы с вами думали, что это только в Швейцарии.

Вечером, проезжая по железной дороге мимо деревень, освещенных электричеством, мы ахали:

– Каково? Электричество в деревне!

Вздыхали:

– Когда-то это будет у нас?

И решали, как добрые славяне:

– Никогда!

А оказывается, что «Швейцария» завелась у нас под боком, в 50-ти верстах! Кустари берут энергию со станции к себе в избы, и четыре-пять ткацких станков в избе работают электрической силой. Здесь штепсель – такая же принадлежность избы, как рукомоЙник.

Лет пятнадцать тому назад в Женеве, на выставке, мне с гордостью показывали электрические провода в маленьких мастерских тамошних кустарей. Энергию давал маленький водопад Роны, около островка [Жан-Жака] Руссо.

– Он абонирован на полсилы, на одну, на две [лошадиные] силы, и даже швейную машинку ему вертит электричество.

Это было чудом. Сейчас это чудо можно видеть в Богородском уезде Московской губернии. «Электропередача» дает жизнь всей округе. По телеграфным столбам с массой белых «стаканчиков» эта жизнь растекается кругом на десятки и десятки верст.

По отличному шоссе мы подъехали к огромной «станции». Идеальная чистота и изумительный порядок. С ревом вертятся колоссальные турбины. Молча стоят запасные. Перерыва в работе быть не может. Абоненты застрахованы.

На тяжелых железных дверях в помещении аккумуляторов нарисованы мертвые головы. Как на «бумаге для мух». И надписи:

– Не дотрагиваться. Верная смерть.

Аккумуляторы в 30 000 вольт. Мало этого. Помещение с аккумуляторами:

– В 70 000 вольт.*

<...> На болоте работают около 40 торфяных машин. До смешного крошечный паровозик бежит по узеньким рельсам и подвозит вагонетки с торфом. По всему болоту проведена легкая железнодорожная сеть, и направление ее меняется быстро и легко, глядя по надобности. Трое рабочих вышибают подпорки и опрокидывают колымажки на вагонетках над торфяными ямами.

Там торф с грохотом выравнивается в ровный слой на подвижных решетках, и два элеватора зачерпывают его черпаками, укрепленными на бесконечных толстых холстяных полосах, и непрерывно подают вверх, в «котельную». Котлы, отделанные изразцами, величиною в порядочный дом с мезонином.

Вас прежде всего поражает:

– Как мало народу!

На «станции» работает всего 200 человек, считая с инженерами. Все делается просто, легко, свободно, без сучка, без задоринки. Механически. Слово работают огромные, превосходно выверенные часы.

Необходимая вода поднимается в котлы из озера, и всегда бывшего на болоте. Отработанная, красноватая, болотная вода широкой и стремительной рекой под сильным уклоном течет по искусственному бетонному ложу. Устроены уступы с падением воды. Это будущие источники двигательной силы, при следующем, дальнейшем назначении станции.**

Отработанная и охлажденная вода, стекающая рекой по бетонному ложу, образует два искусственных озера, в которых уже разводится рыба. Жирные караси и искрасна-золотистые карпы тут должны водиться хорошо: они любят «сочную» и питательную воду «с болотцем», и сами припахивают болотом, если им не влить в рот уксуса, прежде чем варить.

Около озер расположен поселок. Где живут «Робинзоны» или, вернее, «Пятницы». Инженер все звал нам показать:

– Поселок.

Должно быть, их гордость. Широкая дорога – аллея. Вдоль, в роще среди деревьев, двухэтажные деревянные – из собственного леса, – дома немного в швейцарском стиле.

Все остальное:

– Как в Америке.

На поселке штемпель:

– Германия.

Этот штемпель: безвкусице. Очень прочно, но немецки безвкусно.

– На сколько же вам, однако, хватит этих 4 000 десятин торфа?

Все рассчитано. И определено заранее. Торфа хватит на 50 лет. Через 50 лет «Электропередача» прекратит свое существование:

– За прекращением топлива.

Но, вместе с тем, будет осушено и болото. Будет сухая земля с лесом и тремя озерами. Очень плодородная, как в Голландии, после осушения болота. Получится отличное:

– Доходное имение.

---

* В.М. Дорошевич здесь, похоже, ошибался. Скорее всего, речь шла о закрытых распределительных устройствах на 30 и 70 киловольт.

** По-видимому, вместо «назначение» следует читать – «расширение».

Земля будет, вероятно, разбита на участки. Продана по хорошей цене. Не по тем грошам, за которые куплена. Здесь расцветет дачный поселок. «Электропередача» будет ликвидирована с огромным барышем. За гроши купили болото. Миллионы получили за его осушение. И нажили на продаже. Дело верное и блестящее.

Инженер говорил об этом «через 50 лет», словно речь шла о том, что будет:

– Завтра.

Так все заранее задумано и обдумано.

Я посетил «Электропередачу», казалось бы, в трудные для нее минуты. В Совете министров решался вопрос:

– Об участии предприятий 1886 года.

У нас, – случись в деле какая-нибудь:

– Заминка,

Какая уж работа!

– Не до работы!

Служащие сбиваются в кучки:

– Целый день только и делают, что толкуют!

За делом уж никто не смотрит. У всех:

– Отпали руки!

Сколько психологии! Здесь [(на «Электропередаче»)] никто не занимался:

– Психологией.

А все:

– Делом.

Как всегда, как обычно. Дело шло, как будто ничего не случилось, ничего не готовилось. Делалось настоящее дело, и готовилось будущее. Выбатывали и доставляли энергию. Заключали контракты на оставшееся еще свободным количество килоуатт.

– Остается «Электропередача» за немцами, перейдет она к русским, будет изъята из немецких рук временно, в течение войны, – кто бы ни был ее хозяином, самое дело останется.

И люди спокойно делали дело. Относительно возможности того или другого решения даже не говорили. Это:

– Политика.

Об этом я не слыхал ни слова. О деле, о его настоящем, о его будущем – сколько угодно. Какая рабочая дисциплина! А ведь это такие же русские люди. «Робинзон», немец, главный директор, удален и куда-то выслан. На «станции» остались «Пятницы». И работают так, что не знаешь, чем больше любоваться. «Часовой» ли постановкой машинного дела. Или их «машинным» спокойствием. И деловитостью.

– Этот «остров энергии» среди болота, конечно, чудо. Но каким образом вы доставили сюда все это? Эти котлы, величиной с дом, колоссы-турбины, горы кирпича, изразцов? Ни железной дороги, ни сплавной реки!

Инженер ответил просто и спокойно:

– А по шоссе.

Словно самое обыкновенное дело – таскать по земскому шоссе за десятки верст тяжести в десятки тысяч пудов. Три года тому назад приступили к прокладке своего шоссе от «Владимирки».

– Вот здесь, где это шоссе, где эта станция, где этот поселок, – мы шли в болоте мало по колено, – местами работали по пояс!

Кто работали? Инженер – поляк, служащие, рабочие – русские. «Робинзоны»-немцы только делали распоряжения. А всю работу делали «Пятницы». Все те же славяне.

<...> Боже, что за удивительная страна! Единственная страна, в которой стоит жить. Потому что интересно смотреть, что делается. Америка – словно по щучьему веленью, в три года вырастающий «остров энергии» среди болота, а через каких-нибудь 150 верст – Суздаль. Где вы найдете еще такую страну, где в течение дня, на автомобиле, вы могли бы побывать и в 20-м, и в 16-м веке?

Я видел еще одну такую страну. Индия. Все индийские города в двух изданиях. Древний индусский город и за несколько миль от него – современный английский. Здесь вся роскошь, комфорт, деятельность XX века. Там, в индусском, живут так, как жили еще при великом законодателе Ману, четыре тысячи лет тому назад.

Неужели нам, по своей вине, ждать участи великой когда-то Индии? («Русское слово», 12 июня 1915 г.)

И.Р. Классон в неотправленном письме В.А. Бреннеру от 12 апреля 1962 года отмечал, что под «немцами» В.М. Дорошевич подразумевал Э.Г. Буссе и Р.Э. Классона (!), а автором «немецкой безвкусицы» жилых домов в поселке был Н.И. Зауэр (!).

Попытаемся как-то объяснить появление очерка «Мы и немцы» в давно злобствовавшем «Русском слове», выходившем тиражом свыше 1 млн. экземпляров и ставшем самой популярной и влиятельной газетой в России. Оказывается, В.М. Дорошевич еще в 1901 году подписал договор с издателем этой газеты И.Д. Сытиным, которым обязывался не только ежегодно давать 52 воскресных фельетона и отдельные статьи по текущим вопросам общественной жизни, опять же числом не менее 52-х, но и осуществлять общее наблюдение за редактированием «Русского Слова». То есть – исполнять, по существу, функции шеф-редактора и определять политику газеты! Значит, это Влас Михайлович позволял своим сотрудникам методично гнобить Общество 1886 года!? И лишь когда репортерская судьба занесла его на «Электропередачу», он написал достаточно объективный репортаж.

Кстати, В.М. Дорошевич напечатал как-то критический очерк «Старый палач», в котором всем своим талантом расправился с «реакционным публицистом» газеты «Новое время» Виктором Петровичем Бурениным. Оставляем историкам объективно оценить сей «наезд» на своего коллегу по газетному цеху. Но не можем при этом не заметить, что у самого В.М. Дорошевича регулярно оттачивал свое ядовитое перо «мини-Буренин» – уже упоминавшийся журналист К. Даниленко. Выходит, уважаемый Влас Михайлович употреблял, как сейчас бы сказали, двойные стандарты?

Опять же оставим разбирать эти неприятные моральные аспекты историкам и литературоведам, биографам, наконец, незаурядного и неоднозначного отечественного деятеля В.М. Дорошевича. А сами вернемся к судьбам Общества 1886 г. и «Электропередачи».

Во исполнение своего решения Совет Министров с 1 июля назначил Особое правление «Общества 1886 г.» и общества «Электропередача».

В него вошли, наряду с членами по выбору акционеров и директорами, представители министерств: Военного – профессор электротехники Николаевской военно-инженерной академии генерал-лейтенант Л.В. Свенторжецкий (в сентябре он стал председателем правления), Путей сообщения – профессор Ю.М. Ломоносов, Торговли и промышленности, Морского, Финансов, а также Московского и Петроградского* городских управлений.

Представители самоуправлений получили в Особом правлении лишь место «почетных прапорщиков», даже не «свадебных генералов»:

Возвратился в Москву замещающий председателя московской губернской земской управы М.А. Нарожницкий, ездивший в Петроград по разным земским делам. М.А. Нарожницкий посетил секретаря совета министров И.Н. Ладыженского, выясняя вопрос о положении Общества «Электропередача».

---

* Санкт-Петербург был переименован в Петроград, на антинемецкой волне, еще 18 августа 1914 г.

М.А. Нарожницкий узнал, что журнал с постановлениями совета министров о секвестре электрического Общества 1886 г. уже [\[Высочайше\]](#) утвержден и на следующей неделе состоится распубликование этих постановлений в «Собрании Узаконений».

Как в отношении к Обществу 1886 г., так и для Общества «Электропередача» устанавливается новое правление. В состав правления Общества «Электропередача» включается до 8-ми представителей ведомств, один представитель гор. Москвы и один – губернского земства.

Ввиду того, что представители государства и общественных организаций не имеют большинства, у А.М. Нарожницкого возник вопрос, чем обеспечивается действительное их влияние на деятельность Общества. На это ему было указано, что представители ведомств будут иметь право налагать veto на решения правления, не согласные с интересами государственными и общественными. Представителям общественных организаций такое право не предоставляется.

Роль «почетного прапорщика» была отведена и выбранному в Особое правление «дублером» от Московской губернской земской управы профессору Технического училища Б.И. Угримову:

Возвратился из Петрограда и.д. председателя губернской земской управы М.А. Нарожницкий, участвовавший в заседании правления Общества «Электропередача». И здесь, как и в правлении Общества 1886 г., отношение к представителям общественных учреждений было недружелюбное. Второй представитель земства, профессор Б.И. Угримов, почему-то не был допущен к участию в дебатах и посажен в стороне.

Зато в Особое правление попал и Роберт Эдуардович:

Возвратился в Москву инженер Н.И. Сушкин, ездивший в Петроград в заседание нового правления Общества электрического освещения 1886 года в качестве представителя города Москвы. Были оглашены списки членов правления. Из прежних 8-ми членов правления в заседании [\[29 июля\]](#) было пять – В.И. Тимирязев, гг. Ульман, Классон, Юнкер и один представитель швейцарских акционеров. Среди новых членов правления были шесть представителей ведомств, представители гор. Москвы и Петрограда.

Позволим здесь отвлечься немного в сторону на упомянутую персону – Василия Ивановича Тимирязева. «Московские ведомости» еще в ноябре 1914-го опубликовали заметку «Таинственный незнакомец», весьма злобно просветив общественность насчет состава правления Общества 1886 года:

<...> Любопытно, что это Общество [\[электрического освещения 1886 года\]](#) и раньше усердно прикрывало дымкой все свои дела. Даже в официальных своих отчетах оно ухищрялось прятать все свои концы в воду, давая самые краткие и неопределенные сведения. Никому не известно, кто руководит этим Обществом в России, кто охраняет здесь свои интересы? Мы задались целью проследить его деятельность по его отчетам и, сознаемся, это – такой лабиринт, в котором никто не сумеет найти нити Ариадны. Вот уж где темна вода во облацех, вот уж где туман, превосходящий своей густотою пресловутые лондонские туманы.

Однако, Общество, несомненно, заняло очень прочное положение, раз его руководителями выступают знаменитый В.И. Тимирязев и Е.Г. Шайкевич. Первый – бывший министр торговли и промышленности, прославившийся Ленской историей, известный тем, что он принимает участие в бесконечном числе торгово-промышленных предприятий, от которых он получает, по слухам, до 900 тысяч рублей в год. Важно то, что он – председатель совета Русского для внешней торговли Банка, располагающего капиталом в несколько сот миллионов рублей. Г. Шайкевич – директор правления и главный деятель Петроградского Международного Банка, самого крупного кредитного учреждения в России.

Вот уж это, по крайней мере, не таинственные незнакомцы, а лица известные. К ним можно обратиться с челобитной: не будут ли они любезны объяснить русской публике, в каких отношениях с немецкими банками находится Электрическое Общество: им-то это лучше, чем кому бы то ни было известно. У нас рождаются и новые сомнения, а Международный и Русский для внешней торговли Банки, какое имеют они отношение к Обществу электрического освещения, в частности, и к немецким банкам, вообще? Русский читатель будет ждать с интересом компетентное разъяснение В.И. Тимирязева и г. Е.Г. Шайкевича.

Не получив ответа, «Московские ведомости» в декабре 1914-го вернулись к злободневной теме:

Мы же со своей стороны продолжаем настаивать: с 5 мая текущего года г. Тимирязев и г. Шайкевич избраны в число директоров столь популярного в Германии Общества. Еще бы этому Обществу не пользоваться влиянием и популярностью среди немцев, когда в составе правления находятся директора Немецкого банка (Deutsche Bank), немецких же – Банка для торговли и промышленности (Bank für Handel und Industrie) и Банка для электрических предприятий (Bank für Elektrische Unternehmungen). Гг. Тимирязев и Шайкевич в наши дни великой войны с Германией, очевидно, находят для себя совершенно удобным продолжать свою работу в подобном Обществе!

Стоит отметить, что Р.Э. Классону приходилось пересекаться в правлении какое-то время с подобными сомнительными личностями как В.И. Тимирязев. Но Роберт Эдуардович, к сожалению, не оставил об этом никаких свидетельств. Зато оставил их в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, бывший председателем Совета Министров с октября 1905-го по апрель 1906-го:

Должен сказать, что после весьма каялся, что взял этого карьериста-чиновника в мое министерство. Прежде всего, меня удивила Тимирязевская левизна во многих его суждениях в Совете Министров, но на это я не обращал внимания. <...> Между тем, когда он покинул пост в моем министерстве, я узнал, что чуть ли не каждый день к нему приходили корреспонденты левых газет, и он им болтал все, что правительство делает и намеревается делать, всегда с выставлением себя ультра-либеральнейшим деятелем. Но меня все время чиновник [(агент Министерства финансов в Берлине с 1892 г.)] Тимирязев, встречавший и провожавший в Берлине с надлежащим подобострастием каждого русского сановника, уже не говоря о членах царской семьи, по отношению к монархической власти напоминал такого слугу и того определенного типа, который чесал на ночь пятки своему барину, покуда он имел средства, и вдруг перестал даже ему кланяться, когда он впал в нищету.

В воспоминаниях С.Ю. Витте отражены и дальнейшие, после 1906 г. чиновно-меркантильные устремления В.И. Тимирязева, который опять начал «чесать на ночь пятки своему барину», т.е. Николаю II.

В июле 1915-го было «Высочайше утверждено Положение Совета министров о проведении в порядке 87-й статьи Государственных Законов, в виде исключительной на время настоящей войны меры о ликвидации иностранных Обществ. Согласно новому закону в отношении акционерных Обществ, действующих в России на основании утвержденных в России уставов, Совету министров предоставляется:

- 1) признавать эти Общества подлежащими закрытию с установлением особого порядка для управления ликвидацией дел Обществ и
- 2) вводить без постановления о закрытии Обществ особые временные управления их делами.

Меры эти могут быть применяемы в тех случаях, когда действительными руководителями деятельностью акционерных Обществ являются подданные, товарищества и Общества или учреждения воюющих с Россией держав и когда деятельность их представляется опасной для государственных интересов».

Однако к московским энергетикам эти суровые меры уже не могли быть применены – требовалось электричество для заводов, работавших на оборону:

Представителем губернского земского собрания в новом правлении «Электропередачи» избран М.А. Нарожницкий, заместителем его – профессор Б.И. Угримов. Затем рассматривается доклад о выработке временных условий на разрешение прокладки электрических кабелей по шоссе, находящемуся в ведении губернского земства.

М.А. Нарожницкий указал, что управа воздерживалась до последнего времени от выдачи разрешений на прокладку кабелей ввиду того, что не получил еще надлежащего разрешения вопрос о договоре земства с Обществом 1886 года о предоставлении ему права прокладки электрических кабелей. Однако, под влиянием переселения промышленных предприятий из района театра военных действий и поступления их в Московскую губернию, положение дел изменилось, так как ряду таких заводов, работающих для нужд армии, понадобилась электрическая энергия.

Управа не нашла возможным в настоящее время мобилизации народных сил для нужд обороны задерживать работу этих предприятий и дала разрешение на прокладку для некоторых из них электрических кабелей Общества 1886 года, по обрезах шоссе.

Разрешение дано т-ву «Мотор», эвакуировавшему свой машиностроительный завод из Риги в Московский уезд, где им приобретено владение одной фабрики, для изготовления воздухоплавательных моторов; владельцу авиационных мастерских Франческо Москва; правлению т-ва «Будущность», для изготовления канатов.

Такое же решение приняло Особое правление и по «Электропередаче»:

Возвратился из Петрограда представитель г. Москвы Н.И. Сушкин, участвовавший в последнем заседании правления Общества 1886 года, происходившем 12 августа. Обсуждался вопрос о направлении электрического тока из богородской станции в Москву. Ввиду того, что нефть и каменный уголь теперь очень ценны для нужд обороны, решено установить такую передачу из богородской станции, отапливаемой торфом.

Что касается вопроса о компенсации города за пользование электрической энергией с богородской станции, противоречащее договору Общества с городом, то вопрос об этом оставлен открытым. Формы компенсации будут выработаны в особой специальной комиссии.

Следом были обнародованы «новые взгляды» имперских верхов по отношению к энергетикам:

Вернулся из Петрограда представитель г. Москвы в правлении Общества электрического освещения 1886 года Н.И. Сушкин, где он участвовал в заседании правления, происходившем под председательством нового председателя генерал-инженера Свенторжецкого, заместившего В.И. Тимирязева.

<...> Каково отношение теперь петербургских сфер к Обществу 1886 года, видно из следующей бумаги министерства внутренних дел, полученной московским градоначальником: «Правление Общества электрического освещения 1886 года обратилось с просьбой об оказании содействия к скорейшей уплате Обществу за электрическую энергию, отпущенную учреждениям ведомства министерства внутренних дел, поименованным в прилагаемом списке.

Сообщая об изложенном, департамент общих дел просит ваше превосходительство сделать распоряжение об уплате подведомственными вам учреждениями следующих Обществу сумм и оказать содействие к погашению сумм, задолженных Обществу теми, находящимися в пределах города Москва учреждениями, кои непосредственно вашему превосходительству подведомственны».

К этому департамент добавляет, что одновременно такое же предложение послано и московскому губернатору для соответственных распоряжений подведомственным ему учреждениям, упомянутым в означенном списке. В списки внесены должники Общества, нередко на самые ничтожные суммы. Требования об уплате денег Обществу за электрическую энергию уже рассылаются из московского градоначальства.

<...> Интересно также отношение правления к вопросу о расчете с городом за проведение электрической энергии в Москву с богородской станции. Городская управа, без ведома Думы, согласилась на пользование дешевой электрической энергией из богородской станции, отапливаемой торфом, для московской сети Общества 1886 года с тем, чтобы разница между стоимостью тока московской станции и богородской передавалась правлением Общества в пользу жертв войны.

Но все акционеры Общества единогласно постановили, что не желают, чтобы эти деньги шли на нужды войны. Правление Общества не согласилось передавать упомянутую разницу в пользу жертв войны и заявило, что оно может передать эти деньги самому городу, которому предоставляется или обратить их на городские нужды или употребить на помощь жертвам войны. Таким образом, оно отказывается от всякого действия, которое могло бы быть признано немцами не в их интересах[[считает богородской голова М.В. Челноков](#)].

Московская городская управа узнала о параллельной работе «Электропередачи» с Раушской станцией, как мы уже упоминали, лишь в 1915-м. Тогда Городская дума постановила прекратить подачу энергии «Электропередачи» в Москву.

Однако Р.Э. Классон не торопился выполнять это постановление:

На посланное городским головой московскому отделению Общества электрического освещения письменное предложение – немедленно привести в исполнение постановление Думы 15-го сентября о прекращении впуска электрической энергии с богородской станции Общества «Электропередача» в городскую кабельную сеть Общества 1886 г. вчера получен ответ московского отделения.

Отделение извещает, что оно срочной телеграммой сообщило особому правлению [[в Петрограде](#)] содержание письма городского головы и ожидает распоряжения по этому делу особого правления, по предписанию которого в свое время был пущен ток с богородской станции в московскую кабельную сеть.

Особое правление «Общества 1886 г.» и ее дочерней структуры доложило об этом «возмутительном факте» со стороны Московской городской думы управляющему Министерством Торговли и Промышленности князю В.Н. Шаховскому. Однако последний счел прекращение поставок богородского тока в Первопрестольную нецелесообразным: (из его письма городскому голове М.В. Челнокову):

По имеющимся у меня сведениям, московское общественное городское управление высказалось за необходимость прекращения подачи электрического тока с богородской станции Общества «Электропередача» в московскую кабельную сеть для питания абонентов электрического Общества 1886 года.

Между тем московская электрическая станция Общества 1886 года, доставляя электрическую энергию и для фабрично-заводских предприятий, работающих на нужды государственной обороны, сжигает весьма значительное количество топлива, потребность в котором, при пропуске в московскую кабельную сеть электрической энергии со станции Общества «Электропередача», специально приспособленной под торфяное топливо, которым эта последняя вполне обеспечена на месте, сократится более чем на 2 000 вагонов в год.

Таким образом, в этом случае будет достигнуто, без сокращения доставки потребной электрической энергии, более планомерное использование топлива. Ввиду сего я, как председатель учрежденного на основании закона 17-го августа с.г. особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для государственной обороны, обращаюсь к вам с настоятельной просьбой о том, чтобы на время войны московское городское общественное управление дало разрешение на упомянутую доставку электрической энергии в город Москву от станции Общества «Электропередача».

При этом считаю необходимым отметить, что указанную подачу электрической энергии в город Москву я признаю совершенно безотлагательно необходимой в связи с особыми условиями настоящего времени и отнюдь не предрешаю каких бы то ни было условий дальнейшего соглашения по сему вопросу, которое может последовать между московским общественным управлением и названным Обществом. О последующем я покорнейше прошу поставить меня в известность.

По справке «Общества 1886 г.» торфяная энергия покрывала в то время около 20% потребности Москвы в электричестве и высвобождала ежегодно 17 тысяч тонн мазута. Себестоимость киловатт-часа Раушской станции составляла 3,3 копейки, а переданного с «Электропередачи» – 2,9 копейки.

Между прочим, И.Р. Классон оставил такие забавные и в то же время грустные воспоминания (по поводу хорошо налаженного шпионажа немцев даже в, казалось бы, нейтральной Швейцарии):

Для монтажа третьего агрегата «Электропередачи» мощностью 5 Мвт в 1915 г. из нейтральной Швейцарии выехал монтер фирмы Эшер-Висс. Ради его безопасности (Германия вела неограниченную подводную войну) и экономии времени и денег фирма выбрала для него почти сухопутный маршрут через Германию, Швецию и Финляндию и объяснила, что в Германии он должен делать вид, будто едет в Норвегию. При въезде в Германию на вопрос прусского лейтенанта, куда он едет, монтер бодро ответил: «в Берген», но лейтенант воскликнул: «Уизинн! Зи райзен нах Бойородск! («Глупости! Вы едете в Богородск!» – с берлинским произношением) и не впустил. Монтеру пришлось ехать через Францию, Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию. Германский экономический шпионаж в Швейцарии и других нейтральных странах был на должной высоте.

В сентябре на Раушской электростанции случилось ЧП:

Вчера, около 5-ти ч. дня, произошел пожар на центральной станции Общества электрического освещения 1886 года, на Раушской набережной. В громадном каменном надворном здании со стеклянной крышей, занятом котельным отделением, воспламенилась нефть, скопившаяся на полу. Отделение быстро наполнилось дымом. Пламя охватило деревянные перекрытия и обшивку крыши. Вследствие опасности распространения огня для тушения пожара были вызваны шесть пожарных частей с паровыми машинами. Через 1½ часа пожар был прекращен. Пожар ограничился крышей. Отделение пострадало от дыма и воды. Строение и движимость станции застрахованы в четырех страховых обществах. Убыток от пожара значительный.

На следующий день появилась более детальная информация:

Происшедший 18-го сентября пожар на станции Общества электрического освещения 1886 года вызвал много толков в Москве о недостаточном надзоре за станцией как со стороны самого Общества, так и городского управления. Вчера в городскую управу было представлено сообщение ее служащих по отделу освещения, наблюдающих за электрической станцией. В этом сообщении указывается, что при осмотре станции в новом котельном здании оказался над котлами ряд запасных нефтяных баков. В баке, установленном над котлом, примыкающим к машинному отделению, произошла утечка нефти, которая, вылившись на котел и частью на пол котельного здания, загорелась. Причем воспламенение нефти произошло, по-видимому, от топки означенного котла, который в это время находился в работе.

Повреждения, причиненные пожаром, незначительны: попорчена арматура котла, повреждены стекла в части крыши котельного здания, расположенной над котлом, покореблена стенка бака, из которого произошла утечка нефти, слегка обгорела одна стенка деревянного ящика, в котором был упакован статор генератора, отправляемого в Петроград.

Этот ящик вывозился из помещения станции и в момент возникновения пожара находился в дверях, отделяющих котельное помещение от машинной залы. Происшедшие от пожара повреждения на правильности работы станции отразиться не могут.

По объяснению присутствовавших при осмотре директоров Общества Р.Э. Классона, В.В. Старкова и заведующего станцией В.Д. Кирпичникова, причиной утечки нефти было следующее обстоятельство: у четырех нефтяных запасных баков неизвестно кем были похищены медные сальники с кранов, установленных на отводящих трубах. В трех из этих кранов, несмотря на отсутствие сальников, пробки остались на своих местах, из четвертого же крана пробка выпала, вследствие чего находящаяся в баке нефть вытекла.

В момент возникновения пожара в пострадавшем баке, по словам представителей Общества, находилось не более 50-ти пудов нефти. На вопрос о том, какие меры предполагает принять Общество для предотвращения возможности повторения подобных случаев, представители Общества заявили, что существующие запасные баки в ближайшем времени будут помещены вне котельного здания и до переноса их на новые места наполняться нефтью не будут. Работа по перенесению баков была начата еще в прошлом году, причем у наружной стены котельного здания были уже установлены железные столбы для поддержки баков, но с начала войны ход этой работы замедлился. В настоящее время Общество предполагает принять все меры к скорейшему окончанию указанной работы.

Здесь для нас важно то, что отдельные несознательные представители «передового отряда» – пролетариата, несмотря на наличие на станции большевистской ячейки, занялись элементарным хищением в целях личного обогащения! И это были и будут далеко не единичные случаи, несмотря на бодрые уверения Р.Э. Классона в том, что на Раушской станции путем многолетней селекции были отобраны лучшие кадры эксплуатационного и ремонтного персонала!!

Современный вид машзала на ГЭС им. Смидовича

В связи с перебоями с топливом в Москве в октябре 1915-го возникла дискуссия о «добровольно-принудительном» ограничении потребления электроэнергии:

Вчера в доме градоначальника под председательством помощника градоначальника А.Н. Тимофеева происходило совещание о сокращении электрического освещения в городе ввиду недостатка топлива. В совещании присутствовали член городской управы В.Н. Литвинов, представители казенных театров и от частных театров Ф.А. Корш и С.И. Зимин, представители Общества 1886 г. Р.Э. Классон и В.В. Старков, представители общества рестораторов, владелец ресторана «Прага» С.П. Тарарыкин и три представителя от кинематографов. По открытии заседания была доложена бумага министра торговли с предложением правил сокращения электрического освещения.

<...> На освещение улиц предположено сократить электрическую энергию до 40%. В.Н. Литвинов возражал, что последняя мера даст экономию только в 40 вагонов [нефтетоплива] в год, а все предыдущие мероприятия [– электрическое освещение в магазинах только до 7-ми часов вечера, сокращение расхода электричества в ресторанах на 30% сравнительно с прошлым годом] сократят потребление топлива на электрической станции на 100 вагонов в год.

Сохранившиеся исторические детали в машзале ГЭС им. Смидовича

Такое сокращение является довольно ничтожным сравнительно с расходом Общества 1886 г. на освещение, выражающееся в количестве 6 000 вагонов в год. Ввиду этого при переживаемом тяжелом времени не стоит производить гнетущего впечатления на население введением намеченных мероприятий.

В ноябре дискуссия продолжилась:

В общественных и частных предприятиях взвешивают возможность последствия ограничения в пользовании электрической энергией в отношении экономии топлива. Член Московской городской управы В.Н. Литвинов высказывает предположение, что эта экономия должна быть весьма незначительной по своим результатам и сэкономит не более 20 вагонов топлива в год. <...> В.Н. Литвинов категорически опровергает предположение некоторых, что меры экономии вызваны желанием городской управы помешать впуску в московскую электрическую сеть тока Богородской станции, и указывает, что Богородская станция дает только одну шестую часть потребляемой в Москве электрической энергии.

А вот скандальные сюжеты по поводу внесудебного принуждения со стороны властей московских неплательщиков к возврату долгов:

Правительственные чины сообщают, что уже признано необходимым поддержать деятельность Общества, но принять все меры, чтобы деньги, поступающие в Общество, не уходили за границу. Логическим следствием является необходимость производства платежей абонентами Общества.

Принимая такое решение, представители правительства заботились единственно о том, чтобы получить 3 миллиона [руб.], необходимых для приведения предприятий Общества в соответствие с увеличившейся потребностью в электрической энергии в мобилизованной промышленности. Для этого они отдали распоряжения подведомственным им учреждениям о производстве платежей Обществу.

Сохранившиеся исторические детали в машзале ГЭС им. Смидовича

Министр торговли и промышленности с своей стороны вошел в соглашение с министерством юстиции о взыскании недоимок с частных лиц и предприятий.

Вопрос о секвестре Общества не входит в компетенцию представителей правительства в особом правлении. Раз Общество не секвестровано, они считают своею обязанностью принять все меры к тому, чтобы деятельность его шла полным ходом.

Далее в газете сообщалось:

В начале вчерашнего заседания Думы городской голова доложил, что одна из старейших и уважаемых московских фирм получила бумагу от уполномоченного председателя особого совещания по обороне государства и председателя заводского совещания по московскому району следующего содержания:

“За вашей фирмой на 30-е сентября сего года числится сумма, не уплаченная «Обществу электрического освещения 1886 г.» за пользование электрической энергией.

Согласно предписанию помощника председателя особого совещания по обороне государства предлагаю вам безотлагательно, не позднее 15-го сего декабря, внести эту сумму в кассу Общества и сообщить мне об этом, так как неплатеж может вызвать такие последствия, которые побудят особое совещание по обороне государства, в видах обеспечения интересов обороны, принять соответствующие меры против неплательщиков. Неполучение к 15-му декабря ответа будет принято мною за отказ исполнения приказаний Особого совещания.

Генерал-Майор Чердынцев”.

«Неизвестный» в «Московских ведомостях», конечно, не мог промолчать:

Недурные подарки своим «клиентам» начинает рассылать ...Общество 1886 года. Одна торговая фирма получила в декабре месяце «бумагу» от названного общества, но не прямо от него, а от генерал-майора Чердынцева. Об этом открыто заявлено в заседании Московской Думы. В чем тут секрет? Почему генерал-майор Чердынцев хлопочет о сборах Электрического Общества 1886 года? Что же оказывается?

Бумага эта направлена торговой фирме «согласно приказанию помощника председателя особого совещания по обороне государства». Помощник председателя взыскивает деньги за электрическую энергию (за сентябрь), руководствуясь не только интересами Общества 1886 года, но и интересами обороны России. Выходит, однако ж так, что тех, кто не желает платить немецкому Обществу, того ждут административные кары (что так же упомянуто в бумаге). Приходится подивиться изворотливости немцев, которые и внутри России проявляют себя весьма искусными дипломатами. Они ухитрились загородиться обороной русского государства! Это они-то, переславшие в свое время в Берлин 10 миллионов русских рублей!

В ноябре 1915-го, как уже упоминалось, на Особом совещании по подмосковному углю и торфу в Политехническом музее Р.Э. Классон выступил с докладом «Правовое положение областных электрических станций». Еще была свежа скандальная история с противодействием губернской и земской управ, городов Москва и Богородск (ныне Ногинск) сооружению «Электропередачи».

Поэтому Роберт Эдуардович не мог не сформулировать юридические новации для урегулирования подобных коллизий:

Ясно, что после горького опыта Общества «Электропередача» ни один предприниматель не возьмется за сооружение областной станции общественного пользования, сколь заманчивы ни были перспективы, пока в законодательном порядке не будут установлены точно и строго определенные права и обязанности областных станций и выяснено, кто может и должен разрешать спорные вопросы, возникающие при появлении областных станций, которые затрагивают интересы целого ряда лиц и учреждений.

В частности, в будущем законодательстве совершенно необходимо установить, чтобы каждый фабрикант или заводчик, предприятия которого расположены в каком-либо городе, имел право (с соблюдением, конечно, всяких технических правил) проложить к своему предприятию, находящемуся в черте города или в районе земства необходимые провода для того, чтобы питать это предприятие током, получаемым извне.

В данное время крупные предприятия, находящиеся в городской черте, поставлены в этом отношении в совершенно бесправное положение. Большие заводы могли бы построить свою собственную торфяную станцию и передавать ток на свои заводы в городе, но теперь этого им никоим образом не позволят или же города обложат их такими налогами, при которых такая комбинация становится неосуществимой.

Теперь и город заявит протест, и кроме того концессионеры электрических предприятий, где таковые имеются, также будут протестовать, требуя, чтобы предприятие питалось энергией от их станции. Такое разрешение пользоваться городскими улицами для прокладки кабелей, имеющих специальное назначение питания определенных заводов и фабрик, явилось бы наиболее действительным противодействием всякого рода монополиям. Кроме того, необходимо, чтобы электрические предприятия общественного пользования получили на известных, строго определенных условиях, право пользования дорогами и в крайних случаях право отчуждения частных земель.

Если для железных дорог право отчуждения признано давно и бесспорно, то с не меньшей настоятельностью выдвигается вопрос о необходимости права отчуждения для питательных артерий областных станций, призванных сыграть в будущем не меньшую роль чем железные дороги, разнося силу, свет и тепло широким кругам населения.

Тут же Р.Э. Классон предложил и соответствующую резолюцию:

Совещание, созванное Московским Уполномоченным Председателя Особого Совещания по Топливу, выслушав ряд докладов об условиях, в которых приходится работать областным электрическим станциям, видит в скорейшем установлении твердых законодательных норм, регулирующих права и обязанности таких станций, необходимый шаг к планомерному и рациональному использованию торфяных богатств Центрального района. Эти законодательные нормы должны бы устранять всякого рода монополии и привилегии, предоставляя свободной конкуренции устанавливать возможно низкие тарифы и широкое распространение электрической энергии среди населения. Желательна интенсивная постройка областных станций, не стесненных излишними регламентациями, кроме технических правил, обеспечивающих интересы других учреждений и общественную безопасность.

На совещании выступили также с докладами В.Д. Кирпичников – «Первая торфяная областная станция» и Г.М. Кржижановский – «Областные электрические станции на торфе и их значение для центрального промышленного района».

Но ни одной областной станции на местном топливе при Николае II так и не было сооружено, несмотря на огромные торфяные залежи в Московской губернии. Этот режим, раздираемый глубинными противоречиями и войной с германцем, неуклонно загнивал в экономической и моральной сферах...

Как читатель увидит из дальнейшей истории, при большевиках в России будет построено лишь несколько станций на торфу. Но все они рано или поздно будут переведены на другие виды топлива. А химических комбинатов-электростанций, позволяющих производить не только электроэнергию и тепло, но и готовый к продаже торф и различные химические продукты из него, включая кокс и нефтепродукты, тоже не появится...

Так что все мощные усилия Р.Э. Классона – инноватора завязнут в тине сначала царского, а затем и большевистского болота.

Наиболее напряженным для энергетиков годом был 1916-й. Согласно режиму совместной работы Раушской станции и «Электропередачи», одобренному Московским топливным комитетом, по выходным и в праздники работала только одна станция, преимущественно Раушская. В вечерний максимум ее поддерживала «Электропередача». Наивысший до октябрьского переворота 1917 года уровень нагрузки достиг в 1916-м 54 мегаватта при суммарной мощности агрегатов 56 мегаватт. Специалистам не надо объяснять, что станциям пришлось работать на пределе своих возможностей!

Расстройство хозяйственных связей из-за войны с германцем и борьбы революционеров с властями вынудили энергетиков пойти на беспрецедентный шаг:

Московское отделение Общества электрического освещения 1886 г. рассылает своим абонентам следующее извещение:

«Настоящим мы имеем честь предупредить вас, что вследствие чрезвычайных расходов, обусловленных дороговизной топлива, рабочих рук и всех эксплуатационных материалов, мы принуждены повысить тариф за электрическую энергию для целей освещения, и потому, на основании постановления нашего Особого управления, мы будем выписывать вам счета, начиная с августовского счета, по 3,1 коп. за гектоуатт-час. В случае вашего нежелания пользоваться электрической энергией на изменившихся условиях мы покорнейше просим вас уведомить нас об этом до 15-го июля [1916 г.]».

До сих пор за гектоуатт-час взималось по 2,5 коп.

Забегая вперед, отметим, что в августе 1917-го тариф на освещение был вынужденно повышен до 4 копеек.

Искусно нагнетавшаяся ранее истерия в газетах сильно подействовала на многих абонентов Общества 1886 г., которые отказывались платить «всесильным тыловым врагам». Наиболее показательным стал тянувшийся с декабря 1914-го конфликт, в который оказался втянут и Роберт Эдуардович (ему, как директору-распорядителю, был предъявлен иск на 75 коп. за порчу «предохранительной пробки»!). Этот конфликт рассматривался в суде в ноябре 1915-го и июне 1916-го:

У мирового судьи Пятницкого участка слушалось дело по иску Общества 1886 г. к инженеру Московской губернской земской управы В.В. Солодовникову о расторжении договора о поставке ему электрической энергии. Общество требовало расторжения договора на том основании, что он уже фактически нарушен по вине г. Солодовникова.

В декабре 1914 года г. Солодовников перестал платить Обществу 1886 г. за электричество. На требование Общества заплатить он заявил, что не желает своими деньгами помогать врагам родины, так как считает Общество 1886 г. немецким.

Одновременно он послал письмо главноначальствующему г. Москвы с просьбой разрешить вносить ему плату, следуемую Обществу 1886 г., в одно из правительственных учреждений. Главноначальствующий ответил, что деньги нужно вносить в кассу Общества 1886 г., так как над Обществом установлен правительственный контроль.

В сентябре 1915 года г. Солодовников получил от Особого управления Общества 1886 г. сообщение об учреждении, согласно постановлению Совета министров, Особого управления с участием представителей правительства и предложение об уплате денег Обществу. Г. Солодовников ответил, что вносить деньги Обществу он не будет, а внесет их только в Государственный банк, казначейство или какое-либо другое официальное учреждение. Если же Общество насильственно прекратит отпуск энергии и снимет счетчик, то он присоединит кабель освещения своими средствами. Копию этого заявления он послал Министру внутренних дел А.Н. Хвостову.

<...> В октябре 1915 г. к г. Солодовникову явились агенты Общества 1886 г. и обманым путем попросив лестницу у швейцара, якобы для ремонта проводов, разъединили провода в квартиру г. Солодовникова и лишили его [электрического] освещения. Г. Солодовников собственными силами соединил провода и сообщил об этом Обществу. 31-го октября полиция составила протокол о самоуправных действиях г. Солодовникова. В ответ таковой же протокол, о самоуправных действиях агентов Общества, составил сам г. Солодовников, предъявив одновременно к одному из директоров Общества, г. Классону, иск в 75 коп. за порчу предохранительной пробки. 2-го ноября агенты Общества сняли у г. Солодовникова счетчик и опять разъединили провода. Г. Солодовников снова их соединил.

В ноябре слушалось дело у мирового судьи Пятницкого участка по иску Общества 1886 г. к г. Солодовникову о 30 руб. 14 коп. платы за электричество по день снятия счетчика. Мировой судья, а затем мировой съезд иск Общества удовлетворили. Г. Солодовников уплатил деньги судебному приставу.

Электрической энергией г. Солодовников продолжает пользоваться до настоящего времени и денег за это в кассу не вносит. Общество 1886 г. снова решило бороться с ним судебным порядком, предъявив иск о расторжении договора по вине г. Солодовникова. Иск оценен Обществом в 400 рублей. Мировой судья, признав, что Общество 1886 г. первое и притом самовольно нарушило договор, вследствие чего требовать о расторжении по вине г. Солодовникова не может, в иске Обществу отказал.

<...> В своей резолюции по этому делу, которая, конечно, была известна поверенному Общества, мировой судья, между прочим, указал, что без санкции суда Общество 1886 г. не имеет права снимать счетчик, так как это уже является нарушением договора его с абонентом.

Дело это разбиралось 6-го июня, а 9-го июня отчет о нем был напечатан в «Русском Слове». Тем не менее, 9-го июня утром агенты Общества 1886 г. явились в дом, где живет В.В. Солодовников, бывший тогда в отъезде, и снова разъединили провода, наложив на концы их пломбы Общества. Сопровождал агентов и тем санкционировал их действия околоточный надзиратель местного [полицейского] участка. В.В. Солодовников узнал об этом только на этих [(июльских)] днях, вернувшись в Москву.

В участке В.В. Солодовникову заявили, что участие представителя полиции в самоуправных действиях агентов Общества объясняется недоразумением. Чины полиции были введены в заблуждение, не зная ни о взносе В.В. Солодовниковым денег судебному приставу, ни о последующем решении судьбы.

Ныне В.В. Солодовников возбуждает против Общества еще одно (кроме уже имеющих в делах мирового судьи) дело о самоуправстве, отмечая в своей жалобе недопустимое игнорирование Обществом решения суда.*

Выяснилась и такая поразительная вещь (о чем мы уже упоминали) – не только частные лица, но и предприятия стали недоплачивать за потребленную электроэнергию (и считали это позорное явление совершенно нормальным делом!):

В одном из последних заседаний городской Думы городской голова М.В. Челноков, давая очередную справку о положении дел с ликвидацией Общества 1886 г., между прочим, обратил внимание Думы на полученное им от одного из гласных Думы, крупного московского фабриканта, заявление, в котором он жаловался городскому самоуправлению на то, что по отношению к его предприятию принимаются совершенно особые меры для побуждения исправного взноса платежей Обществу 1886 г.

Богатое защитниками Общество добилось в Петрограде того, что об исправных платежах ему стал заботиться председатель Особого совещания по обороне. Последний официально уведомил фирму о необходимости немедленной уплаты недоимок под угрозой приостановки электрической энергии на его заводе.

Сообщения газет об этом факте дошли до Петрограда. Городской глава получил теперь следующее официальное разъяснение по этому поводу:

«Дабы не было каких-либо недоразумений, сообщая, что упомянутое распоряжение сделано не по признанию помощника председателя Особого совещания по обороне, а по приказанию председателя Особого совещания по обороне, на основании п. 1-го ст. 10-й Положения об этом совещании.

Вызвана же эта мера тем, что значительное количество заводов в Петрограде и Москве не производило платежей Электрическому обществу 1886 г., вследствие чего мог бы быть прекращен отпуск энергии, что являлось совершенно недопустимым с точки зрения интересов государственной обороны, почему и было предложено всем заводам, работающим на оборону и не вносящим почему-либо платежей за энергию Обществу, таковые произвести».

В декабре 1916-го власти вынуждены были выделить энергетикам первый транш в 1 млн рублей в счет разрешенной правительственной ссуды в объеме 4 млн рублей, чтобы они продолжали непрерывно снабжать электричеством оборонные и другие предприятия:

По постановлению Совета министров Обществу 1886 г. отпущен вчера кредит в 1 000 000 рублей, в счет разрешенной правительственной ссуды в 4 000 000 рублей.

---

* Интернет идентифицирует сего «злостного идейного неплательщика»:

Солодовников Владимир Васильевич. Окончил ИМТУ [(Императорское Московское Техническое Училище)] в 1901 г., инженер-механик. Инженер при Губернской земской Управе.

Под председательством товарища Министра финансов А.И. Николаенко, при участии представителей Министерства финансов и других ведомств состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос, на каких условиях может быть предоставлена ссуда обществу и какие имеются гарантии, что эта ссуда своевременно будет покрыта.

Общество 1886 г. представило по этому поводу подробные данные о своих клиентах, не плативших в последнее время за энергию. Невыплаченная обществу сумма выражается в сумме нескольких миллионов рублей, причем большинство должников – заводы и крупные фабрики.

Совещание признало возможным в ближайшее время из сумм государственного казначейства предоставить Обществу 1886 г. временную ссуду на остальные 3 000 000 рублей, с тем чтобы ссуда эта погашалась по мере поступления платежей за энергию.

Министр торговли князь В.Н. Шаховской обратился ко всем ведомствам с письмом, в котором просит оказать содействие, чтобы причитающийся Обществу 1886 г. долг от ведомственных предприятий и отдельных лиц был в ближайшее время покрыт.

В воспоминаниях о В.В. Старкове Р.Э. Классон так характеризовал военный период:

Административная работа в 1914-15 гг. была чрезвычайно тяжелой. Одновременно с этим шли требования со стороны военной промышленности о быстром присоединении вновь возникающих заводов к сети. Все эти работы приходилось делать под давлением военных властей. Прирост промышленных предприятий был так велик, что не хватало мощности станций, приходилось работать всеми машинами. Работа была очень интенсивной, и все же В.В. Старков не терял своего спокойствия и твердо вел свою линию.

Все, что можно было делать, делалось, сил не жалели, и развитие электрификации Москвы и Петрограда приняло совершенно невиданный до тех пор размах. Февральская революция [1917 г.] оборвала это развитие, и внезапно станции очутились в совершенно новых условиях. Все начатые работы в вихре политических событий прекратились, и долгое время станции находились в полном забвении. Было не до них.

Постепенно станции начали приходить в расстройство, главным образом «Электропередача», как предприятие молодое, с неустановившимся и неокрепшим персоналом. Московская станция держалась хорошо благодаря подбору персонала в течение десятков лет, и она устойчиво вынесла все потрясения. (ф. 9508 РГАЭ)

Здесь Роберт Эдуардович несколько лукавит. Автор, просматривая старые газеты, обнаружил и такой сугубо криминальный сюжет. Полиция в 1916 году накрыла подпольное производство самогона, который организовал на квартире как раз московский монтер Общества 1886 года. Поскольку ему постоянно приходилось отлучаться на службу, то он нанял присматривать за самогонным аппаратом швейцара соседней гостиницы...

А вот и прямая вина монтеров того же Общества, которые уже стали спустя рукава обслуживать подведомственное им периферийное оборудование (сюжет за октябрь 1916-го):

Вчера около 8-ми час. вечера, в районе Триумфальной площади, в некоторых владениях, получающих ток со станции Общества 1886 г., начало «шалить» электричество. Сначала электричество погасло, затем началось мигание и, наконец, установился слабый красноватый свет. Вызванные с электрической станции монтеры провозились около двух часов, пока, наконец, удалось исправить повреждение. Порча электричества, между прочим, вызвала смятение в кинематографе Ханжонкова, где предстояло демонстрирование широко разрекламированной ленты «Кабурия».

Электричество испортилось, когда в переполненном кинематографе сеанс только что начался. Зал погрузился в полную тьму. Зрители, разумеется, всполошились. Но нужно отдать должное москвичам. Они так же быстро успокоились, как и взволновались. Мало того: при тусклом свете стеариновых свечей и мигающем электричестве все терпеливо ждали, пока, наконец, был дан полный свет, и сеанс возобновился.

«Деньги обратно» потребовали только 16 человек. Так, по крайней мере, объявил администратор кинематографа, благодаривший публику за «терпение».

Параллельно «разборкам» с абонентами шло рассмотрение затянувшегося вопроса о ликвидации Общества 1886 года. В октябре 1916-го власти вынесли такое решение:

Состоялось заседание Особого комитета по борьбе с немецким засильем, под председательством А.С. Стишинского. Первым обсуждался вопрос об Обществе 1886 года.

В заседании были доложены соображения администрации Общества 1886 г., представления Московского городского головы М.В. Челнокова и справки о постановлениях Совета министров в разное время по вопросам об Обществе 1886 года.

В результате обмена мнений Особый комитет по борьбе с немецким засильем большинством голосов постановил ликвидировать Общество 1886 года. Председатель А.С. Стишинский заявил, что пока вопрос надо *[было]* разрешить вообще.

На «финишную прямую» вышел и законопроект об электропередачах, за создание правовых рамок для которых так ратовал годом ранее Р.Э. Классон (объективности ради стоит отметить, что сия тема поднималась еще раньше и на Электротехнических съездах). В июле этот сюжет звучал следующим образом:

Министр торговли князь В.Н. Шаховской входит в Совет министров с проектом об урегулировании вопроса об электропередачах. Признавая, что все дело электропередачи имеет государственное значение, ведомство намечает постепенный переход его под правительственный контроль и в первую очередь считает необходимым урегулировать вопрос об электропередачах на дальнее расстояние.

Все дело предполагается централизовать в Министерстве торговли, создав при нем особый орган – Совет по электрическим делам, изъяв от местных органов Министерства внутренних дел право выдачи разрешений на устройство электропередач на местах. Ходатайства о таких установках будут рассматриваться Присутствием по горнозаводским и фабричным делам с точки зрения удовлетворения районных потребностей. Соответственные заключения присутствия будут передаваться на разрешение Центрального совета. Проект предусматривает также правительственную регулировку цен на электрическую энергию и устранение произвольных отношений между хозяевами электропередач и потребителями энергии.

А в ноябре так:

Согласно постановлению Совета министров, внесенному Министром торговли, законопроект об электропередачах был возвращен в министерство с предложением согласовать раскол между министерствами Торговли и Внутренних дел. Раскол заключается, главным образом, в том, что Министерство внутренних дел желало подчинить надзор за электротехническими сооружениями общей полиции, а Министерство торговли в своем законопроекте предусматривало сосредоточение всего надзора за передачей электрической энергии в руках своих чинов.

В результате согласительного рассмотрения Министерство внутренних дел признало возможным взять обратно выработанный им законопроект о полицейском надзоре за электротехническими сооружениями и почти без поправок принял проект торгово-промышленного ведомства.

Но по вопросу о разрешении новых электротехнических сооружений, по соглашению между министерствами Внутренних дел и Торговли, в законопроект включена оговорка, ставящая разрешение электротехнических установок в полную зависимость от согласия представителей Министерства внутренних дел.

В случае несогласия представителей этого ведомства в местном или центральном комитетах [Министерства торговли] по электротехническому делу с мнением комитета вопрос, вызвавший разногласие, разрешается Советом министров.

В декабре 1916-го вопрос о ликвидации Общества 1886 года (путем выкупа акций) вроде бы был окончательно решен:

Сегодня в заседании Совета министров обсуждался выработанный Особым комитетом по борьбе с немецким засильем проект ликвидации Общества 1886 г. и «Электропередачи». Объяснения давал председатель Особого комитета по борьбе с немецким засильем А.С. Стишинский. Проект ликвидации Общества 1886 года. Советом министров одобрен.

В то же время Совет министров постановил увеличить исчисленную Особым комитетом оценку имущества Общества 1886 г. с 55-ти до 75-ти миллионов рублей, причем высказал пожелание, чтобы казна приобрела в будущем правлении предприятия большинство акций, во всяком случае не менее 45%. Журнал Совета министров с постановлением о ликвидации Общества 1886 г. будет подписан 28-го декабря.

Но в том же декабре 1916-го Высочайшим указом был отставлен председатель Совета министров А.Ф. Трепов (заменивший не далее как в ноябре отставленного Б.В. Штюрмера), а в феврале 1917-го случилось отречение Николая II, и на сцене появилось Временное правительство... Тем не менее, в январе 1917-го, в заседании Совета Министров, была принята окончательная редакция проекта Особой комиссии по борьбе с немецким засильем о ликвидации Общества 1886 года.

На случай осуществления городскими самоуправлениями Москвы и Петрограда права на досрочный выкуп предприятий Общества 1886 года стоимость всех предприятий этого Общества определена Советом Министров не в 75 000 000 рублей, как было установлено первоначально, а всего в 55 000 000 рублей. Журнал Совета Министров будет повергнут на Высочайшее усмотрение.

А 13-го февраля был Высочайше утвержден журнал Совета Министров о ликвидации Общества 1886 года и об учреждении нового правления! То есть Николай II, находившийся в то время в Ставке Верховного Главнокомандования в Могилеве, а не в Петрограде, подписывал и гражданские бумаги. Всего за полмесяца до своего отречения!

Суть документа сводилась к следующему:

Управление делами Общества и его ликвидация возлагается на особое управление, в составе семи представителей министерств: Внутренних Дел, Военного, Морского, Путей Сообщения, Финансов, Торговли и Промышленности и Юстиции; двух представителей городских общественных управлений по выбору городских дум городов Петрограда и Москвы и трех лиц из акционеров Общества, назначаемых Министром Торговли и Промышленности по соглашению с Министрами Внутренних Дел и Военным из числа входящих в состав вновь образованного управления и членов правительства.

Управление делами Общества состоит: в принятии всего имущества Общества от лиц, в распоряжении которых оно находится, в составлении баланса на день принятия дел Общества и в безостановочном продолжении деятельности всего предприятия.

Цена предприятия определяется в 55 миллионов рублей. В эту цену не входит стоимость лодзинского предприятия Общества.

Особое управление передает за указанную цену все предприятия, со всеми активом и пассивом, акционерному обществу, учреждаемому на основании особого устава, в целях приобретения и продолжения предприятия ликвидируемого Общества.

Способ оценки лодзинского отделения Общества и соответствующее дополнительное вознаграждение акционеров ликвидируемого Общества устанавливаются Советом Министров после передачи этого отделения вновь образуемому Обществу. Все права и обязанности ликвидируемого Общества по концессионным договорам, заключенным с городами Петроградом, Москвой и Лодзью, переходят к новому Обществу.

Из числа акционеров ликвидируемого Общества преимущественное право на акции вновь учреждаемого акционерного общества, поступающие в распределение между частными лицами, имеют все подданные России или союзных и нейтральных стран и те образованные по законам этих стран и не прикосновенные к неприятельским государствам товарищества и общества, которые представят бесспорные доказательства принадлежности им права собственности, по состоянию на 29-е июня 1914 года, акций Общества 1886 года.

Проверка прав акционеров и выдача удостоверений на право получения акций нового Общества возлагаются на новое управление. Бесспорными доказательствами принадлежности акций признаются: биржевые сделки, заключенные в письменной форме, нотариальные договоры, утвержденные духовные завещания, исполнительные и вводные листы и выписки из торговых книг, правильность ведения которых надлежаще удостоверена.

Акции [\[последней эмиссии? – МК\]](#), представленные на последнем до войны общем собрании акционеров, и акции неприятельских подданных не подлежат обмену. Особое управление принимает от вновь учрежденного акционерного Общества в уплату за переводимое предприятие как наличные деньги, так и акции ликвидируемого Общества, по цене 550 руб. за акцию.

На особое управление возлагается распределение полученных в уплату за предприятие наличных денежных сумм между акционерами ликвидируемого Общества, не обменявшими свои акции на акции вновь учрежденного Общества. При этом суммы, причитающиеся к выдаче подданным воюющих с Россией держав, проживающих за границей, подлежат внесению для хранения в особый фонд при Государственном банке, а имеющих пребывание в Российской империи – в государственные сберегательные кассы, с выдачей им сберегательных книжек.

Но после свержения царского режима управленцы Общества 1886 года, в том числе, по-видимому, и Р.Э. Классон, стали лихорадочно соображать, каким образом сохранить предприятие в условиях «демократической России». Но главное – как сохранить квалифицированный менеджмент в этом, можно сказать, образцовом заведении.

На это указывает следующая публикация в «Русском слове» за 14 марта 1917 года:

Вчера в городскую думу поступило от директора Общества электрического освещения 1886 года господина Ульмана интересное заявление. В связи с государственным переворотом господин Ульман говорит в совершенно новом тоне.

Через его посредство Общество доводит до сведения городского головы о том, что в виду большой заинтересованности городских самоуправлений Петрограда и Москвы в предприятиях Общества 1886 года, следовало бы между столицами и Обществом выработать соглашения, примерно на нижеследующих условиях.

Общество 1886 года перестает существовать и ликвидируется. Учреждается новое Общество, с акционерным капиталом в 75 000 000 рублей, под названием «Общество Электроэнергия». Акции Общества 1886 года, ныне принадлежащие подданным вражеских стран, поступают в собственность городских общественных управлений Петрограда и Москвы, на сумму около 20 миллионов рублей номинальных.

Старые акционеры, русские подданные и подданные дружественных и нейтральных стран, получают право обменять свои акции Общества 1886 года на соответственные акции нового Общества, как привилегированные, так и обыкновенные. Новое общество «Электроэнергия» принимает на себя все права и обязанности ликвидируемого Общества.

Вчера же этому предложению было посвящено специально созванное городской управой совещание из гласных, ведавших нашими электрическими делами, и специалистов. Совещание открылось заявлением В.Д. Брянского, которого вновь посетили представители Общества – господа Ульман и Классон.

Они предлагали городу взять в свои руки все акции, которое полагало хранить в своих руках [царское] правительство. В.Д. Брянский заявил им, что город по-прежнему желает одного: полного отстранения деятелей этого Общества от предприятий и абсолютной передачи всего дела в руки города. При этом город ни в каком случае не помирится с оценкой Общества в 75 000 000 рублей, а примет предприятие по нормальной оценке, которая едва ли превысит 50 000 000 рублей.

Собрание признало предложения представителей Общества 1886 года неприемлемыми. Признано необходимым настаивать на передаче городу предприятий Общества на тех основаниях, которые были уже указаны в свое время [царскому] правительству.

Выходит, гласным, «ведавшим электрическими делами» в городе стал Виктор Диодорович Брянский, которого пришлось посещать Э.Р. Ульману и Р.Э. Классону.*

А вот и следующая публикация в том же «Русском слове», за 18 июня, которая подтверждает наше предположение об отчаянных попытках управленцев Общества 1886 года сохранить свой квалифицированный менеджмент и себя в компании:

Вчера вернулся из Петрограда товарищ городского головы П.А. Бурушкин. Вместе с другими представителями города он участвовал на совещании по вопросу о ликвидации Общества электрического освещения 1886 года. На совещании участвовали также представители [Временного] правительства, Петрограда, нынешний состав управления Общества и представители швейцарских акционеров. Представители швейцарских акционеров [(а также немцы господа Ульман и другие – из заметки от 21 июня)] выдвинули новое требование, чтобы при переходе Общества электрического освещения в новое акционерное общество состав управления до 1920 г. – окончания срока концессии – оставался прежний.

Представители московского общественного самоуправления, наоборот, утверждали, что при формировании нового акционерного общества состав правления должен быть избран уже по соглашению новых акционеров. Представители правительства эту точку зрения поддерживали. Таким образом, соглашение не состоялось, и вопрос о ликвидации Общества передан на обсуждение Временного правительства.

---

* Брянский Виктор Диодорович (1868–1944). Окончил юридический факультет Московского университета, калужский дворянин, председатель Каширской уездной Земской управы, товарищ московского городского головы (1909-1917), гласный Московской городской думы, почетный мировой судья. Председатель совета Московского частного коммерческого банка. Статский советник. Председатель Всероссийского союза городов. В годы гражданской войны – член Совета начальника Управления внутренних дел Особого совещания. В эмиграции – с 26 октября 1920 г., был в Болгарии, с 28 декабря 1920 г. проживал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Представитель Всероссийского союза городов, председатель издательской комиссии при русском Культурном комитете в Белграде.

Исполнительная власть не заставила себя долго ждать:

Временное правительство 22-го июня, по докладу Управляющего Министерством Торговли и Промышленности В.А. Степанова и согласно заключению образованного при Министерстве Торговли и Промышленности совещания по ликвидации неприятельских предприятий и обязательной продаже неприятельских акций, постановило применить к Обществу электрического освещения 1886 года Узаконение от 8-го февраля 1917 года, с тем чтобы выпущенные взамен принадлежащих неприятельским акционерам акции были переданы казне и городам Петрограду и Москве по цене, установленной в предусмотренном в Узаконении 8-го февраля 1917 г. порядке.

Но на этом пыл исполнительной власти закончился, поскольку под ней зашаталась уже вся Россия. А Общество 1886 года просуществовало до прихода большевиков и даже какое-то время при них, пусть и национализированное.

О чем свидетельствует следующий угрожающий документ, за январь 1918-го:

Московское отделение Общества электрического освещения 1886 года доводит до сведения всех своих абонентов, что несмотря на сделанное им предупреждение в газетах в декабре прошлого года о своевременной уплате по счетам, огромное большинство абонентов все же уклоняется от уплаты, это ставит Общество в невозможность своевременно уплачивать свои счета за топливо, в результате чего подача топлива Обществу опять прекращена.

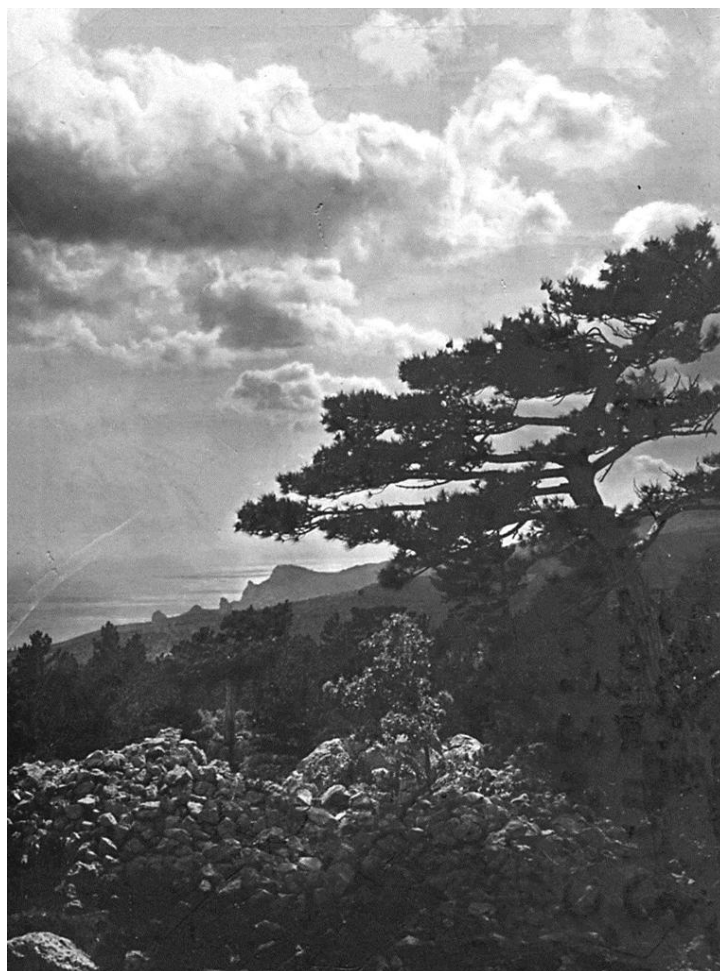
В настоящее время Общество имеет топливо лишь на три дня. Если абоненты в ближайшие дни не внесут причитающихся с них денег непосредственно в кассу Об-ва (Раушская наб., д. №8), то неминуемо предстоит остановка действия московской электрической станции, несмотря на то, что как финансовое, так и техническое положение Общества вполне благоприятно: за абонентами числится в настоящее время свыше шести с половиной миллионов рублей долга, тогда как за топливо надо уплатить лишь около двух миллионов рублей.

В настоящее время Общество пересматривает списки абонентов и абоненты, не оплатившие своих счетов, будут выключены, и возобновление им отпуска энергии будет производиться лишь по оплате всех представленных счетов и по внесении трехмесячного аванса, обеспечивающего аккуратную оплату абонентами, оказавшимися неисправными плательщиками.

Несмотря на все эти перипетии Р.Э. Классон, по-видимому уже после завершения торфяной кампании, в конце лета 1916-го отправился в продолжительный отпуск-лечение. На сей раз, из-за войны с германцем, – в Алупку (Крым), а не в Европу.

Сохранилась открытка с видом горно-лесистого Крыма, отправленная сыну Ивану из Алупки в Москву, на Садовники, 11:

<...> Позвони, Ваня, Старкову и спроси, состоится ли охота. Я приеду 21-го [сентября] вечером, так что надеюсь тоже поехать, надо взять из Богородска мои охотничьи вещи (куртку, сапоги, зимнее пальто и прочее). Мне уже не хочется здесь оставаться...

Открытка, посланная Р.Э. Классоном сыну Ивану из Алупки

В конце лета – начале осени 1917-го Роберт Эдуардович опять отдыхал в Крыму, на сей раз в Гурзуфе и писал сыну Ивану:

На днях я послал [дочери] Тане письмо с укором, что никто из Вас не пишет, это большое свинство. Как себя чувствуешь [после лечения от туберкулеза]? Я все еще немного раздражителен. Целую всех. Нарзан здесь подают t^0 = П.П. [перегретого пара?]. Это очень грустно, вообще я вздыхаю по леднику в «Электропередаче».

Ванек. Скажи [прислуге] Даше, чтобы она мой платяной шкаф держала открытым или еще лучше, пусть вынет все мои костюмы и повесит в чуланчике, чтобы они проветрились. Сегодня стригся «Жилетом» – очень хорошо, по приезде обрею тебе голову. Целую всех младенцев. Твой папа

А на открытке с фото «3-ей Гостиницы» пояснил стрелкой – «за деревом мои окна [на первом этаже]»:

Открытка, посланная Р.Э. Классоном сыну Ивану из Гурзуфа

Как можно понять из речи В.Д. Кирпичникова на вечере памяти Р.Э. Классона 14 февраля 1926 г., они вместе отдыхали в Гурзуфе, но одновременно мозги изобретателей работали над дальнейшим усовершенствованием схемы добычи гидроторфа (а в это время Россия неуклонно подвигалась к большевистскому перевороту!):

Торфосос [на треноге] очень скоро вырабатывал вокруг себя всю торфяную залежь, и бóльшая часть торфяного сезона тратилась не на работу, а на перестановку треноги и торфососа. Эта неудача очень сильно обескураживала Роберта Эдуардовича, и в августе 1917 года, [на отдыхе] в Гурзуфе, после совместных грустных размышлений на эту тему, впервые решено было применить для подвески и перемещения торфососа кран, который в то время казался чрезмерным усложнением установки.

Неизвестно когда, но еще до большевистского переворота Р.Э. Классон получил поздравление от дочери Сони (на открытке с репродукцией картины из Национального музея в Стокгольме – «два кровожадных орла напали на безобидную чайку», в старой орфографии):

Милый папсик, поздравляю, желаю поменьше сердиться и не пить пива. Целую, Соня

С чем поздравляла Софья «милого папсика», сегодня можно только предполагать, возможно – с днем рождения, когда Роберт Эдуардович в очередной раз путешествовал-лечился за границей.

А вот ее пожелания выказывают заботу любящей дочери и одновременно намекают на «вредные привычки» отца. Последнюю «вредную привычку» – «я все еще раздражителен», как мы видели выше, он самокритично признавал.

Открытка, отправленная Софьей «милому папсику»

В октябре 1917-го к власти пришли большевики (давно, как мы уже показывали, оккупавшиеся на электростанциях). Общество 1886 года и «Электропередача» были национализированы, а все проекты по сооружению и расширению станций и линий стали разрабатываться в верховном хозяйственном центре (где поучаствовал и Р.Э. Классон – в ЦЭС, ГОЭЛРО, ВСНХ).

Роберт Эдуардович так заканчивал свой материал в связи со смертью в 1925-м бывшего своего коллеги по Обществу электрического освещения 1886 года:

Три года [(с 1917-го по 1920-й)] В.В. Старков продолжал работу в Москве при активном участии во всех переменах управления станциями, вел переговоры с вновь возникающими организациями и все время оставался на административном посту, несмотря на kaleidoscopic быструю смену форм управления станциями.

Свалившиеся на энергетиков «калейдоскопически быстрые смены форм управления станциями», жуткая разруха после войны с германцем и гражданской бойни, тотальное планирование сверху вниз, идеологический диктат, масштабный поиск повсюду «вредителей» и т.п. описываются в очерках «Гидроторф – «дело государственной важности?»», «Под большевиками», «Жизнь после жизни» и т.д.*

---

* Формат живых, биографических очерков (даже более формальных Приложений) не позволил использовать многие документы, хранящиеся в Центральном историческом архиве Москвы и касающиеся деятельности «Общества электрического освещения 1886 г.» и его регионального директора Р.Э. Классона.

Для профессиональных исследователей дадим «наводку» следующего вида (с ресурса mosarchiv.mos.ru, который, к сожалению, из-за неправильной кодировки напрямую не читается):

Окончание примечания

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ 1886 г. (1890-1918)

ЦИАМ, ф. 722, 1591 ед. хр., 1889-1917

Протоколы заседаний правления общества (1896-1898), распоряжения, циркуляры управляющего о зарплате, найме на работу, продолжительности рабочего дня и др. (с 1896). Переписка с правлением общества, с техническими конторами Бара, Щербакова о приобретении электроприборов, работе динамомашии, ремонте паровых машин, устройстве электроосвещения, страховании имущества (част. на нем., франц. яз., с 1891). Переписка с посольствами Австро-Венгрии и Франции об устройстве освещения здания храма Христа Спасителя, с иностранными фирмами «Вальтер и К», «Сименс и Гальске», «Юлиус Гартон», с котельным заводом инженера Барс, Московским машиностроительным заводом «Густав Лист» и др. Переписка с Московской городской управой о проведении подземных и воздушных проводов, аренде земли под постройку центральной электростанции, о контроле над электроосвещением, об освещении Измайловского и Вознесенского проспектов [??? – МК], Тверской ул., левого берега р. Фонтанки [??? – МК], об освещении здания городской думы, Красной площади. Переписка с Московским воспитательным домом об аренде земельных участков, с Московским дворцовым управлением об устройстве электроосвещения и электроподъемников в Кремлевских дворцах, с Московским почт-директором об устройстве иллюминации в коронационные дни. Адвизы (с 1896), главные книги (с 1892), заказы иностранным фирмам (на нем. яз., 1896-1899), калькуляционные книги (1896-1897), мемориалы (с 1891), товарные книги (1897-1898). Списки акционеров с указанием паев и голосов (1894–1895), абонентов, пользующихся электроэнергией Георгиевской аккумуляторной станции (1896), служащих и рабочих московского отделения (с 1896). Контракты на освещение театров, музеев, жилых домов (1897), план владений московского отделения общества (1916). Фотодиаграммы суточной степени дневного освещения Москвы (1896-1897), диаграммы машин (с 1899), ежедневные сведения о работе и диаграммы производства энергии центральной электростанцией (1912), чертежи устройства электроосвещения (с 1897). Дела служащих (с 1892), именные списки рабочих (с 1900), расчетные книги рабочих (с 1891), книги личных счетов служащих (1913), фонда взаимопомощи служащих (1909), о несчастных случаях (1912-1914), приемного покоя (1898-1900), журналы амбулаторные (с 1902), для записи больных (с 1898), больничная касса (1913, 1915, 1917) и др.

МОСКОВСКАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЩЕСТВА ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ (1896-1913)

ЦИАМ, ф. 1590, 21 ед. хр., 1896-1913

Мемориал (1912), книги главные, специальные (1896–1898), инвентарная (1913). Переписка с правлением общества на нем. яз. (1896-1898).

КОМИССИЯ, ОБРАЗОВАННАЯ ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИМ г. МОСКВЫ, ДЛЯ РЕВИЗИИ И КОНТРОЛЯ ДЕЛ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ ([период] не установлен)

ЦИАМ, ф. 1609, 7 ед. хр., 1914-1915

Протоколы заседаний (1914-1915), доклады Московской городской управы о положении дел московского отделения общества (1914), переписка комиссии с МВД о результатах проверки деятельности московского отделения общества, о передаче его станции городскому общественному управлению. Сметы, списки трансформаторов. Сведения о мощности станции. Списки акционеров по странам с указанием числа акций у них (1914-1915).